
Р63
Н. РОЖКОВ
РУССКАЯ
ИСТОРІЯ
ТОМ

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ВОСЬМОЙ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

Главлит № А19812. Заказ № 747. Тир. 8.000-16½ п. л.

Центральная Типография НКВМ (Ленинград, пл. Урицкого, 10).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Для окончательного разрешения нашей задачи нам остается исследовать те исторические процессы и явления, которые составляют обычное содержание новейшей истории. Ни одна из древних культур не дожила до этого рода явлений: они составляют достижение европейской культуры и ее ответвлений в других частях света.

Вслед за старым порядком в истории всех европейских народов наступил период буржуазно-демократической революции. Ее название показывает, что это был критический период, в течение которого власть, господство в обществе перешло в руки буржуазии из рук дворянства. Именно поэтому такая революция носит название буржуазной. Она называется также демократической, но не потому, что ею власть сразу была организована по крайней мере формально-демократически: это случилось позднее, при переходе к культурному капитализму, и притом и тогда формальная демократия осуществлена была далеко не вполне, со многими оговорками и ограничениями. Демократической буржуазная революция называется по той причине, что демократия была главной активной силой произведенного переворота; в особенности же потому, что эта революция провела в жизнь гражданское (не политическое пока) равноправие, уничтожила сословный строй по крайней мере в главных его проявлениях, в области гражданского права.

Такова социальная природа буржуазно-демократической революции. Ее экономический базис—переход к производственному (сельскохозяйственному и промышленному) капитализму.

Эти предварительные определения нам необходимы в самом начале исследования буржуазно-демократической революции для того, чтобы точно установить, когда начинается и оканчивается этот период, определить для каждой страны его хронологические пределы. При этом надо помнить, что буржуазно-демократическая революция, научно понимаемая, есть не только ряд бурных событий, а также и целый процесс, в котором бурные события составляют лишь один из его моментов. Это не исключает необходимости исследования закономерности бурного момента, хода бурных событий, но это требует того, чтобы мы не сводили всей буржуазно-демократической революции к одному лишь бурному ее моменту. Таким образом мы должны, руководясь указанным сейчас социально-экономическим мерилом, определить начальный и конечный пункт буржуазно-демократической революции в каждой из западно-европейских стран.

Начальный пункт буржуазно-демократической революции как процесса определить нетрудно: это—начало разложения старого порядка. Но когда кончается процесс этой революции?

Ответ на этот вопрос можно дать только один: тогда, когда буржуазия одна получает власть, не делясь ею с дворянством или, выражаясь точнее, делясь ею только с тем дворянством, которое уже само переродилось в буржуазию.

Вот почему конец английской революции—1688 год: тогда непримиримая, не переродившаяся в буржуазию часть английского дворянства окончательно потеряла власть. Правда, дальше продолжалась борьба внутри правящего класса, ярчайшими проявлениями которой были закон о профессиональных рабочих союзах 1824 г., парламентская реформа 1832 г. и отмена хлебных пошлин в 1846 г. Но то была борьба не буржуазии и дворянства, а двух буржуазий—сельскохозяйственной и промышленной. Правда, в 30-х и 40-х годах шло чартистское движение, и в 1867 г. и позднее произведена была новая парламентская реформа. Но то были движения и явления, знаменовавшие собою переход от грубо-хищнического капитализма к капитализму культурному. Все это были процессы и явления, свойственные уже

развитому производственно-капиталистическому обществу, т.-е. относящиеся уже к тому периоду, который будет рассмотрен в IX томе нашего труда.

Точно так же во Франции буржуазно-демократическая революция закончилась июльской революцией 1830 года, так как раньше, в эпоху реставрации, буржуазии пришлось делиться властью с дворянством старого стиля, не переродившимся в буржуазию. Правда, там в 1848 г. произошла февральская революция. Но она, как и война 1870—71 годов, знаменовала собою опять-таки переход от грубо-хищнического капитализма к культурному. Мы уже не говорим о том, что в известном смысле и революция 1848 г. и коммуна являются зародышами новых процессов, разрушающих капиталистическое, буржуазное общество.

В Германии и Австрии образование Северо-Германского союза Пруссией и война 1866 г. были концом буржуазной революции. Тот же 1866 г. важен в этом отношении и для Италии. Переход к культурному капитализму в Германии окончательно совершился после войны 1870—71 годов, а в Австрии и Италии и того позднее.

Сказанным определяются хронологические пределы буржуазно-демократической революции как процесса в важнейших странах Западной Европы. Мерило здесь установлено точное, и нам не составит особого труда приложить его к соответствующему процессу в истории других западно-европейских стран и сделать из этого надлежащие выводы.

Во всем, что сейчас сказано, нет ни слова о России. И не без причины. Мы видели до сих пор, как много своеобразного представлял собою процесс русского исторического развития вплоть до полного торжества дворянства и старого порядка. Это своеобразие увеличивается в XIX и XX веках до чрезвычайности. И именно поэтому целесообразнее всего отступить сейчас от порядка изложения, которого мы придерживались в предыдущих томах: там прежде всего обозревался процесс русского исторического развития, потом делался обзор явлений за соответствующий период в других странах и в заключение формулировались общие выводы. Сейчас это

становится неудобным: слишком своеобразное русское историческое развитие XIX и XX веков целесообразнее исследовать после того, как будут изучены буржуазно-демократическая рево: юция и производственный капитализм в других странах; тогда многое будет яснее и понятнее и в новейшей истории России.

Цель настоящего введения—указать порядок изложения в этом и последующем томах и те общие соображения, которые легли в основу установления этого порядка. Но во введении к настоящему тому все это только указывается, а не доказывается. Доказательства читатель найдет позднее, при самом изложении в высшей степени важных и сложных процессов развития буржуазно-демократической революции и производственного (сельскохозяйственного и промышленного) капитализма.

Для читателя, внимательно проследившего наше изложение в предшествующих томах и освоившегося с нашей терминологией, ясно, что тот период, которому посвящен VIII том, является периодом критическим, а тот, который будет освещен в томе IX имеет характер органической эпохи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Буржуазно-демократическая революция в Англии.

I.

Подготовка революции.

Изучая старый порядок Англии, существовавший там в первые десятилетия XVII века, мы уже указывали на непрочный, упадочный характер этого английского старого порядка, на то, что его история является уже в сущности историей его разложения. Таким образом, строго говоря, буржуазно-демократическая революция в Англии начинается с первых десятилетий XVII века и, как было уже сказано во введении к настоящему тому, заканчивается накануне последнего десятилетия этого века.

Нам уже знакомо общее положение английского народного хозяйства в первой половине XVII в.: то было время полного развития торгового капитализма в Англии. Теперь нам предстоит отметить в этом торговом капитализме новые явления, подготовлявшие уже переход к капитализму производственному, — сельскохозяйственному и промышленному.

Внешними признаками перемен в хозяйстве — глубоких и важных — были быстрый рост населения страны, повышение цен на хлеб и увеличение земельной ренты. Население выросло перед революцией не до 4-х миллионов, как считали прежде [1]), а до $5^1/_2$ милл. человек [2]), — по крайней мере вдвое за столетие. Цены на хлеб в пер-

---

[1]) *Thorold Rogers*, History of Agriculture and Prices in England, том V.

[2]) *Bernstein*, Sozialismus und Democratie in der grossen englischen Revolution, Stuttg. 1919, стр. 7.

вой половине XVII в. были более чем вдвое выше, чем во второй половине XVI века [1]). В то же время рента с пастбищ выросла в такой же пропорции, т.-е. реально осталась в общем неизменной, но рента с пахотной земли возросла впятеро или вшестеро [2]), так что, принимая даже во внимание рост цен на хлеб, надо будет признать, что реальная рента в земледелии увеличилась в $2^1/_2$ или три раза.

Это показывает, что та видная роль, которую играло в английском народном хозяйстве скотоводство, главным образом овцеводство, производившее шерсть для английских шерстяных и суконных мануфактур, сохранилась, но земледелие в то же время чрезвычайно увеличило свой экономический удельный вес: оно работало и на внутренний и на обширный внешний, международный рынок. Несколько крупных компаний получили к середине XVII в. концессии на постройку дорог, прорезывавших всю страну [3]).

Это увеличение значения земледелия сопровождалось и техническими в нем успехами, состоявшими не только в осушке болот, но и в травосеянии, многополье и плодосмене [4]), — во введении улучшенных севооборотов. Надо при этом отметить, что не фермеры, а сами лорды, крупные землевладельцы вводили на своих запашках плодосменную систему [5]).

Производить эти улучшения нельзя было при чрезполосном расположении владельческой пашни среди участков арендаторов всякого рода и вида—фригольдеров, нипигольдеров и вилланов; поэтому огораживание в XVII в. продолжалось и усиливалось.

Но этого мало: в земледелии, на огороженной и консолидированной, соединенной в сплошную площадь владельческой пашне, на которой притом вводился плодосмен, неизбежно было применение вольнонаемного труда, — и оно стало заметным, даже господствующим фактом в XVII веке [6]).

---

[1]) *Rogers*, Hist. of Agr. and Pr., V.
[2]) Там же.
[3]) *Тойнби*, Промышленный переворот в Англии, М. 1898, стр. 187
[4]) *Rogers*, Hist. of Agr. and Pr., V, стр. 45 и сл.
[5]) *Тойнби*, Промышл. переворот, стр. 28–29.
[6]) *Bernstein*, Sozial. und Democr., стр. 19; *Тойнби*, стр. 87.

Наконец, старая средневековая, феодальная аренда с оброком и барщиной, определяемыми их нормальным обычаем, стала заменяться новой краткосрочной арендой по договору с чрезвычайным и частым повышением арендной платы [1]).

Изложенные факты свидетельствуют, что в английском сельском хозяйстве, несомненно, уже в первой половине XVII века начался переход к капиталистическому производству, т.-е., что оно стало принимать буржуазный характер.

Конечно, большею частью на такую перемену оказывались способными не старые аристократы, часть которых, впрочем, приспособилась к новым условиям и начала перерождаться в сельскохозяйственную буржуазию, а или мелкое дворянство (джентри, сквайры), или буржуа, покупавшие дворянские земли. Изменение в экономическом соотношении сил между дворянством крупным, с одной стороны, и джентри и буржуазией, с другой, видно уже из того факта, что при Карле I члены палаты общин были втрое богаче, чем члены палаты лордов [2]): тот, кто не умел, не мог или не успел переродиться в сельскохозяйственного предпринимателя нового типа, разорялся, фактически, в жизни сходил со сцены раньше, чем разыгралась революция.

Слагавшаяся, главным образом, сельскохозяйственная, отчасти и торговая и промышленная буржуазия не могла терпеть королевское самодержавие и бюрократический произвол учреждений вроде Звездной палаты, тем более, что, как нам уже известно, и абсолютизм и служившая его орудием бюрократия ударяла буржуазию по самому чувствительному месту,—по карману, устанавливая и собирая произвольные поборы без разрешения парламента Отсюда и вышла та борьба парламента с королями и их советом, т.-е. министрами, которая тянулась все время царствования Якова I и Карла I. Основные пункты этой борьбы нам известны: парламент настаивал на своем исключительном праве разрешать сбор налогов—прямых и косвенных, настаивал на прекращении незаконных по-

---

[1]) *Ковалевский*, в „Словаре“ бр. Гранат, изд. 7-е, т. IX, 18—19.
[2]) *Гизе*, История английской революции, т. I, ч. 1-я, стр. 9.

боров и, не имея права подвергать политической ответственности перед собой королевских советников—министров, старался—и нередко успевал в этом—подвергнуть их уголовной ответственности за уголоные деяния, особенно за мздоимство и лихоимство. Особое внимание возвышавшейся буржуазии привлекали также епископы, их земельные богатства главным образом и поддержка епископским авторитетом королевского самодержавия.

По всем этим причинам большинство купцов и промышленников Англии были пресвитерианами, сторонниками уничтожения епископского сана и выбора священников или пресвитеров прихожанами; управление церковью должно было, по мнению пресвитериан, принадлежать синоду пресвитеров. Это было несомненным шагом к демократизации церковного устройства. Пресвитериане были, однако, сторонниками конституционной монархии. Их идеологом был Прайн.

Но в среде новой сельскохозяйственной буржуазии была передовая группа, которая не удовлетворялась пресвитерианством, шла в своем протесте дальше: то было мелкое дворянство, джентри. Его недовольство возбуждали и епископы с их властью и землями, и король и бюрократия с их поборами, но также и остатки феодальных прав у крупного дворянства, и торговые привилегии и монополии крупной буржуазии, часто ею покупавшиеся у королей. Порядки, существовавшие в Англии первой половины XVII в., так угнетали многих сквайров (так назывались мелкие дворяне, принадлежавшие к составу джентри), что многие из них, в том числе Оливер Кромвель, думали одно время об эмиграции в американские колонии; некоторыми она и была осуществлена. Идейным выражением интересов сквайров или джентри было более крайнее течение среди пуритан, чем пресвитериане, — именно индепендентство, настаивавшее на полной свободе каждого веровать сообразно велениям его совести. Но мелкие дворяне составляли только одну из групп индепендентов — они были так-называемыми индепендентами-джентльменами, сторонниками расширения избирательных прав, но сохранения ценза, главным образом земельного, для участия в выборах. В то же время они требовали сильного

правительства и очень сильно боялись анархии. К ним примыкали также зажиточные иомены (крестьяне-собственники) и хозяева ремесленных мастерских, многочисленных тогда в Англии. Из джентри, иоменов и ремесленных мастеров и состояло потом войско долгого парламента [1]), предводительствуемое Фэрфаксом и Кромвелем. Теоретиком индепендентов-джентльменов был Броун.

Но еще больше протеста и старый порядок, и сама нарождающаяся вновь буржуазия встречали в среде мелкобуржуазной интеллигенции, бедного крестьянства, мелких арендаторов и, наконец, появившегося и возраставшего количественно пролетариата. Эти общественные элементы составили еще более левую группу индепендентов-левеллеров, т.-е. „уравнителей", сторонников республиканской демократии, всеобщего избирательного права, годичного парламента, подоходного налога и равенства имуществ, умеренного для всех достатка при сохранении, однако, права частной собственности. Вождем этой группы в революции был Лильбёрн.

Наконец, среди той же мелкобуржуазной интеллигенции, к которой примыкала и часть пролетариата, возникло еще крайнее левое, атеистическое и социалистическое течение, идеологами которого явились материалист Овертон, атеист и коммунист Вальвин, сторонник национализации коронных и церковных земель Чемберлэн, в особенности же Эверард и Винстэнли [2]), бывшие и практическими руководителями этой небольшой группы, известной под названием даггеров (копателей). Винстэнли изложил свою теорию в сочинении под заглавием „Закон свободы". Это — характерная социалистическая утопия времен буржуазно-демократической революции. Винстэнли высказывается в ней против торговли, за общность земли и всех средств продовольствия и предметов, необходимых для жизни, за обязательный для всех труд до 40-летнего возраста. Но Винстэнли были свойственны и некоторые новые идеи, по сравнению с Мором: он, подобно Эвгемеру, труд которого ему

---

[1]) *Bernstein*, Sozial. und Democr., стр. 77—78.
[2]) Там же, стр. 115—131.

остался неизвестен, предполагал сохранить мелкое производство, подчинив его только планомерной организации хозяйства; все мелкие производители должны свозить свои продукты в общественные магазины, откуда они распределяются между потребителями; характерно и ново также у Винстэнли индивидуальное потребление: дом и обстановка, по его мнению, должны составлять собственность семьи. Винстэнли настаивает также на всеобщем обучении и на демократических выборах администрации социалистического государства, что также является большой новостью сравнительно с утопиями более раннего периода, эпохи старого порядка или дворянской революции. Наконец, отличительной чертой социалистической утопии Винстэнли является атеизм; „сверхчувственное учение", религия, безусловно отвергается: оно отупляет массу и служит в руках господ положения орудием обмана [1]).

Мы видим, таким образом, что подготовка английской революции состояла и в переменах хозяйственных,— в развитии зародышей буржуазного, капиталистического производства особенно в сельском хозяйстве, и в социальном новообразовании—в появлении производственной буржуазии и в перерождении в буржуазию части дворянства, в особенности мелкого, а также зажиточного крестьянства, в обеднении и пролетаризации крестьянской массы, в политической борьбе парламента с королевским абсолютизмом и бюрократией, наконец, в новых идейных течениях, имевших несомненную социальную подкладку, но вылившихся в форму религиозных исповеданий: дворяне—„кавалеры", сторонники старого порядка, были приверженцами англиканской или епископальной церкви; крупные буржуа-конституционалисты-монархисты составили революционную правую среди революционеров—„круглоголовых" (стриженых под гребенку), пуритан,—это пресвитериане; джентри, зажиточные помещики и ремесленные мастера являлись революционным центром и носили название индепендентов.

---

[1]) Там же, стр. 155 и сл.; *Бернштейн*, Коммунистические и демократические течения в англ. революции XVII в.: „Из истории общественных течений", стр. 162 и след.

джентльменов; индепенденты-левеллеры и крайняя группа атеистов-диггеров составляли крайнюю левую, представляя собою мелкую буржуазию в ее низах, пролетариат и обедневшую часть крестьянства.

Подготовка революции дала таким образом в зародышах основные партийные группировки на социальной основе; их необходимо иметь в виду, чтобы определить закономерность самого хода бурных революционных событий. Само собой разумеется, что партии окончательно сложились уже в ходе революции.

II.

Ход революции в первый момент ее развития.

Английская буржуазно-демократическая революция началась созывом Долгого парламента в 1640 г. Большинство Долгого парламента—палаты общин—состояло, как известно, из торгово-промышленной буржуазии и из мелкого и среднего дворянства. В нем господствовали, следовательно, пуритане, и между ними руководящая роль принадлежала пресвитерианам, парламентским вождем которых был Пим. Но пресвитериан поддерживали все пуритане, первый момент английской революции протекал на широкой социальной базе, тогда все революционные партии действовали вместе, в тесном союзе между собою.

Напомним ход главных событий этого первого момента революции, длившегося, как скоро увидим, до первой трещины, появившейся между участниками, деятелями революционных событий.

Инициатива революции, почин восстания против правительства принадлежал, однако, не парламенту, а демократическим массам, которые начали волноваться в разных местах Англии именно тогда, когда войска короля, организованные Страффордом на деньги, собранные в Ирландии, потерпели поражение от шотландских пресвитериан, воспротивившихся попытке архиепископа Лоуда ввести в Шотландии англиканство, и Карл, нуждавшийся в новых средствах для подавления восстания своих шотландских подданных, вынужден был созвать парламент. Именно эта атмосфера народного движения, революционного почина масс и объясняет столь удивляющее многих историков явление энергии

и смелости парламента и уступчивости короля. Дело было вовсе не в том, что король „пал духом“, оробел, а в том, что он был бессилен справиться с народным движением. Это же движение дало основу для смелых действий парламента,—основу, которой не хватало ни предшествующему „короткому“ парламенту, ни вообще какому-либо другому из парламентов, созывавшихся и распускавшихся Яковом I и Карлом I.

Итак, вот первое наше наблюдение: инициатива первого момента буржуазно-демократической революции исходила от широких демократических масс.

Эта инициатива была скоро поддержана джентри, иоменами и мелкой буржуазией городов. Наглядным выражением этой поддержки является, напр., то обстоятельство, что Кромвель встал во главе ассоциации пяти восточных графств, составленной с целью защиты парламента против короля [1]).

Пресвитерианское большинство—и в том числе сам его вождь, Пим,—вовсе не хотели переворота, они искали соглашения, компромисса с королем, и потому в известной степени поневоле вступили на революционный путь.

Таким образом, несмотря на широкую социальную базу и на единый общий фронт всех революционных социальных групп и выражавших их интересы партий, отношение к революции с самого начала не у всех этих групп и партий было одинаково: революционная правая нехотя пошла в революцию, центр и левая отдались ей сразу вполне и искренно: даже левеллеры свернули, спрятали на время свои требования для борьбы с общим врагом [2])

Парламентское большинство естественно направило свое усилие на защиту своей, умеренной, конституционной, точнее—парламентарной позиции; постановлением парламента освобождены были все лица, обвиненные Звездной палатой за отказ платить установленные королем и его советом без парламента сборы, причем парламент постановил, что ни прямые, ни косвенные налоги не могут быть устанавливаемы и сбираемы без

---

[1]) *Гизо*, История англ. рев., т. I, ч. 1-я, стр. 11.
[2]) *Bernstein*, Soz. und Democr., стр. 95.

его согласия. Звездная палата была уничтожена. Издан был „трехгодичный акт“, по которому, если бы король не собрал парламента в течение трех лет, его должны созвать 12 пэров, членов палаты лордов, или, если они этого не делают, то обязаны это сделать шерифы и мэры городов, а если и они будут бездействовать, то сами избиратели могут произвести выборы. Сессия парламента не может продолжаться менее 50-ти дней, до истечения которых парламент не может быть распущен. В марте 1641 г. палата общин единогласно приняла закон об удалении епископов из палаты лордов, и когда лорды не хотели было согласиться на это, то лондонская демократия силой заставила их принять закон: активность масс не угасала и поддерживала энергию палаты общин.

Вместе с тем Долгий парламент начал преследование советников короля, подвигнувших его на незаконные деяния, и прежде всего графа Страффорда. С марта по май шел его процесс по обвинению в том, что он набирал войска в Ирландию с целью разогнать парламент, причем, так как это деяние по прежнему законодательству не приравнивалось к измене, парламент издал соответствующий закон и придал ему обратную силу. На основании этого Страффорд был осужден и казнен.

Король, напуганный народным движением, уступил парламенту во всем, и у большинства палаты общин возникла надежда на возможность полного соглашения: начались переговоры с королем о составлении министерства парламентского большинства с Пимом во главе. Этим пресвитериане хотели, повидимому, во-первых, создать прецедент парламентарного правления — составления министерства из партии большинства; а во-вторых, закончить революцию: дальше этого их желания не шли. Если бы это удалось осуществить, революционная правая изменила бы делу революции; ее идеал парламентарной монархи был бы осуществлен, а до социальных требований и интересов других классов общества, представляемых другими партиями, им дела не было. Но кавалеры, дворянская партия контр-революции, не могли допустить образование парламентарной монархии, так как это означало отказ дворянства от власти и передачу ее

в руки буржуазии, и потому парламентское министерство не осуществилось: Карл I не пошел на это.

Тогда Пим предложил парламенту принять особую петицию на имя короля, так называемую „великую ремонстрацию",—об установлении в Англии парламентарной монархии. Повидимому, однако, не только кавалеры были против этого проекта, но и значительная часть пресвитерианской буржуазии была правее своего вождя, удовлетворялась конституционализмом с разделением властей, т.-е. без политической ответственности министерства, исполнительной власти, перед парламентом; великая ремонстрация была принята большинством только в 11 голосов и в декабре 1641 г. представлена была королю.

Тогда Карл I решил арестовать Пима, Гэмпдена и еще трех членов парламента и явился для этого в январе 1642 г. в палату общин. Но депутаты, предупрежденные о грозящей опасности, скрылись, спикер и палата отказались их выдать.

Положение стало настолько острым, что парламент для самозащиты принял закон о передаче милиции в графствах подчиненным ему лордам-лейтенантам. Король не дал на это согласия, но это не помешало парламенту привести в исполнение принятую меру. И Карл стал собирать ополчение кавалеров. Когда он, желая захватить оружие в арсенале в Хёлле, хотел туда проникнуть, комендант отказал ему в этом без повеления парламента и получил одобрение парламента. Тогда контр-революционная правая, кавалеры, ушли из палат.

Это было сигналом к началу гражданской войны между королем и парламентом, длившейся с августа 1642 г. по конец 1646 года, четыре с небольшим года.

До тех пор, пока война не вспыхнула, руководящую роль в революции играла пресвитерианская крупная и средняя буржуазия. Она и во время войны осталась верна себе и до 1645 года не прекращала переговоров с королем о компромиссе. И только после решительного отказа короля признать пресвитерианство и принять министерство большинства Долгого парламента, буржуазия прекратила временно переговоры и возвела в 1645 г. на эшафот Лоуда.

Она попыталась было в начале гражданской войны победить короля собственными средствами—наемной армией под начальством графа Эссекса. Но это не удалось. Победа над королевским дворянским ополчением, особенно над кавалерией, стала возможной только тогда, когда в парламентскую армию были влиты новые элементы—добровольцы из джентри, йоменов и ремесленников, набранные и организованные Оливером Кромвелем, сделавшим из них превосходную конницу, одетую в панцыри, почему солдаты Кромвеля и получили название „железных боков". Эта индепендентская кавалерия отличалась огромным революционным энтузиазмом и проистекавшими отсюда храбростью и дисциплиной. Революционный, национальный и религиозный энтузиазм индепендентов разожжен был и тем обстоятельством, что в Ирландии католическое большинство истребило большое количество протестантов—англичан в провинции Ольстер, получивших там земли, и Карл I, сделав все уступки католикам в Ирландии, взял свою ирландскую армию в Англию и получил поддержку солдатами от ирландских католиков. Благодаря „железным бокам" и военному таланту Кромвеля, парламентская армия одержала над войсками короля при Марстон-Муре в 1644 г. блестящую победу. Но военные вожди армии Эссекс и Манчестер не сумели или не захотели воспользоваться плодами этой победы и даже вскоре после того потерпели от королевской армии частичное поражение. Кромвель упрекал их поэтому в стремлении затянуть войну, пощадить короля и, может быть, был прав: недаром ведь парламент продолжал еще политику соглашения, вел переговоры с королем. Как бы то ни было, „железные бока" были настолько необходимы парламенту, что Эссекс и Манчестер, под влиянием обвинений Кромвеля, вышли в отставку. Главнокомандующим парламентской армии сделан был, однако, не Кромвель, а более близкий пресвитерианам Фэрфакс, стоявший за власть парламента и за соглашение с королем, за согласование старого с новым [1]). Однако, армия

---

[1]) *Gardiner*. History of the Commonwealth and Protectorate, I. Lond. 1894, стр. 293.

вся была преобразована по образцу конницы Кромвеля, и офицерский ее состав был почти исключительно индепендентский. Благодаря этим преобразованиям Карл был разбит при Нэсби в 1645 г., причем захвачена была вся его переписка, из которой явствовала его решимость отстаивать королевское самодержавие, опереться на иностранную помощь и не исполнять ни одного из обещаний и не делать ни одной уступки, если бы они даже были у него вынуждены [1]).

После Нэсби положение короля стало безнадежным. Луч спасения мелькнул для него еще раз в 1646 г., когда шотландский кавалер Монтроз разбил пресвитериан в Шотландии и готов был притти на помощь королю. Шотландские пресвитериане с 1643 г. поддерживали английских и выставили им в помощь особую армию под начальством Лесли. Монтроз, однако, потерпел поражение от войск Лесли, и король оказался между двух огней—англичанами во главе с Фэрфаксом и Кромвелем и шотландцами во главе с Лесли. Он отдался шотландцам, а те выдали его в январе 1647 г. англичанам за 200 тыс. фунтов стерлингов наличными и обещание в будущем выдать еще 200 тысяч. Эти деньги были взяты парламентом под залог епископских земель. Король стал пленником парламента. Этим кончился первый момент английской революции,—время борьбы и победы единого революционного фронта против королевской власти и кавалеров—представителей старого порядка и контр-революции. Революция в этот момент победила [2]).

---

[1]) *Гизо*, Ист. англ. рев , I, ч. 1-я, стр. 12.

[2]) Предшествующее изложено, кроме тех работ, на которые сделаны ссылки, главным образом по Гардинеру „History of the Great Civli War", но с теми изменениями, которые с нашей точки зрения методологически—необходимы.

III.

Второй момент хода революционных событий.

Второй момент английской революции—первое расхождение и столкновение революционных сил—индепендентов с пресвитерианами.

Гражданская война создала в Англии чрезвычайно тяжелое экономическое и финансовое положение. В 1646 и 1647 годах урожай был плох, и хлеб вздорожал на 60%. Мясо поднялось в цене вдвое. А заработная плата почти не изменилась. Сильно пали доходы землевладельцев, так как арендаторы отказывались платить старые суммы за съемку земли. Торговля и промышленность испытывали большие затруднения. Доходы казны сильно сократились и получился дефицит, которого не мог покрыть даже специальный налог, установленный в 1643 г. и ложившийся на земли кавалеров, сторонников короля. Даже плату шотландцам за выдачу короля удалось, как мы уже говорили, покрыть лишь путем залога земель епископов, т.-е. путем их секуляризации государством.

Все это вызывало недовольство имущих, жаждавших восстановления порядка, обостряло нужду неимущих и ставило в затруднение парламент—правительство того времени. К тому же в Ирландии продолжалось восстание.

При таких условиях пресвитерианско-буржуазный Долгий парламент поставил своими основными очередными задачами вербовку солдат из армии для усмирения ирландского восстания, роспуск остальной армии и скорейшее соглашение с королем. Пресвитерианская буржуазия опять пыталась закончить революцию исключительно в своих классовых интересах.

Королю, находившемуся под арестом, не особенно стеснявшим его личную свободу, в Голмби в графстве Норзгэмптон, парламент предложил следующие условия соглашения: Карл должен был обязаться сохранить на три года господство пресвитерианской церкви и уступить парламенту на 10 лет право начальствовать над армией. Это был минимум, дальше которого пресвитерианская буржуазия не могла итти,—иначе она перестала бы быть сама собой. Но и король не мог на это согласиться: он вел переговоры с французами и шотландцами о помощи для восстановления своей власти и англиканской церкви и расчитывал на рознь между армией и парламентом, тем более, что и армия вступила одно время с ним в переговоры, послав к нему зятя Кромвеля Айртона. Конечно, эти переговоры имели так же мало успеха, как и переговоры парламента с королем. Но, опасаясь соглашения короля с парламентом, армия сменила парламентскую стражу при короле своей и в июне 1647 г. перевела короля ближе к себе, в Ньюмаркет. Король в ноябре того же года успел было бежать на остров Уайт, но там был вновь арестован. Соглашение с ним и для парламента оказалось совершенно невозможным.

Армии парламент прислал предложение о вербовке в ирландский поход и требование от офицеров признания пресвитерианской церкви и присяги ей. В ответ на это собрание офицеров под председательством Фэрфакса предложило парламенту предварительно дать ответ на четыре вопроса: 1) какие войска останутся на жалованьи в Англии? 2) кто будет главнокомандующим ирландской армией? 3) будет ли армия в Ирландии правильно получать жалованье и продовольствие? 4) будет ли уплачено солдатам недоплаченное жалованье и даны обещанные земли из государственных земель? Солдаты добавили к этим требованиям еще следующие: 1) свободу от набора для новых заграничных войн всех тех, кто добровольно вступил в армию, 2) пенсии для вдов и сирот убитых в гражданской войне солдат, 3) свободу от ответственности за действия, нарушившие права частных лиц во время гражданской войны.

Парламент, по предложению пресвитерианского депутата Гольса, выразил порицание армии за предъявле-

ние требований. Но офицеры и солдаты считали своим правом обращаться с петициями к парламенту, требовали ответа на поставленные вопросы и назначения Фэрфакса и Кромвеля в начальники ирландской армии и до решения этих дел отказались приступить к вербовке. Демократические, левеллерские элементы лондонского населения волновались, поддерживая армию против парламента. Но парламент упорно отказывался принять петицию офицеров и солдат и ответить на нее.

Тогда полки армии выбрали по два представителя— „агитатора". Агитаторы издали особое воззвание, в котором обвиняли парламент в желании погубить армию. В то же время лондонская демократия представила в парламент петицию с изложением политических требований: здесь требовались отмена veto короля и палаты лордов в законодательных вопросах, полная свобода совести, отмена торговых монополий, уничтожение церковной десятины и проч.

Парламент пошел на частичные уступки армии, он избавил от набора на заграничные походы добровольцев гражданской войны, назначил пенсии солдатским вдовам и сиротам, но, не имея средств, жалованье постановил выдать только за два месяца.

Недовольные частичными уступками, агитаторы издают особую декларацию от имени армии, где они становятся окончательно уже не только на защиту интересов армии, но и на почву борьбы с парламентом за интересы широких демократических масс,—за свободу, для чего необходимо исключить из парламента „порочных" членов, назначить роспуск палаты общин в определенный срок, установить свободу петиций, объявить амнистию и свободу совести. К исключению намечены были 11 членов палаты общин во главе с Гольсом. Так как парламент медлил с удовлетворением требований армии, то армия двинулась к Лондону.

Парламент формально подчинился воле армии, но в ее собственной среде индепенденты - джентльмены в лице Кромвеля столкнулись с левеллерами, требовавшими скорейшего роспуска парламента, всеобщего избирательного права и уничтожения veto короля и палаты лордов. Кромвелю удалось на время заключить компро-

мисс с левеллерами на условиях роспуска Долгого парламента 1 сентября 1648 г., двухгодичного срока полномочий палаты общин на будущее время, равномерного распределения представительства между графствами, но сохранения имущественного ценза; при этом свобода совести признана была не подлежащей парламентской отмене, и действия, совершенные во время гражданской войны, подлежащими амнистии. Кромвель одержал победу и на общем собрании всей армии. Но парламент попрежнему не платил жалованья армии, и недоразумения так и остались неразрешенными и неустраненными; готовился новый поход армии на Лондон и на парламент.

Первое столкновение индепендентов с пресвитерианами, революционных центра и левой, с одной стороны, и правой, с другой, было прервано, не дойдя до развязки, новой опасностью со стороны контр-революции: роялистским восстанием в Шотландии и в некоторых английских графствах. Опасность справа на время снова объединила всех революционеров, и Фэрфакс и Кромвель с их армией без труда справились с восстанием [1]).

Первое столкновение революционных сил таким образом не привело к окончательному разрыву между классами и партиями, ведшими революционную борьбу. Но оно показало, что различие и противоположность классовых интересов, и раньше существовавшие и частично проявлявшиеся даже при сохранении единого революционного фронта, проявились во всей своей силе и ясности, как только общий враг был побежден. Первая трещина в среде участников революции наметилась с полной определенностью.

---

[1]) См. предыдущее примечание.

IV.

Третий момент английской революции: победа революционного центра.

Наметившаяся трещина не повела сразу к полному разрыву в виду общей опасности, но она не исчезла, и как только опасность миновала, превратилась в резкий конфликт, поведший к смене правящей партии, к переходу власти от пресвитериан, революционной правой, к индепендентам, революционным центру и левой, причем первенство естественно перешло к центру, к индепендентам-джентльменам, среди которых окончательно занял руководящее положение вождя Оливер Кромвель. Фактически это была победа революционного центра, индепендентов-джентльменов, мелкого дворянства, джентри, переродившегося уже в сельскохозяйственную буржуазию.

Дело началось с того, что армия, победившая контрреволюционное восстание 1648 года в Шотландии и Англии, причем главная заслуга здесь принадлежала Кромвелю, Фэрфакс сыграл сравнительно второстепенную роль,—захватила в свои руки короля: с острова Уайта, где Карл I находился под парламентской стражей, солдаты Кромвеля перевели его под свою охрану в замок Гёрст. Это было совершенно необходимо, так как парламент возобновил переговоры с королем, и обе стороны были близки к соглашению: революционная правая крупной пресвитерианской буржуазии окончательно перешла в лагерь контр-революции.

Парламент это ясно выразил своим голосованием в ответ на захват короля армией: большинством 140 голосов против 104 палата общин признала предшествую-

щие переговоры парламента с королем успешными и ведущими к умиротворению страны и возвращению Карла I к власти.

Это был решительный и окончательный разрыв, и армия сделала отсюда логический вывод: произошла так-называемая „прайдова очистка“ парламента. Полковник Прайд 6 декабря 1648 г. явился со своими солдатами в Вестминстерский дворец и арестовал все пресвитерианское большинство палаты общин в количестве 137 человек: 41 из них были заключены в тюрьму, а 96-ти оставлена свобода, но они, как и первые 41, были исключены из состава палаты. От Долгого парламента осталось только „охвостье“ (читр), состоявшее из одних индепендентов разных течений. В него вернулся и Кромвель, давно уже не посещавший заседаний.

Уже это событие было решительным переворотом, победой индепендентов над пресвитерианами. Но победу надо было закрепить, необходимо было встать твердой ногой у власти. И результатом этой необходимости были другие действия победителей.

Сюда относилось прежде всего предание Карла I суду палат, юристов, офицеров и ольдерменов—всего 150-ти человек, постановленное решением палаты общин 1 января 1649 г. Король был обвинен в государственной измене. Председателем суда был выбран адвокат Брадшо. 26 января 1649 г. король был приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 30 января того же года.

Затем 6 февраля 1649 г. индепендентская палата общин („охвостье“ Долгого парламента, в котором заседало 60 депутатов) уничтожила палату лордов, последние остатки которой в числе 11 лордов напрасно пытались протестовать против суда над королем. На следующий день, 7 февраля, в Англии была провозглашена республика, и составлено было новое высшее, исполнительное формально, но реально руководящее учреждение под председательством Брадшо,—государственный совет. Этот совет был окончательно организован в марте 1649 г. Тогда же определен был на один год и его состав; сюда входили 41 член: 5 бывших пэров, 5 высших городских сановников, 3 военачальника (Фэрфакс, Кром-

вель и Скиппон) и 28 сквайров. Председателем государственного совета был Брадшо, секретарем Мильтон. Состав нового руководящего учреждения несомненно показывал, что перевес перешел в руки индепендентов-джентльменов: они преобладали в государственном совете более, чем в „охвостье“, в остатках палаты общин. Кромвель и индепенденты-джентльмены еще не всецело господствовали, имели оппозицию слева и в палате и в совете, а Фэрфакс держался даже более правой, чем они, линии, но они были все-таки уже у власти. Их победа была окончательно закреплена покорением Ирландии Кромвелем, причем были совершены беспощадные избиения ирландских повстанцев: иногда истреблялась целая четверть защитников отдельных народов [1]).

[1]) *Gardiner*, Nistory of the Great Civil War, т. IV; *Gardiner*, Nistory of the Commonwealth and Protectorate, т. I, особ. стр. 3, 4, 132; *Гизо*, Ист. англ. рев., т. I, ч. 2-я, стр. 3; *Ranke*, Englische Geschichte vornehmlich im XVI u. XVII Jahrh., т. III, стр. 1—306.

V.

Республика и протекторат Кромвеля.

Революционному центру, оказавшемуся у власти, пришлось вести борьбу направо и налево внутри страны, деятельно направлять внешнюю политику и в связи с этим руководить войной, наконец, строить новую республиканскую государственность.

Борьба направо была наиболее легким из этих важных дел. Ирландия была усмирена, этот очаг роялизма и контр-революции был погашен, и опасаться с этой стороны больше было нечего. Оставалась Шотландия. В 1652 г. она была объединена с Англией, превратилась, вместе с Ирландией и Англией, в одно государство, и тем положен был предел контр-революционным движениям также и в этой стране [1]). Что касается самой Англии, то здесь республика и руководитель ее политики Кромвель направили свои усилия к тому, чтобы лишить контр-революцию ее материальной, экономической базы. Еще пресвитериане секуляризовали епископские земли, которые в значительной мере были распроданы в частные руки. Республика произвела ряд конфискаций земель кавалеров эмигрантов-роялистов [2]) и таким образом значительная часть старых дворянских имений перешла в новые буржуазные руки.

Сложнее, труднее и опаснее была борьба налево— с диггерами и особенно с левеллерами. Нет сомнения, что соответственно общему положению Англии в то

---

[1]) *Гизо,* История англ. рев., ч. 2, стр. 15.

[2]) *Gardiner,* History of the Commonw. and Protect., т. I, стр. 417; т. II, стр. 141, 392.

время победа этих левых течений объективно грозила бы опасностью полной анархии, разрухи и развала. Инде-пенденты-джентльмены и их вождь Кромвель, более всего заинтересованные по своему положению в сохранении порядка и спокойствия и в ограждении собственности, употребили все усилия, чтобы предотвратить опасность слева, и достигли в этом отношении полного успеха.

Диггеры под руководством Эверарда и Винстэнли в 1649 г. захватили пустырь в графстве Сёррей и начали его обрабатывать,—решили осуществить свой идеал права каждого, кто хочет вести земледельческий труд, пользоваться землею. Они были военной силою удалены оттуда и арестованы. Позднее были произведены еще некоторые отдельные попытки в том же роде, но все они неизменно кончались неудачей [1]): социалистическое течение во время английской революции было еще очень слабо; правящему центру революции не стоило большого труда с ним справиться, потому что массы были к нему мало причастны, главное в нем значение принадлежало вольнодумным элементам в среде интеллигенции.

Гораздо опаснее для индепендентов-джентльменов были левеллеры с их демократической агитацией. Они стояли за полновластие демократического, опирающегося на всеобщее избирательное право, парламента, за полное развитие личной свободы и за приблизительное, условное равенство имуществ, по крайней мере за уменьшение имущественного неравенства, при сохранении частной собственности. Это была типическая мелкобуржуазная партия [2]), и ее агитация легко могла всколыхнуть широкие массы. Неудивительно поэтому, что, когда Лильбёрн и его друзья в 1649 г. повели в армии агитацию за свои идеалы и упрекали государственный совет в узурпации власти, то Лильбёрн был арестован и заключен в Тоуер, и Кромвель резко и бурно обрушился на него в речи своей в совете [3]). И позднее Лильбёрн

---

[1]) *Бернштейн*, Коммун. и демокр. теч. в англ. рев.; *Bernstein*, Sozialismus und Democr., стр. 131 и сл.; *Gardiner*, Hist. of the Commonw. and Protect., т. I, стр. 47.

[2]) *Bernstein*, Soz. und Democr., стр. 363.

[3]) *Gardiner*, Hist. of the Commonw. and Prot., I, стр. 33—40.

подвергался преследованиям со стороны Кромвеля [1]), и все те преобразования во внутреннем строе государства, которые производил Кромвель, отражали на себе именно эту опасность слева.

Именно по этой причине Кромвель с помощью военной силы разогнал в 1653 г. „охвость“ Долгого парламента и, несмотря на протесты Брадшо, распустил государственный совет первого состава, возобновив его в новом составе несколько позднее [2]). Затем Кромвель стал править при помощи назначенного им самим парламента, так-называемого „бербонсова“, по имени одного из его членов. Кромвель провел через парламент уменьшение судебной волокиты и единства кассы. Но и здесь оппозиция слева была настолько резкой, что Кромвель внушил большинству бербансова парламента постановление о его роспуске и передаче полномочий ему, Кромвелю, а сопротивлявшееся этому меньшенство разогнал военной силой [3]).

После этого власть перешла окончательно к командному составу армии. С его помощью Кромвель выработал новую конституцию, по которой верховная власть была вручена лорду-протектору, должность которого должна быть избирательной, не наследственной; парламент из одной палаты должен был рассматривать законы, но его решения не имели силы без согласия лорда-протектора; парламент выбирался на три года, причем избирателями были собственники, имеющие имущество не меньше, чем на 200 фунт.; католики лишены были избирательных прав; администрация вообще и государственный совет в частности не были ответственны перед парламентом, зависели только от протектора [4]). Протектором был объявлен сам Кромвель.

В 1654 г. созван был парламент по новой конституции под сильным давлением генерал-майоров, управлявших на местах, в областях, причем с 1655 года все старые органы местного самоуправления были уничто-

---

[1]) Там же, II, стр. 6 и след., 171, 244

[2]) Там же, II, стр. 210—211, 221.

[3]) *Gardiner*, Hist. of the Comm. and Prot., II, стр. 235 и сл.; *Гизо*, Ист. англ. рев., т. I, ч. 2-я, стр. 61.

[4]) *Gardiner*, Hist. of the Comm. and Prot., II, стр. 285—287.

жены [1]). Этот парламент был распущен в 1658 году. Кромвель умер 3 сентября 1658 г., думая о созыве нового парламента.

Остается указать на внешнюю политику Кромвеля в эпоху республики и его военной диктатуры. Она определилась всецело экономическими интересами новой буржуазной Англии. Два врага были с этой точки зрения у Англии: Испания и Нидерланды. С ними и велась борьба. Испания потеряла при этом Дюнкирхен, важный порт на Северном море, имевший большое торговое значение, и остров Ямайку в Америке. Нидерландам нанесен был удар Навигационным эдиктом 1651 г., по которому английские товары могли вывозиться только на кораблях английских или на кораблях тех стран, которые ввозили свои товары в Англию; это ударило больно по нидерландскому судоходству и вызвало войну, в которой Блэк разбил на голову нидерландский флот. Внешняя политика Кромвеля сопровождалась таким образом блестящими успехами [2]).

---

[1]) Там же, III, стр. 168 и сл., 265 и сл.; *Гизо,* Ист. англ. рев. *Ranke,* Engl. Gesch., III.

[2]) Там же.

VI.

Падение республики и реставрация.

После смерти Кромвеля в Англии не осталось никакой сколько-нибудь организованной и активной общественной силы кроме армии. Народные массы не пошли за левеллерами, и сам руководитель последних Лильбёрн еще с 1653 г., разочаровавшись в политической зрелости английской демократии, примкнул к этической, мирной секте квакеров. Главным идеологом квакеров в XVII веке был Роберт Беркли; основные черты его учения заключались в признании религии совершенно частным делом и в демократическом устройстве общин, подобных общинам первых христиан; коммунизм не признавался Бэркли. Мелкая буржуазия успокоилась, передовые ее элементы ушли в мирный анархизм. Это окончательно довершено было во второй половине XVII в. Джоном Беллерсом, который снял с очереди вопрос о всеобщем избирательном праве и занялся пропагандой идеи производительной кооперации в своих сочинениях „Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесл и сельского хозяйства“ и „Опыты о бедных, мануфактуре и промышленности“[1]).

Пассивность масс—признак реакции. Революция, завершившая свое буржуазное дело в 1656 г. отменой последних остатков феодализма и крепостничества, сделала Англию страной сельскохозяйственного капитализма и выполнила этим свою объективную задачу. Необходимо было построить новую аграрно-буржуазную конституционную и вместе монархическую государствен-

---

[1]) *Bernstein*, Sozial. und Democratie, стр, 326 и сл

ность. Когда парламент 1654 г. предлагал Кромвелю принять королевский титул, он, повидимому, сознавал уже эту необходимость. Но Кромвель отверг это предложение: он и сам не хотел быть монархом, и опасался соперничества и недовольства своих ближайших подчиненных в армии.

Реакционная обстановка и соответствующее настроение общества лишили силы и энергии и сына Кромвеля Ричарда и генерала Дэсборо, последовательно сменивших Оливера Кромвеля в роли главы правительства. Главнокомандующий войсками в Шотландии генерал Монк призвал принца Уэльского, сына Карла I, и он стал королем под именем Карла II. Совершилась реставрация Стюартов.

Со Стюартами вернулись, конечно, абсолютисты-кавалеры, эмигранты-дворяне старого типа, ничему не научившиеся и ничего не забывшие, не успевшие или не смогшие переродиться в буржуазию. Реакционное настроение избирателей дало им большинство в первом парламенте Карла II, названном поэтому „парламентом кавалеров", а король не распускал этого парламента и не назначал новых выборов целые 17 лет, находя, очевидно, его незаменимым парламентом.

Все эти обстоятельства [1]) открыли при реставрации Стюартов полную возможность для неистовства реакционеров. И это неистовство стало фактом, осуществилось в действительности.

Карл II обещал амнистию, но с оговоркой, что будут сделаны из нее исключения, какие найдет необходимыми парламент. Реакционный парламент подверг казням и тюремному заключению ряд лиц, между прочим всех, кто осудил Карла I на смерть. Повешены были и трупы Кромвеля, Айртона и Брадшо. Затем возвращены были многие конфискованные и проданные во время революции земли без вознаграждения тех, кто их купил. В 1661 г. парламент издал „акт о единообразии", которым англиканская церковь признана была господ-

---

[1]) Историки реставрации—Маколей, Ранке, Эйри, Ковалевский, Кареев и др.—придают преувеличенное значение личности Карла II, который был лишь типичным представителем кавалера эпохи реставрации,—дворянства в его упадочном состоянии.

ствующей, а все лица других вероисповеданий лишены были права поступать на государственную службу и подверглись ограничению своих гражданских прав. Впоследствии им запрещено было жить ближе, чем за 5 миль к городам, и запрещены были публичные богослужения и пропаганда; даже присутствие в частном доме при религиозной обряде четырех посторонних лиц признавалось незаконным и влекло за собой судебное преследование за незаконное сборище: так реакционное правительство боялось сообществ, заговоров и восстаний демократии. В 1672 г. издан был Test act, по которому всякое лицо, вступающее на государственную службу, должно было принести присягу в своей принадлежности к англиканской церкви; то же позднее распространено было и на членов обеих палат парламента. Наконец, тот же парламент кавалеров запретил подачу петиций более, чем десятью лицами, причем подписей на каждой петиции должно было быть не более 20-ти.

Все эти меры и внешняя политика, состоявшая в борьбе с Испанией и Нидерландами, проводились не столько по инициативе и под влиянием Карла II, сколько под руководством его первого министра Гайда, получившего при возведении в пэры титул лорда Кларендона. Правление лорда Кларендона и представляет собою острый период в реакции, начавшейся с реставрацией Стюартов.

Но реакция не представляла собою возврата назад, к самодержавию Якова I и Карла I. Правда, Карл II пользовался правом делать в отдельных случаях и по отношению к отдельным лицам изъятия из законов (правом диспенсации) и иногда, на время приостанавливать действие законов (правом суспенсации). Но он ни разу не решился посягнуть на финансовые права парламента или возродить учреждение, подобное Звездной палате. Мало того: даже парламент кавалеров положил основание правильному конституционному бюджету, требуя, чтобы деньги, ассигнованные парламентом, расходовались по назначению.

А затем обнаружилось, что реакционная палата кавалеров уже не пользуется доверием избирателей, и Карл II вынужден был объявить новые выборы. Вновь

выбранная палата общин оказалась настроенной далеко не реакционно, по крайней мере в прямом смысле слова, в смысле реакционных неистовств: новая палата хотела вести органическую работу развития приобретений революции и приспособления к вновь созданным революцией условиям тех элементов старого общества, которые были достаточно жизнеспособны.

Еще первый парламент Карла II—парламент кавалеров—вынужден был вступить на путь оппозиции: он добился отставки лорда Кларендона, резко высказался против пятерых тайных советников короля—Клиффорда Арлингтона, Бёкингэма, Ашли и Лодердаля, с которыми король совещался, минуя свой оффициальный совет, и которые по начальным буквам их фамилий получили прозвище „кабаль", т.-е. „заговор", и, наконец, когда открылось, что король связан тайным договором с Людовиком XIV и получает от него субсидию, парламент обвинил в этом министра иностранных дел лорда Дэнби, сделал министра ответственным за поведение короля. Это и послужило поводом к роспуску первого парламента и к созыву второго.

Второй парламент Карла II продолжал дело Дэнби и добился осуждения и казни министра, хотя Карл II уволил его от должности и помиловал. Это был крупный конституционный успех, шаг к установлению парламентарного правления, ответственности министров перед парламентом.

Но этого мало: второй парламент принял самые решительные меры к охране личной свободы и неприкосновенности англичан от административного произвола: в 1679 г. был издан Hubeas-corpus act, по которому каждый арестованный мог требовать освобождения, если дело его с точной формулировкой обвинения не было передано суду втечение трех дней после ареста; при этом, если преступление, в котором он обвинялся. не было тяжким, ему предоставлялась возможность освобождения под поручительство или залог. Каждый арестованный мог требовать у судьи особым прошением, чтобы эти его права были осуществлены, и судья в течение 6-ти часов после получения прошения должен дать на него ответ, в противном случае карается штрафом в

100 фунтов. Только обвиняемые в государственной измене не могут требовать столь скорого разбирательства их дела: они могут настаивать только на разборе их дела в ближайшую сессию, и если судья этого не выполнит, он платит штраф в 500 фунтов. Этот закон особенно важен как охрана личной свободы именно потому, что грозит ее нарушителям строгими карами [1]).

Один из членов „кабаля“ Англии, получивший в качестве пэра титул графа Шефтсбёри, перешел в оппозицию Карлу II во втором его парламенте и особенно обострил эту оппозицию по вопросу о наследовании престола братом Карла II герцогом Иоркским, который исповедывал католицизм. Он настаивал в парламенте на издании закона, которым герцог Иоркский как католик лишен был бы права наследовать престол. Около Шефтсбёри сплотилась партия, получившая название вигов. Противники этого акта получили название тори. Они оказались в меньшинстве в палате общин, но большинство принадлежало им в палате лордов, которая отвергла предложение Шефтсбёри. Карл II распустил палату общин. Тогда виги во главе с Шефтсбёри, Сиднеем и Росселем составили заговор в пользу побочного сына Карла II герцога Монмута. Заговор в 1681 г. был открыт, Шефтсбёри бежал заграницу, а Сидней и Россель были казнены.

С 1681 по 1685 г. Карл II не созывал более парламента, правил без парламента. Это было началом нового кризиса. В 1685 г. Карл II умер. Ему наследовал герцог Иоркский под именем Якова II. С его вступлением на престол кризис вступил в свою острую фазу [2]).

---

[1]) *Дайси*, Основы государственного права Англии, Спб. 1891, стр. 167 и след.

[2]) *Маколей*. История Англии, т. I; *Кареев*, История Зап. Европы в Новое время, т. II; *Ковалевский* — статья „Великобритания“ в IX т. „Словаря“ изд. бр. Гранат.

VII.

Революция 1688 года.

Начало царствования Якова II ознаменовано было восстанием Аргайля в Шотландии и Монмута в южной Англии. Оба восстания были подавлены, вожди их казнены, и уголовный суд под председательством Джеффриса, „кровавый суд“, как он был прозван, свирепо расправился со всеми, прямо или косвенно причастными к этому делу.

Восстание Монмута и Аргайля было по составу лиц, принявших в нем участие, по преимуществу демократическим, крестьянским. Но к концу 80-х годов XVII в. в Англии создалось такое положение, что англиканская буржуазия сельскохозяйственная, торговая и промышленная, титулованная и нетитулованная, лорды и общины подчинились тому органическому процессу перерождения и приспособления к новым условиям, который составляет положительное, творческое содержание эпохи реставрации Стюартов. Поэтому абсолютистские тенденции Якова II не имели уже социальной опоры в дворянстве, которое переродилось в сельскохозяйственную буржуазию, и в англиканской церкви, которая стала считать в числе своих членов большинство вновь сложившейся буржуазии. Поэтому под конец царствования Карл II и в свое царствование Яков II стали искать опоры для своих абсолютистских чаяний в католицизме. Яков II, пользуясь своей суспенсивной и диспенсивной властью, начал поэтому проводить в армию, на государственные должности, в суды и в университеты католиков. В 1688 г. он издал также декларацию о веротерпимости, и когда семь англиканских еписко-

пов протестовали против нее, они были арестованы и преданы верховному суду, который, несмотря на председательствование в нем Джеффриса, оправдал их. Теперь не только виги, но и тори были против короля и его политики.

Но тори в большинстве своем были слишком лойяльны, чтобы решиться на что-либо большее, чем мирная оппозиция. Виги пошли дальше и увлекли за собой часть тори: в Англии был подготовлен переворот с целью возведения на престол дочери Якова II Марии и ее мужа Вильгельма Оранского, штатгальтера Голландской республики. Вильгельм Оранский высадился на юге Англии, и общее сочувствие ему было так велико, что Яков II лишился всякой возможности сопротивления и бежал из Англии.

Тогда собран был конвент, т.-е. парламент без короля, и он, согласно желанию тори, не низложил Якова II, а признал престол вакантным вследствие отъезда короля из страны. Затем на престол были выбраны Вильгельм III и Мария вместе.

Послереволюционный порядок был формулирован в нескольких законах, которые и представляют собою результат английской буржуазно-демократической революции в политическом отношении, надстройку над тем социально-экономическим базисом капиталистического хозяйства и буржуазного общества, который был заложен и укреплен во время первой революции и реставрации Стюартов.

Первый из этих законов был издан в 1688—1689 годах и носит название „билля и декларации прав". Этим законодательным актом уничтожалась диспенсивная и суспенсивная власть короля, запрещались учреждение чрезвычайных судов, сбор налогов без разрешения парламента, содержание и сбор армии без согласия парлалента, обеспечивались право петиций, право иметь оружие, свобода выборов в палату общин, неответственность перед судом за парламентские речи, правильное составление списков присяжных.

Бюджет первый парламент царствования Вильгельма и Марии определил только на четыре года и этим положено было реальное основание частому созыву парла-

мента, формально установленному также биллем и декларацией прав. В 1694 г. был утвержден королевской властью дважды прошедший в парламенте билль о трехгодичном парламенте.

Наконец, в 1689 г. было установлено, что жалованье армии может выдаваться только из сумм, специально для этого назначенных парламентом, чем армия ставилась в зависимось от парламента, а не от королевской власти, и что офицеры и солдаты подсудны по всем делам не специальным военным судам, а общегражданскому суду присяжных; это было доведением до логического конца буржуазного принципа гражданского равенства всех перед законом.

VIII.

Духовная культура Англии во второй половине XVII века.

Тот процесс приспособления старых социальных элементов к новым условиям, перерождения их, органического вростания в новую буржуазную действительность, который столь характерен для материальной культуры Англии второй половины XVII века, нашел себе выражение и в культуре духовной. Ему предшествовали революционные настроения, которые, помимо известных уже нам сектантских, религиозных течений, нашли себе выражение в поэзии и публицистике Джона Мильтона—типичного индепендента-джентльмена, разошедшегося, однако, с Кромвелем тогда, когда он развил до крайностей свою военную диктатуру [1]). Мильтон был сын зажиточного юриста, хорошо окончил Кембриджский университет, жил до революции в своем деревенском поместье, в уединении, за творческой работой. Революция вовлекла его в политику, и он выпустил ряд публицистических работ—„О браке“, где решительно высказался за развод, „О воспитании“, где отстаивал государственную школу, в сочинении „Areopagitica“ дал блестящую и основательную защиту свободы печати; после казни короля Мильтон выпустил книгу „О положении короля и администрации“, где оправдывал казнь короля; наконец, он составил и напечатал еще два сочинения в защиту республики против французского ученого Сомеза или Сальмизия, отстаивавшего монархию. При реставрации все эти сочинения были сожжены рукою палача, и Мильтон едва не подвергся смертной казни. Его поэтическими сочинениями являются „Поте-

---

[1]) *Gardiner*, Hist. of the Comm. and Prot., III, стр. 4—5

рянный рай", „Возвращенный рай" и „Самсон". Тут на первый взгляд еще сохранены как будто старые формы классического эпоса, но главное значение здесь в лирике, в жажде моральной и общественной чистоты, в скорби об испорченности мира [1]). Лучшее из этих произведений—„Потерянный рай", в котором многое характерно для миросозерцания и психологии Мильтона. Характерно, например, его замечание, что Велиар, „самый пошлый из всех падших духов, любивший порок для порока", „владычествует во дворцах и чертогах и в роскошных городах", „когда ночь облекает мраком улицы, тогда по ним скитаются сыны Велиара, упоенные вином и нахальством" [2]). Много отражающего убеждения автора видно в описании жизни Адама и Евы в раю: они „работали столько, сколько нужно было для того, чтобы отраднее наслаждаться покоем и отдыхом и приятнее утолить жажду и голод"; они молились богу, „не имея нужды в каких-либо обрядах"; автор — за брак, потому что „господь повелевает нам размножаться, а ложное воздержание внушает нам диавол", но против „купленной улыбки блудницы", „любовных интриг, заводимых на балах, пирах и маскарадах", „серенад, распеваемых слащавым влюбленным гордой красавице, которая отвечает ему презрением". Мильтон за то также, чтобы „признавать должные пределы познания" [3]). Характерно для политических взглядов поэта изображение Адама до грехопадения: Адам шел, „сопровождаемый только собственною добродетелью и совершенством: в себе самом носил он все великолепие, гораздо более блистательное, нежели скучная пышность государей, сопровождаемых длинным рядом раззолоченных слуг, всадников и коней" [4]). „Господствовать над людьми бог не дал власти человеку" [5]), по убеждению Мильтона. „Священного права свободы" человека лишают „властолюбивые владыки" [6]).

---

[1]) *Геттнер*, Ист. всеобщ. лит., т. I, стр. 49—59.
[2]) „Потерянный рай", перевод Е. Т., М. 1898, песнь I.
[3]) Там же, песнь IV.
[4]) Там же, песнь V.
[5]) Там же, песнь XII.
[6]) Там же, песнь XII.

К представителям революционной литературы принадлежал и Альджернон Сидней, деятельный революционер, казненный в эпоху реставрации за участие в заговоре в пользу Монмута. Его „Рассуждение о форме правления“ направлено против книги Фильмера и доказывает верховенство народа [1]).

Переходом к новым настроениям — к мирному отношению к действительности, родственному квакерству Беллерса, является „Pilgrim's progress“ Бёниана: мелкая буржуазия в своей массе примиряется с утверждающимся буржуазно-капиталистическим строем.

Мы наблюдали рецидив классицизма и даже расцвет его при Карле II. Но он уже высмеивается Ботлером, Бёкингэмом, Клиффордом в их комедиях [2]). Это не мешает Ботлеру в его „Гудибрасе“ высмеивать и пуритан [3]): обе крайности — и дворяне чистой воды и пуритане-революционеры — сходят со сцены, уступая место новому жизненному синтезу — буржуа-предпринимателю, унаследовавшему от тех и других то, что ему было практически необходимо.

Но всего характернее для конца революционной эпохи философия и политическая теория двух великанов английской мысли того времени Гоббса и Локка.

Гоббс (1588—1679) в своей философской и политической системе является совершенно светским и потому, по существу, буржуазным философом. Он—материалист: единственным предметом познания с его точки зрения являются физические тела, а средство познания — внешние чувства, опыт и наблюдение. Но тела бывают разного рода—естественные и искусственные. Естественные тела—явления природы, объясняемые все вплоть до психологии человека механическими процессами, причем все качества (звук, цвет и проч.) являются субъективными и объективно сводятся к количеству. Искусственным телом является человеческое общество, и в нем действуют сочетания человеческих воль. Воля человека

---

[1]) *Геттнер*, Ист. вс. лит. XVIII в., I, стр. 44—45.
[2]) Там же, I, стр. 73—74.
[3]) Там же, I, стр. 61.

направляется присущим ему эгоизмом, так что в естественном состоянии „человек человеку волк", и господствует „война всех против всех". Она прекращается с созданием общества, когда между людьми заключается договор, которым они передают верховенство правительству. Носителем власти является, значит, по Гоббсу, народ, но власть эта абсолютна, неограничена и, будучи, как таковая, вручена народом монарху, делает монарха самодержавным, обладающим неделимой ни с кем властью, значит не обязанным делиться ею ни с парламентом, ни с каким-либо церковным авторитетом или учреждением [1]). Одной ногой, таким образом, Гоббс стоял еще на старой абсолютистско-дворянской почве, но светский характер его политической философии, отрицание божественного авторитета, договорное происхождение государства и признание, что источник власти — народ, означают уже переход к буржуазной идеологии.

Вполне на новой буржуазной почве стоит Джон Локк (1632—1704). В своем „Опыте о человеческом познании" Локк обосновал гносеологию на основе опыта. Он является здесь противником врожденных идей и производит знание внешнего мира из ощущения, а внутренних явлений человеческого духа из рефлексии. Эмпиризм составляет, следовательно, основную черту его теории познания, причем познается не сущность вещей, а наши представления, получающиеся путем внешнего и внутреннего опыта. Несомненно, в гносеологии Локка в зародыше заключается гносеология Канта.

В своей политической философии Локк был сторонником договорной теории общества и высказал в первоначальной форме теорию разделения властей. Всемогущества государству Локк не давал: оно только ограждает жизнь, свободу и имущество граждан; только на это простираются полномочия общественного договора, данные государству людьми. Важны также трактат о веротерпимости и обоснование философской религии или деизма в сочинении „Разумность христианства":

---

[1]) *Robertson,* Thomas Hobbes, Lond., 1886; *Lyon,* La philosophie de Hobbes, Paris, 1893.

основой философской религии, по Локку, должна быть не догматика, а мораль, чуждая сектантской или вероисповедной исключительности. Рационализм, разумность— вот основа деизма.

Наконец, Локк приложил свой психологический и гносеологический эмпиризм к теории воспитания. В этом отношении он считается одним из основателей новой буржуазной педагогики.

В общем Локк является идеологом либеральной буржуазии, вигов в послереволюционной Англии [1]).

Английская революция была самой ранней из всех буржуазно-демократических революций не в том, главным образом, смысле, что она совершилась в XVII в., тогда как другие европейские революции того же типа произошли в XVIII и XIX столетиях, а в том, что те экономические и социальные условия, в которых началась и протекала английская революция были более примитивны сравнительно с соответствующими условиями, составлявшими предпосылки революций в других странах; английская революция была, правда, как и везде, признаком и гранью перехода к производственному капитализму, но в Англии XVII в. это касалось почти исключительно сельскохозяйственного капитализма, эпоха же перехода к капитализму промышленному наступила в ней только в второй половине XVIII века, даже к концу его, между тем как в других странах Европы буржуазно-демократическая революция знаменовала собою переход и к промышленному капитализму, к новой машинной технике в области индустрии.

Этот ранний характер английской революции наложил глубокую печать на психологию эпохи. Он придал религиозные формы социальной идеологии. Вот почему все важнейшие деятели английской революции были религиозно настроены, облекали свои морально-общественные идеалы в религиозную форму. Мы видели сейчас яркий пример этого в поэзии Мильтона. Понятно, что и главный вождь революции Кромвель был глубоко захвачен религиозным настроением. Для того. чтобы

---

[1]) *Schärer*, John Lock, seine Verstandes theorie und seine Lehren über Religion, Staat und Erziehung, Leipz, 1860.

быть вождем английской революции, необходим был морально-общественный энтузиазм, освященный религиозной верой. Все это имелось налицо у Кромвеля, и это дало ему положение вождя.

Но Кромвель соединил в своей личности положение вождя революции с положением революционно-военного диктатора, он был одновременно и Робеспьером и Бонапартом английской революции. Это было возможно только по той причине, что ему был свойствен не только морально-общественный энтузиазм Робеспьера, но индивидуализм Бонапарта,—эта господствующая черта торжествующей новой буржуазии. И в самом деле: именно индивидуализм, нежелание пассивно подставлять шею под ярмо, терпеть самовластие и произвол вызывали в Кромвеле при Карле I мысль об эмиграции. Здравое понимание обстоятельств и организаторский талант—все проявления того же индивидуализма—побудили его к составлению революционно-демократической армии, к решимости порвать с королем и подвергнуть его казни. Властность — опять индивидуалистическая черта — продиктовала необходимость диктатуры. В личности Кромвеля во весь рост выпрямился таким образом новый сельскохозяйственный буржуа, который стал носителем власти после реставрации и второй революции. Исследователи немало усилий и таланта положили на то, чтобы доказать, что Кромвель часто был не искренен, лицемерил, ссылался на необходимость там, где сам же содействовал созданию этой необходимости. Все это верно. Но это объясняется именно тем, что в богатой яркой личности Кромвеля морально-общественный энтузиазм, преобладавший в эпоху борьбы, отступил после победы на второй план перед сильно выраженным индивидуализмом, а индивидуализм — это знамя победоносной буржуазии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Буржуазно-демократическая революция во Франции.

I.

Подготовка революции.

Французское народное хозяйство XVIII века, особенно второй его половины, обнаруживало ряд несомненных признаков перехода к производственному—сельскохозяйственному и промышленному—капитализму. Первые из этих признаков заключались в росте торговли—внешней и внутренней и в развитии индустрии. Уже в 1724 г внешний вывоз Франции оценивался в 106 миллионов франков, а в 1788 г. ценность его дошла до 354 миллионов, т.-е. за 64 года увеличилась почти в $3^1/_2$ раза. По свидетельству Артура Юнга, английского агронома, путешествовавшего по Франции накануне революции, Бордо имел большее торговое значение, чем второй по торговле город Англии Ливерпуль. В Париже за 60 лет—с 1728 и 1788 год—население увеличилось на одну треть, а число рабочих вдвое, что указывает на быстрый и сильный рост парижской индустрии.

Общая стоимость фабричного производства во Франции, достигавшая при Кольбере 200 миллионов ливров, дошла в последние годы перед революцией до 1 миллиарда ливров [1]). Особенно развивалась промышленность в Нормандии, Пикардии, Артуа, Лионе. В Артуа и Пи-

---

[1]) *Кунов*, Борьба классов и партий в великой французской революции 1789—1794, 2-е изд., М. 1919, стр. 31.

кардии (Сенкантене) производилось перед революцией полотна, батиста и кисеи на 200 милл. ливров в год.

Центром хлопчатобумажного производства был Руан, бархат производился в Амьене, сукна в Седане, Эльбёфе и Аббевиле. Шелковое производство особенно развито было в Лионе, где им занято было до 30 тысяч рабочих. В Руссильоне, Франш-Конте, Эльзасе и Бургундии выделывались железные изделия на 100 милл. фр. в год и стальные на 7 милл. фр. [1]). Но в общем прядильно-ткацкое и хлопчатобумажное производства были главными, остальное—второстепенно [2]).

Что касается формы производства во французской предреволюционной индустрии, то преобладала старая форма домашней промышленности, когда материал, иногда орудия раздавались в долг деревенским кустарям или городским ремесленникам, а в предпринимательских мануфактурах работало меньшинство. Типичный пример—холщевая мануфактура Бофора, где в фабричном здании предпринимателя работало всего 40 человек, а на домах в городе и деревнях на того же хозяина шло производство еще у 2.100 человек прядильщиков и ткачей [3]). Этой форме производства, типичной для эпохи торгового капитализма, соответствовала и ручная техника. Несколько иначе поставлено было производство шелковых материй в Лионе: там в деревнях не работали, а только в городе, причем главное, руководящее значение имели торговые капиталисты—купцы, которые раздавали материал для обработки хозяевам ремесленных мастерских, а эти последние обрабатывали его собственным или наемным трудом и отдавали для распродажи готовый продукт тем же купцам. Таких купцов в Лионе было 500, хозяев мастерских 7.000, а наемных рабочих 4.300 человек [4]).

При всем том, однако, в последнее десятилетие перед революцией были применены во французской промышленности многие технические, машинные изобретения [5]),

---

[1]) Там же, стр. 33—40.

[2]) *Тарле*, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т I.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) *Кунов*, Борьба классов и партий, стр. 31.

что разрушало торгово-капиталистическую организацию производства и перестраивало индустрию на производственно-капиталистический лад, а это в свою очередь вызывало на первое время протесты малосознательной, непривычной к новым порядкам рабочей массы, так что подмастерья старых ремесленных мастерских были против новой техники: так, наказ подмастерьев города Труа требует истребления всех механических приспособлений [1]).

Если таким образом уже в сфере индустрии, несмотря на господство торгово-капиталистических форм и техники, проявлялись некоторые тенденции к формам и технике производственно-капиталистической, то тем более это надо сказать о сельском хозяйстве.

Правда, три четверти крестьянства сидело на старой испольной аренде [2]), и техника земледелия была, по словам Артура Юнга, в большинстве случаев не выше парового трехполья, но и здесь переход к плодосмену и травосеянию уже замечался местами, и ставилась на очередь предпринимательская, буржуазная организация хозяйства. Характерно в этом отношении то, что именно во Франции XVIII в. сделан был ряд новых крупных изобретений в сельскохозяйственных машинах. Это произошло главным образом в период времени между 1755 и 1761 годами. Особенно замечательны новые сеялки Люлена де Шатовьё (Lullin de Châteauveiux) и Дюгамеля де Монсо (Duhamel de Monceau), который дал первый рядовую сеялку и написал большое сочинение в шесть томов о новом способе сельскохозяйственной культуры.

Новые экономические задания таким образом давали ростки в самой жизни. Нам уже известно, как это отражалось на росте крестьянского, отчасти и буржуазного землевладения во Франции XVIII века.

Необходимость осуществления новых хозяйственных заданий диктовалась всей действительностью, тяжелым положением деревни прежде всего. Крестьяне страдали от податного и сеньериального финансового гнета, поглощавшего у них от 40 до 60% их валового дохода [3]).

---

[1]) *Ковалевский,* Очерки социального быта Франции; „Вестник Европы" за 1911 г., октябрь, стр. 57

[2]) *Кунов,* Борьба классов и партий, стр. 46.

[3]) Там же, стр 45.

Ежегодно они волновались там и сям, причем в 1747 и 1775 годах крестьянские волнения приняли грозный характер, захватили значительную часть территории страны. Крестьянские наказы 1789 года переполнены жалобами именно на сеньериальные повинности, платежи и сервитуты, на право охоты и пр.

Но и с общегосударственной точки зрения, с точки зрения экономической самостоятельности страны и ее финансового благополучия сеньериальные права и податные привилегии подлежали отмене, так как понижали производительные силы. Старый режим уже не содействовал, а противодействовал развитию производительных сил. Дворянство платило вшестеро меньше налогов, чем третье сословие, принцы крови вносили в казну 188 тыс. франков, тогда как при равенстве обложения с них следовало бы брать 2 милл. 400 тыс. Духовенство одного поземельного дохода имело 100 милл. в год, а платило в казну 2—3 миллиона [1]).

Все это понимали и отмечали в своих экономических исследованиях французские экономисты XVIII в.— физиократы,—Кенэ, Дюпон-де-Немур и др. Физиократы ни в какой мере не были демократами, они являлись идеологами сельскохозяйственного капитализма. Основное положение их теории заключалось в признании, что хозяйственная жизнь развивается столь же естественно и закономерно, как жизнь природы. Поэтому они полагали, что надо предоставить развитию хозяйственных сил полную свободу, снять с него все связывающие и стесняющие путы. Они требовали полного уничтожения всех сеньериальных повинностей и равномерного обложения всей земли единым государственными налогом. Считая необходимым эти хозяйственные и финансовые реформы, физократы в то же время были сторонникамм абсолютизма, так как верили в возможность и легкость проведения необходимых реформ самодержавной властью короля, не понимая классовой, дворянской природы абсолютизма. Проведение экономических и финансовых рефом, предлагаемых физиократами, означало переход к буржуазному, капиталистическому сельскому хозяйству, т.-е. падение старого порядка.

---

[1] *Taine,* Les origines de la France contemporaine, т. I.

Как всегда бывает, дворянство, несмотря на свои податные привилегии и сеньериальные права, неудержимо разорялось. Классический пример—регент в малолетство Людовика XV, герцог Орлеанский: он получал 11 миллионов в год дохода и оставил долг в 74 миллиона [1]). Обогащалась городская буржуазия и зажиточная часть крестьянства.

Ко всему этому прибавился финансовый и правительственный кризис в царствование Людовика XV.

В эпоху регентства, в 1717 г., Джон Ло выхлопотал себе право открыть банк и акционерую вест-индскую компанию. Но предприятие Ло потерпело полный крах, оказалось дутым, а его банкноты не имели надлежащего золотого обеспечения, и потому скоро разыгралось колоссальное банкротство.

В 1770 г. аббат Терре, генерал-контролер финансов, предпринял частичное государственное банкротство, простым указом сократил размеры процентов по государственному долгу. Это также больно ударило по интересам кредиторов государства, но не помогло беде: расходы государства все росли, и дефицит сделался общим правилом. С 1759 г. по 1788 г. дефициты ежегодно составляли 12, 15, 34, 43% всей суммы годовых расходов. На деле дефициты были больше, доходили до 50%. Они покрывались займами, рентными обязательствами и билетами государственного казначейства. Общая задолженность государства доходила до $4^1/_2$ миллиардов ливров, и от трети до половины дохода тратилось на уплату процентов по долгам [2]).

Для того, чтобы как-нибудь облегчить тяжелое финансовое положение государства, в 1767 г. была учреждена „Учетная касса“, предшественница Французского банка. Она должна была быть коммерческим и учетным банком, причем $^2/_3$ ее основного капитала, предположенного в 60 милл., должны были быть переданы публике в виде акций, а $^1/_3$—казне; вместе с тем Учетная касса должна была давать авансы в счет государственных до-

---

[1]) Там же

[2]) *Фалькнер*, Бумажные деньги французской революции, М. 1919, стр. 2—5.

ходов правительству, т.-е. являться банкиром государства. Учреждение Учетной кассы в 1767 г. осталось, впрочем, только на бумаге. Она осуществлена была лишь в министерство Тюрго в 1776 г., при Людовике XVI, и по организации была тогда близка к Английскому банку: фирма Бенар и К⁰ получила право выпуска разменных билетов на предъявителя, а на выручаемый капитал право производства учета, покупки и продажи золота и серебра и выплат и получений по поручению частных лиц. Это учреждение действовало удачно, и дивиденд его в начале 80-х годов увеличился с $5^1/_2\%$ до 8-ми. Но Неккер в первое свое министерство стал брать из кассы деньги для правительственных нужд. Это стало известно публике, и она бросилась менять билеты кассы. Правительство временно прекратило размен, но скоро вновь разрешило, и доверие к кассе вернулось. Но в 1788 г. правительство стало производить новые займы в кассе и объявило принудительный курс ее билетов al pari в пределах Парижа [1]). Это было заключительным моментом финансовой деятельности старого правительства. За ним последовал созыв Генеральных штатов, вызванный ближайшим образом именно финансовым кризисом.

Правительственный кризис старого порядка во Франции XVIII века выразился главным образом в трех явлениях: в столкновении правительства с парламентами при Людовике XV, в попытке реформы Тюрго и в распространении провинциальных штатов на всю Францию при Людовике XVI.

Канцлер Людовика XV Мопу в 1770 г. уничтожил парламенты, которые восставали против произвольного, без их регистрации, назначения новых налогов и преследовали губернатора Бретани герцога д'Эгильони за административные злоупотребления, хотя король его и освободил от обвинения. Мотивы парламентской оппозиции привлекли сочувствие к парламентам, и Людовик XVI впоследствии их восстановил, хотя парламенты были устарелым остатком средневекового быта.

Тюрго, физиократ по своим убеждениям, проектировал широкое развитие местного самоуправления на основе

---

¹) Там же. стр. 13—18.

имущественного ценза с отменой сословий, организацию такого же выборного совещательного учреждения при короле, отмену сеньериальных прав. Тюрго успел осуществить только часть проектируемых им реформ: он провел свободу торговли хлебом, вином и солью, т.-е. освобождение их от внутренних таможенных пошлин. уничтожил цехи и заменил натуральную дорожную повинность крестьян всесословной дорожной податью, сбор которой шел на постройку и исправление дорог. Привилегированные, видя в мерах Тюрго покушение на их материальные интересы и податные привилегии, добились его отставки.

Тем не менее и реформы Тюрго, как и столкновение с парламентами, свидетельствовали о кризисе правительственной системы старого порядка: из старого сооружения выпадали постепенно отдельные камни, цельность и крепость старорежимной правительственной организзции нарушались, создавались прецеденты, зародыши грядущих глубоких политических перемен, подобно тому как такие же частичные зародыши будущего слагались в хозяйстве и общественном строе. Такое же симптоматическое значение имело и распространение сословного местного самоуправления—провинциальных штатов—на всю Францию в 1787 году.

В предшествующем изложении нашло уже себе место одно из явлений духовной культуры, подготовлявших революцию, именно—деятельность и идеи физиократов. Необходимо теперь бросить взгляд на другие процессы и явления в области духовной культуры Франции XVIII века.

В духовной культуре Франции XVIII в. надо различать дворянскую и буржуазную культуру. Салонная жизнь распустилась в XVIII в. пышным цветом. Стремление к изящному и свободному капризу, желание нравиться, веселость, фантазия, любезность, любовь к удовольствиям—вот дух и настроение салонного французского дворянства первой половины века. Это находит себе выражение и в литературе, и в искусстве.

Наиболее ярким представителем этого духа и настроения в художественной литературе был Мариво в своих комедиях. У него блестящая фантазия, остроумие, тон-

кость и блеск. Он смягчает безнравственность высшего света, избранного дворянского общества, выставляя только изящную внешность и пропитывая все трудно - уловимым ароматом чувственности; главная его тема—тонкости и оттенки любви, а вокруг влюбленных парочек добродушные и снисходительные отцы, матери, иногда нежные, но чаще строгие, ворчливые и упрямые, слуги—ловкие пройдохи и субретки, пародирующие чувства своих господ. Мужчины у Мариво—нападающая сторона, женщины—обороняющаяся: они чувствительные, кокетливые, грациозные и осторожные эгоистки. Мариво—жеманен, и жеманности содержания его комедий, часто строящегося на самом простом недоразумении, переполненных изящным пустословием и грациозными приключениями, соответствует и жеманная форма, изысканный вычурный язык. В его комедиях внешность аристократических салонов XVIII в. нашла себе наиболее совершенное выражение [1]).

То, что выражал Мариво в своих комедиях, имелось и в искусстве первой половины XVIII в., поскольку оно отражало вкусы дворянства. В скульптуре вместо прежнего классического величия и торжественной массивности статуй Пюже наблюдается более простое трактование натуры у Кусту, позднее изящество у Бушардона Фальконне, наконец, и это главное—игривость и тонкая, изящная похотливость в салонных статуэтках Клодиона. Клодион и является двойником Мариво в скульптуре. В живописи то же направление представлено было Ватто.

Ватто оставил в стороне исторические и аллегорические сюжеты, так часто привлекавшие внимание классиков, и сделал предметом своих картин светскую жизнь, перенесенную в лоно природы и сплошь состоящую из целого ряда развлечений и праздников. Игриво-веселое, жеманно-идиллическое настроение с оттенком изящной распущенности, с тонким, но всепроникающим запахом рафинированного, изысканного распутства—вот основной художественный смысл произведений Ватто. Это приводило его к некоторой наблюдательности над жизнью,

---

[1]) *Fleury*, Marivaux et le marivandage; *Sossot* Marivaux moraliste; *Sainte-Beuve*, Causeries de lundi; *Лансон*, Ист. фр. литер., XVIII век.

над живой игрой физиономий, разнообразием жестов и костюмов. Это же создавало необыкновенную свежесть колорита, непринужденность и живость композиции и изящество рисунка. Таковы его „Отплытие на остров Цитеру", находящееся в Лувре, или „Сельский ужин" в Петербургском Эрмитаже. Вато имел огромный успех, очень скоро сделался модным великосветским живописцем, потому что, по словам Дюкло в его мемуарах, „сумел понять направление своего века, приспособиться к его вкусу, передать его кистью и красками".

И в архитектуре эпохи Людовика XV сказалось настроение, родственное Ватто: стиль Людовика XV—это рококо,—фривольный, капризный, веселый, диссиметричный; образец этого—парижский Пантеон [1]).

В половине XVIII века французское дворянство уже смутно чуяло, что почва колеблется под его ногами, и жадно стремилось срывать все наслаждения, следуя рецепту Людовика XV—„после нас хоть потоп". Прикрытая внешним изяществом распущенность превратилась в грубый, открытый разгул, в жажду бешеных наслаждений. Художественным выразителем этого настроения правящих верхов общества был Буше. Так, его „Венера"—чувственно-разгульна, при всей своей красоте будит только элементарные, животные инстинкты без всякой примеси каких бы то ни было высших, более сложных и тонких чувствований. Старый порядок при Людовике XV этим собственно и закончил свое культурное творчество, поскольку дело касалось дворянства: в художественном, как и в политическом, отношении он закончил откровенным бесстыдством. При Людовике XVI в искусстве наблюдается уже элегантная меланхолия, печаль [2]). Все другие попытки создать что-либо оригинальное или хотя бы продолжить традиции славного прошлого являлись не чем иным, как жалкими и смешными потугами. Так, искусство Кребильона в его трагедиях все состояло „в ловком опреснении ужасных сюжетов, в приличном изображении того, что считается противоречащим существующим понятиям о приличии".

---

[1]) *Barberot*, Histoire des styles d'architecture, II, стр. 156—160.
[2]) *Barberot*, Histoire des styles d'architecture, II, стр. 174.

Для этого он прибегал к изложению жестоких сюжетов в условном салонном тоне. Такова, напр., его знаменитая трагедия „Радалинт и Зиновия“ [1]). Дюси во второй половине века переделывал Шекспира, приспособляя его к классическому стилю; пьесы его были смешны и мертворожденны [2]).

Основное содержание духовной культуры Франции XVIII века, эпохи разложения старого порядка, давало не дворянство, а буржуазия в ее различных слоях. И чем ближе к концу века, тем это проявлялось ярче и многообразнее. В литературе здесь на первый план выступает деятельность Вольтера.

Вольтер — типическая фигура нового интеллигентного и практичного буржуа, приобретающего первенствующее влияние в обществе. Это—эгоистический индивидуалист. Он деловит, умеет устраивать свои материальные обстоятельства, достигает богатства и довольства. Он тщеславен, самолюбив, суетен, злопамятен, своекорыстен, лжив, бесстыден, раболепен, когда нужно. Но все эти отрицательные, эгоистические стороны личности Вольтера умерялись и практически направлялись к определенной цели его умом—живым, любознательным, бодрым, ясным, деятельным. Отсюда вытекал рационализм Вольтера, его глубокое убеждение, что все дурное происходит от неразумия. Этот ум и свойственный ему рационализм определил и положительные, индивидуалистические черты характера Вольтера. Он подсказал ему привязанности—дружбу и любовь, легко мирящуюся с изменой. Он дал ему здоровое и трезвое понимание справедливости и терпимости. Он создал деизм Вольтера, его рационалистическую религию. Тот же ум, вооружив его скептацизмом и сатирическим отношением к окружающим явлениям и лицам, дал ему остроумие, составлявшее любимую стихию Вольтера, его естественный, природный дар, без которого он не мог обойтись как птица без крыльев, как соловей без пения. Он же, этот ум, и еще рационализм пропитали его художественное творчество и всецело окрасили его политические убежде-

---

[1]) *Лансон*, Ист. франц. лит., XVIII век, стр. 24—25.
[2]) Там же, стр. 30.

ния, симпатии к просвещенному и просветительному абсолютизму. Неверие, точнее непочтительность по всякому авторитету, и рационалистическое отношение к действительности—вот что составляет идейное наследие Вольтера.

И хотя исследователи склонны различать несколько периодов в жизни и деятельности Вольтера, но по существу он все время оставался верен себе и глубоких перемен в нем не происходило. Его ум был развит и воспитанием в иезуитской школе, и тем общением с кружком Нинон Ланкло, которое доставил ему его крестный, аббат де Шатонеф, и, наконец, кружок Ланкло и общество Тампля, в которое Вольтер также проник, развили в нем вольнодумство и рационализм уже в молодости. Двукратное заключение в Бастилии за дерзость против власти и аристократии дало толчек к общественному протесту более острому, чем было до того. Преследование гугенотов Каласа и Сирвена парламентами толкнули на защиту терпимости и борьбу со старыми феодальными судами.

С первых же произведений рационализм и скептицизм Вольтера бьют в глаза. В „Эдипе", „Заире" и „Магомете" видно его неверие: религии, по его мнению, происходят от плутовства одних и от глупости других. И эту истину, подтачивающую старый порядок, Вольтер подносит публике этого самого старого порядка в приятном для нее виде, переделывая свои трагедии по ее вкусу, придавая им подчас черты модного оперного либретто, лаская зрение и забавляя пустую светскую публику роскошью костюмов и декораций. „Век Людовика XIV"—прославление просвещенного абсолютизма и косвенная сатира на время Людовика XV. „Философские письма", написанные в Англии главным образом под влиянием Локка, формулируют теоретически то, что раньше Вольтер проводил в художественной форме, и сжигаются во Франции рукой палача. Будучи под 60 лет, Вольтер написал „Девственницу" („La Pucelle")—пародию на поэму Шапелена „Дева или спасенная Франция". Жанна д'Арк изображается здесь, как „отважная идиотка, считавшая себя вдохновенной, ограждающая себя от нахалов оплеухами, оберегающая до поры до времени свою

непорочность, потому что верит в исполнение своего дела при сохранении девственности“; весь рассказ пересыпан множеством сальностей и намеков на высокопоставленных лиц. В „Кандиде“—резкая сатира на иезуитов, сторонников абсолютного оптимизма, учащего, что все к лучшему в этом лучшем из миров, и на оптимизм Лейбница с его предустановленной гармонией: Панглосс, олицетворение этого оптимизма, жестоко наказывается за него отвратительной болезнью; попутно обличаются дворянское чванство древностью рода, разврат и плутни монахов, „пустые системы“ академий наук, „литературные гадины“, завидующие чужому успеху, изображается идеальная страна—Эльдорадо, где господствует деизм, нет священников и монахов, приветствуя царя, не нужно „встать на колени, лечь ничком, положить руки на голову или на зад, лизать пыль с пола“, нет судов и тюрем, есть дворец наук с математическими и физическими приборами, царь остроумен. Будучи, наконец, гениальным памфлетистом, Вольтер в ряде летучих листков и небольших брошюр в несколько страниц распространял, живя в своем Фернее, скептические и рационалистические взгляды в широких слоях читающей публики и, создавая там новые настроения и убеждения, подтачивал тот старый порядок, который он сам думал частично исправить устранением отдельных злоупотреблений благодетельной рукой просвещенного деспота. Впрочем, под конец жизни Вольтер пришел к заключению о неизбежности революции и предсказывал, что более молодые из его современников будут свидетелями и участниками удивительных событий [1]).

Хотя деятельность Вольтера продолжалась до начала последней четверти XVIII в., но по существу своему она является первым за этот век моментом в развитии духовной культуры буржуазии, когда буржуазия, разрушая старый порядок, сознательно еще не порвала с абсолютизмом, приспособлялась к нему. Тут были большие и яркие признаки перехода к новым настроениям и эле-

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XVIII в., стр. 19—29; 132—144; Вольтер по Коллини, Ваньеру, Штраусу и др., изд. т-ва „Знание“, Спб. 1890; *Вольтер*, Кандид или оптимизм, Спб. 1900.

менты новой классовой культуры, но все это пока еще не сведено было в цельную систему. С этой точки зрения в буржуазной культуре Франции первой половины XVIII века можно подметить ряд родственных явлений.

Сюда прежде всего относится деятельность двух романистов—Лесажа и Прево. Лесаж—не рационалист, не верит в силу разума; он главное значение в душе человека придает чувству, бессознательному, стихийному началу. Он внимательный наблюдатель нравственной жизни и основатель нравоописательного романа. Заимствуя фабулы „Хромого беса“ и „Жиль Блаза“ из испанской литературы, Лесаж был в то же время глубоко оригинален в своем творчестве: он дает яркое изображение нравов и тонкую сатиру на человеческую глупость, проявляющуюся везде и всегда от домашней жизни до придворных сфер и высшей администрации, хотя автор и пытается под конец пока еще смягчить мрачные взгляды на правящие классы, вытекающие из его произведений [1]). Аббат Прево в „Манон Леско“ дал реальный роман страсти, основанный на конфликте чувства чести мужчины с кокетством и любовью женщины [2]).

Начинавшийся, таким образом, культурный рост буржуазии в первый же момент нашел себе выражение и в живописи. Живопись Шардена показывает, как в буржуазии уже в первой половине XVIII века сказалось стремление к красоте, к грации, вкус к изящному. В живописи Шардена есть черты общие с творчеством Ватто, но у Шардена нет той распущенности, которая характерна для Ватто. Посмотрите, например, на его картину „Возвращение девочки из школы“: девочка, принадлежащая, судя по скромной одежде, к мелкобуржуазной семье, с бумагой и пером в руке возвращается из школы, склонив голову с нежной кокетливой грацией. Тут нет и следа той тонкой распущенности, какою насыщены все эти путешествия на острова любви и сельские праздники Ватто: кокетство у девочки Шардена совершенно невинное, чистое, почти бессознательное. Позднее, во второй половине XVIII века, традиции Шардена восприняли Латур и Прюдон.

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XVIII век, стр. 44—49.
[2]) Там же, стр. 54—55.

К половине века буржуазия почувствовала живую потребность противопоставить свою относительно-чистую мораль, свои простые еще нравы и скромные добродетели разгульной чувственности, развращенности и грубым порокам высших слоев общества. Это была одна из форм идейного нападения будущих господ положения на тех, кто властвовал в то время. Отсюда вытекает прежде всего сентиментально-мещанская литература.

Основу ей положил в своих пьесах Детуш, вводивший в них отдельные нежные, чувствительные сцены. Но настоящую слезливую драму во Франции создал впервые Ля-Шоссэ. Сюжеты его драм берутся из семейной жизни: он изображает домашние невзгоды, трагедии незаметного существования, конфликты общественных предрассудков с естественными стремлениями и обязанностями [1]). Около 50-х годов слезливая драма торжествует у Дидро („Отец семейства", „Побочный сын"), Бомарше („Евгения", „Два друга") и Седэна, который в своей пьесе „Бессознательный философ" защищает коммерческие занятия против аристократического презрения и осуждает дуэли [2]). Тот же буржуазный сентиментализм проник и в роман: им проникнуты „Новая Элоиза" Руссо и „Поль и Виргиния" Бернардена де Сен-Пьера.

Фабула „Новой Элоизы" такова: молодой буржуа Сен-Прё, учитель двух молодых дворянских девушек в Кларане в Швейцарии,—Жюли д'Этанж и ее кузины Клэр,—влюбляется в первую из них и пользуется взаимностью. Любовь их—одухотворенная, но вместе и страстная, и притом нет надежды на брак, потому что отец Жюли, барон д'Этанж, насквозь пропитан дворянскими предрассудками. В порыве увлечения и в надежде побороть эти предрассудки, Жюли отдается Сен-Прё и доверяет тайну Клэр, которая хранит письма Сен-Прё к Жюли. Но когда Клэр выходит замуж за г-на д'Орб, Жюли берет себе эти письма, и они затем попадают в руки ее матери. Мать просит отца выдать Жюли замуж за Сен-Прё, но тот непреклонен: он обещал выдать дочь замуж за своего друга де-Вольмара и не хочет выдавать

---

1) Там же, стр. 36—38.

2) Там же. стр. 38

ее за „первого встречного“. Мать скоро умерла, и Жюли, уступая настояниям отца, вышла за де-Вольмара, хотя это решение повело к тяжкой болезни ее и Сен-Прё, утешенного лишь другом, лордом Бомстоном, который отправил его затем в кругосветное путешествие, добыв ему техническую должность на одном английском корабле. Де-Вольмар оказался человеком добрым, умным, справедливым, добродетельным, проницательным, превосходно устроившим свое хозяйство и семейную жизнь. Жюли была счастлива, искренно привязалась к мужу, своим двум сыновьям и к Генриетте, дочери овдовевшей Клэр. Ее мучит лишь то, что она не созналась мужу в своем увлечении молодости. Она делает это признание, но оказывается, что он давно знал все из писем Сен-Прё к Жюли, переданных ему отцом Жюли, получившим их от ее матери. Де-Вольмар находил любовь Жюли и Сен-Прё исключительной и прекрасной, выразил убеждение, что теперь, через много лет, они излечились и, веря в их честность и добродетель, предложил Жюли пригласить Сен-Прё к ним и потом сделать его учителем их детей. Так и поступили. Сен Прё восхищен и семьей и де-Вольмаром, исполнен уважения к Жюли и, не переставая любить ее, думает все-таки, что излечился от страсти. Спасая от несчастного случая одного из своих сыновей (он чуть не утонул), Жюли простудилась и умерла. Перед смертью она убеждала Сен-Прё жить с де-Вольмаром и детьми и с Клэр вместе, и жениться на Клэр. Но Клэр отказалась от замужества, хотя между ней и Сен-Прё и была живая симпатия, не лишенная примеси и более нежного чувства. Все будут жить вместе и воспитывать детей Жюли и Генриетту [1]).

На фоне этой фабулы, которая сама по себе характерна для новых настроений и идей буржуазии, нарисован общественный и моральный идеал Руссо, о котором в связи с „Новой Элоизой“ и другими его сочинениями, у нас еще пойдет речь особо.

Что касается Бернардена де Сен-Пьера, то он бы и хороший живописец природы, и идеализатор близкого к природе, примитивного состояния людей: в его „Полс

---

[1]) La Nouvelle Héloise, Paris, Firmin Didot, 1858.

и Виржини“ оба влюбленные, невинные и невежественные, разлучены обществом и смертью, и все кончается общим несчастием. Тут нет характеров, а есть только элементарные чувства и трогательные положения: это—зародыш романтизма, сентиментальный романтизм [1]).

Всему описанному сейчас течению в художественной литературе соответствовала сентиментальная живопись Грёза и Фрагонара. Мечтательные головки Грёза и трогательные сцены семейной жизни Фрагонара—такой же дифирамб моральной чистоте и душевной свежести буржуазии, как и произведения литературы сентиментального направления.

Но буржуазия шла вперед гигантскими шагами, точно она была одета в семимильные сапоги. Ей скоро мало стало восхваления ее семейных добродетелей,—она захотела прославить свою гражданскую доблесть. Старая, классическая школа в литературе, живописи и скульптуре, ценившая строгое благородство и идейность, потеряла значение в глазах дворянства, но снова его приобрела среди буржуазии. Шенье в своей поэзии был именно таким буржуа-классиком [2]), Пигалль и Гудон в своих статуях прославляли идейных вождей буржуазии, а Давид и Гро в своей живописи стали служить республиканским, демократическим идеалам. Картина Давида „Брут, осуждающий сыновей своих на казнь“—прекрасная иллюстрация и демократической доблести, жертвы личными чувствами и интересами для общественного блага; правильный рисунок, строгий колорит, энергичная композиция—все служит одной цели. За внешней строгостью и суровостью, которые поверхностный наблюдатель склонен принять за холодность и даже сухость, на самом деле виден высокий подъем горячего чувства. Другая картина того же Давида—„Смерть Марата“—увековечивает на полотне одного из виднейших деятелей великой революции.

И все это венчается „Севильским цирульником“ и „Свадьбой Фигаро“ Бомарше. Тут уже вся революция: недаром Людовик XVI долго не разрешал пьесы Бо-

---

[3]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XVIII в., стр. 209—212.
[6]) Там же, стр. 225.

марше к постановке, и на сцене они имели колоссальный, небывалый даже в Париже, успех. Розина, Сюзанна, Фигаро — все буржуи—бесконечно выше, умнее, честнее, справедливее, остроумнее дворян, чиновников, судей, всех господ поколения при старом порядке. Все эти господа положения втоптаны в грязь насмешкой, убиты окончательно смехом, тем, что изображены в смешном виде [1]).

Так буржуазное искусство и буржуазная художественная литература в своем творчестве развенчивали дворянство, духовенство, старый порядок, религию и увенчивали лаврами и возвеличивали буржуазию. Но известно, что этим дело не ограничивалось, что на помощь художественному творчеству пришла политическая и общественная философия, в которой виднейшую роль играли—Монтескье, энциклопедисты, Руссо и социалисты — Мелье и Морелли (мы говорим, разумеется, только о тех писателях, которые имели первостепенное влияние или представляли явление наиболее оригинальное).

Монтескье был типичным идеологом крупной и средней буржуазии. Он начал в 1721 г. „Персидскими письмами“, — сатирой, написанной в виде писем на родину путешествовавших по Франции персиян. По литературной манере здесь есть нечто родственное Мариво. По существу — это резкая и едкая сатира на деспотизм, дворянство, придворных. Есть республиканские симпатии, а религия признается только как орудие в руках государственной власти.

В 1734 г. вышло второе сочинение Монтескье „Размышление о величии и упадке римлян“. Это сочинение не имеет историко-критического содержания: историческую критику впервые применил к римской исторической традиции Бофар в 1738 г. Но зато Монтескье попытался поставить исторические вопросы на социологическую почву, объяснить историю с точки зрения закономерности, отнестись к общественным явлениям так же научно, как научно ставится изучение явлений природы.

---

[1]) *Lintilhac*, Beaumarchais et ses oeuvres, P. 1884.

Наконец, в 1748 г. появилось главное сочинение Монтескье „О духе законов“ — настоящее идеологическое обоснование теории конституционной монархии. И здесь Монтескье старается поставить вопрос научно и социологически, исследовать закономерность общественных явлений. С этою целью он классифицирует государственные формы, различая четыре основных: деспотию, где вся власть у одного монарха, монархию, в которой есть еще промежуточные власти между монархом и народом, аристократическую республику, во главе которой стоит олигархия, и демократическую республику, где власть принадлежит народу. Каждой из этих государственных форм, по Монтескье, свойствен особый жизненный принцип, без наличности которого не может прочно существовать данная форма: деспотии соответствует страх, монархии — честь, чувство чести и почести, отличия, жизненным принципом аристократической республики является умеренность, а демократической республики доблесть, уменье жертвовать личными выгодами ради общего блага. Несомненно, что в этой теории есть признаки расположения автора в пользу демократической республики. Однако, он вовсе не считает ее идеальной государственной формой. Определяя этот идеал, Монтескье отбрасывает совершенно деспотию, как форму неюридическую, лишенную правовой природы, и считает наилучшим практически соединение трех остальных форм — монархии, аристократии и демократии. Такое соединение он находит осуществленным в современной ему Англии, где монархический принцип представлен королем, аристократической палатой лордов, а демократической палатой общин. Наконец, необходимым условием правильного устройства государства Монтескье считает разделение властей — законодательной, исполнительной и судебной. Цензовая конституционная монархия с двухпалатной системой — вот политический идеал Монтескье и вместе с тем крупной и средней буржуазии [1]).

---

[1]) De l'Esprit des Lois; *Сорель*, Монтескье; ***Ковалевский***, Происхождение современной демократии.

Первенствующее положение между энциклопедистами положение главного руководителя „Энциклопедии“, делившего эту работу главным образом с знаменитым математиком д'Аламбером, занимал Дидро. Нам уже известно, какую видную роль сыграл он, как драматург, один из представителей мещанской сентиментальной драмы. Кроме того, как художник, Дидро создал еще замечательную повесть „Племянник Рамо“. В этом произведении Дидро дал яркий тип паразита, прихлебателя и затронул целый ряд социальных вопросов. Но не менее замечателен Дидро своими философскими произведениями и статьями в „Энциклопедии“. Религиозные его воззрения в конце-концов сильно приблизились к атеизму, по крайней мере, к отрицанию личного бога. Замечательна у Дидро, как идеолога готовящейся к победе буржуазии, теория познания: он признает опыт и наблюдение основными способами познания внешнего мира, близок к сенсуализму Кондильяка, отстаивает атомистическую гипотезу, но в то же время приближается к будущему учению Канта о непознаваемости сущности вещей [1]).

Гораздо дальше Дидро пошли такие материалисты и атеисты, как Гельвеций и Гольбах, принадлежавшие также к числу видных энциклопедистов. Гельвеций в главном своем сочинении „О духе“ является последовательным материалистом и сенсуалистом. Все представления он выводил из воздействия внешних предметов на наш мозг. Все действия определяются, по его мнению, стремлением к удовольствию и отвращением к недовольству. Атеизм Гольбаха покоился на убеждении, что все религии произошли от своекорыстного обмана народа со стороны жрецов и потому являются вредными в моральном и общественном отношениях. В своей „Системе природы“ Гольбах проводил механистически-материалистическую теорию. По Гольбаху, существует только материя и неотделимое от нее движение [2]).

Руссо принадлежит к числу писателей, изучение воззрений которых представляет необыкновенные трудно-

---

[1]) *Морлей,* Дидро и энциклопедисты.
[2]) *Avezac—Lavigne,* Diderot et la société du baron Holbach, P. 1875.

сти. Одни исследователи — такие, как Фагэ и Шампион,— признают в его сочинениях массу несогласимых противоречий, другие, — напр., Ренувье, Болавон, Штамле, Гурвич, — видят у него полное единство, считают взгляды Руссо едиными и цельными на пространстве всей его жизни и деятельности, устраняя некоторые их частности, как несущественные, третьи, наконец, подобно Валлетту, Эспинасу и Шинцу, делают первые, пока еще несовершенные попытки проследить эволюцию воззрений Руссо, перемены их в разные периоды жизни писателя [1]). При таких условиях трудно дать исчерпывающее резюме системы идей Руссо. Удобнее всего не изображать их в целом по всем сочинениям разом, а изложить основные мысли отдельных работ Руссо. Это тем более удобно и важно в исторической работе того типа, какой представляет собою наш труд, что для нас важен не столько Руссо, сам по себе, и его действительные воззрения, сколько то понимание этих воззрений, какое выразилось в ходе великой французской революции. А вопрос о том, как тогда понимали Руссо, решается в большинстве случаев без особого труда. Пусть даже правы некоторые исследователи, что Руссо субъективно, с его собственной точки зрения, сторонник трансцендентного индивидуализма и оказал бо́льшее, чем раньше думали, влияние на декларацию прав человека и гражданина национального учредительного собрания, — все же остается бесспорным, что его идеи использовали главным образом якобинцы, может быть и придавая им собственное, субъективное истолкование, не всегда бывшее в целях и сознании автора.

В первой выдающейся работе Руссо, появившейся в 1750 году и сразу сделавшей его известным человеком, — в ответе на вопрос дижонской академии, способствовало ли развитие наук и искусств улучшению нравов — нашли себе выражение следующие мысли: по мере усовершенствования наук души людей портились; науки созданы праздностью и в свою очередь ее питают; они подрывают основы веры и уничтожают добродетель; по-

---

[1]) *Петров*, Общественные идеи Руссо в новейшем научном освещении: „Анналы", I, Петербург, 1922.

этому Руссо высказывается за счастливое невежество и бедность первобытных людей и дикарей; источник добродетели — не разум и не знания, а голос совести. В последней мысли нельзя не видеть зародыша обоснования морали Канта, изложенного в его „Критике практического разума“.

В 1754 г. появилось второе замечательное сочинение Руссо — о происхождении неравенства. Руссо исходит здесь из представления о первоначальном равенстве. Первый шаг к неравенству — это установление частной собственности, прежде всего собственности на землю; второй шаг — это установление различной степени имущественного достатка, различия между богатыми и бедными, сильными и слабыми; третий шаг к неравенству — превращение власти сильных во власть произвольную. Законам природы противоречит то явление, что „небольшая часть людей утопает в изобилии, а народная масса нуждается о самом необходимом“. Нет сомнения, что этим сочинением обосновывается равенство имуществ как идеал с точки зрения якобинцев.

Мы уже говорили в свое время, что в „Новой Элоизе“, — романе, появившемся в 1761 г., имеется целый ряд данных для характеристики общественного и морального идеала Руссо. Олицетворением этого идеала является прежде всего сама героиня „Новой Элоизы“ Жюли: в ней Руссо видит „божественную гармонию добродетели, любви и естественности“ [1]); говоря о своих отношениях к Жюли, Сен-Прё замечает: „разве ты не последовала чистейшим законам природы?“ [2]); выражается удивление, что „есть страны, где слабость молодой влюбленной — непростительное преступление, хотя прелюбодеяние замужней женщины носит там приятное имя любезности“ [3]). Все это — признаки того культа естественности, который так ясно выразился в первых двух сочинениях Руссо, выше изложенных.

На-ряду с этим в „Новой Элоизе“ мы встречаем изображение идеального, с точки зрения Руссо, хозяйства.

---

[1]) La Nouvelle Héloise, часть 1-я, письмо XXI, стр. 59,
[2]) Там же, ч. I, письмо XXXI, стр. 85.
[3]) Там же, часть IV, письмо XII, стр. 453.

Сен-Прё в письме к своему другу Бомстону идеализирует культурно-буржуазное сельское хозяйство: главное — заботы о культуре земли; не роскошь, а удобства; рабочие — соседние крестьяне; кроме общей платы — еще дополнительная в случае хорошей работы, и это хозяевам выгодно; хозяйка (Жюли) — мать для слуг и рабочих, принимает участие в их радостях и печалях, справляется о их делах, их интересы — ее интересы; притом рабочие не отвыкают от крестьянской жизни [1]). Из другого письма видно, что почти все необходимое производится в собственном хозяйстве, почти ничего не покупается и не продается [2]), так что идеализируется натуральное хозяйство.

Характерно, наконец, восхваление религии и чувства вообще в ущерб разуму, рационализму. Жюли пишет: „почитайте вечное существо: одним дуновением вы уничтожите фантомы разума, имеющие лишь обманчивую видимость" [3]). „Только огненные души умеют бороться и побеждать; все великие усилия, все возвышенные деяния—их дело: холодный разум никогда не совершал ничего славного,—управлять страстями можно только противополагая одну другой, и когда возвышается страсть и добродетель, она господствует одна и поддерживает все в равновесии" [4]).

В „Эмиле", появившемся, как и „Общественный договор", в 1762 году, Руссо высказывается за свободное воспитание в духе природы; в помещенном в „Эмиле" „исповедании веры савойского викария" мы встречаем опять обоснование религии голосом совести.

Наконец, самым важным произведением Руссо является его книга „Об общественном договоре". В результате знакомства с подлинным текстом этой книги и на основании новейших его толкований, касающихся некоторых важных терминов, употребляемых автором, ход мыслей в ней может быть изложен следующим образом: человек родился свободным; ассоциация, общество создается общественным договором; задача общественного договора,

---

[1]) Там же, часть IV, письмо X, стр. 403 и след.
[2]) Там же, часть V, письмо III, стр. 504—505.
[3]) Там же, часть III, письмо XVIII, стр. 325.
[4]) Там же, часть IV, письмо XII, стр. 453

по Руссо, „найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла бы всею своею общею силою личность и имущество каждого члена ассоциации, и посредством которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, самому себе, оставаясь столь же свободным, как и раньше“. Сущность общественного договора состоит в том, что люди отрекаются от инстинктов и приобретают в общественном договоре разумные права. Таким образом личные права проистекают от общественного договора, от государства. Личные права неотъемлемы. Общая воля, государство, закон—выражение естественного права, ограждающего права личности. Если эта общая воля, закон, права личности нарушаются, то царит уже не право, а произвол, государство не существует уже, и общественный договор уничтожается. Неотъемлемые права личности—главное, они вытекают из существования государства, гарантированы государством.

„Когда каждый отдает себя в распоряжение всех, то он в сущности не отдается никому“, так как если суверен—все, народ, то нет у него и интересов отличных от интересов отдельных лиц. Верховная власть народа неотчуждаема, неделима, непогрешима, неограничима. Поэтому народу принадлежит непосредственно законодательная власть, народовластие может быть только непосредственным. Депутаты народа—только его комиссары, приказчики, и потому они не могут делать окончательных постановлений, их постановления нуждаются в непосредственном утверждении народа. Правительство — „законное пользование исполнительной властью“, по поручению народа. Оно—будь то один человек или несколько — исполняет волю суверенного народа, и народ может всегда его сменить.

Наконец, есть в „Общественном договоре“ Руссо тезисы, которые новейшие исследователи считают случайными, не находящимися в необходимой связи с основной теорией. Так это или не так,—решит дальнейшее специальное исследование. Но так как эти тезисы на практике, в истории французской революции, имели большое значение, мы должны их также изложить. „Как природа“, говорит Руссо, „дает каждому человеку абсолютную власть над всеми его членами, так и общественный дого-

вор дает политическому телу над всеми его членами такую же абсолютную власть, и она-то, направляемая общею волею, носит название верховной власти". Совесть, голос бога,—выражение разумного естественного права, ограждающего личность и ее права. Поэтому голосом совести создается гражданская религия, за несоблюдение которой виновного постигает изгнание или смертная казнь. Она содержит в себе немногие истины морального или общественного характера: сюда относятся вера в бога, в бессмертие души, в загробное воздаяние, в святость общественного договора и законов, терпимость ко всем верованиям и вероисповедным отличиям, которые не противоречат этим догматам гражданской религии [1]).

Последняя ветвь общественной идеологии, подготовлявшей революцию и потому привлекающей наше внимание,—это социалистические учения. Здесь замечательны два человека—сельский священник Мелье и аббат Морелли, — первый потому, что он очень оригинален, и его пример показывает, как самою жизнью создавалось социалистическое течение, второй — вследствие своего влияния на некоторых деятелей революции.

Жан Мелье происходил из бедной мелкобуржуазной семьи. 24-х лет от роду он сделался сельским священником и, повидимому, хотел быть поистине пастырем добрым для своего прихода: он вел сам строгую, добродетельную, чистую жизнь, близко принимал к сердцу радости и печали своей паствы, был очень добр и решил защитить интересы крестьян от соседнего помещика, оттягивавшего у них землю; он усердно и настойчиво вел это дело во всех инстанциях, неутомимо трудился в защите крестьянских интересов. И все было напрасно: суды и власти старого порядка были на стороне привилегированных. Не добившись справедливости, Мелье в начале 30-х годов XVIII в. уморил себя голодом. После него осталось „Завещание", вскрывшее его заветные убеждения, представляющее собою исповедь искреннего и глубоко-убежденного человека. Оно попало

---

[1]) Du contrat social, изд. Dreyfus—Brisac, P. 1896; *Гурвич*, Руссо и декларация прав, Юрьев, 1918.

в руки Вольтера, который и опубликовал часть его в 1762 г. В полном виде „Завещание“ Мелье увидело свет в печати только в 1864 г., столетие спустя после издания Вольтера, содержавшего главным образом критическую часть, которая ближе всего была сердцу и уму самого Вольтера. Эта критическая часть — критика старого порядка и религии — действительно поразительна по своей яркости и глубине. Сельский священник, первоначально верующий и всегда искренний и чистый человек, Мелье с горечью обрушивается на религию и власть: христианская религия, говорит он,—ложь, потому что покровительствует деспотизму, частной собственности и неравенству состояний; долой религию и бога! Они, а также и королевская власть созданы сильными и богатыми в своих интересах. Нужна революция, необходим решительный переворот. Во имя чего же?

Ответ на этот вопрос представляет собою уже положительное содержание „Завещания“ Мелье. Закон счастья—общественная собственность на средства производства и общее пользование продуктами труда. Управлять этим общественным, социалистическим хозяйством должны мудрейшие и благороднейшие, очевидно, на основе демократических выборов, возможность которых как и осуществление всего социалистического строя, вытекает из той революции, на необходимости которой настаивал Мелье [1]).

Аббат Морелли представлял собою фигуру, совершенно не похожую на скромного сельского священника Мелье. Он был литератором, сотрудником „Энциклопедии“, типичным салонным вольнодумным аббатом XVIII в. Он дал два социалистических сочинения—роман „Базилиада“ и теоретический трактат „Кодекс природы“. Обладая даром легкого и изящного изложения, он был замечательным популяризатором социалистической идеи, хотя оригинального творчества у него было мало.

Как социалист, Морелли, конечно, отстаивал общественную собственность на средства производства. Но, подобно более ранним социалистам, он главное внимание посвящал не производству, а потреблению, и рисо-

---

[1]) *Lichtenberger*, Le socialisme au XVIII siècle, P. 1895, стр. 75—81.

вал картину казарменной жизни, в которой все подробности предусматривались бы и предуказывались государством. Все социалистическое государство, по Морелли, должно состоять из общин по 1.000 человек каждая; все должны быть земледельцами и ремесленниками, трудиться одинаково и получать за свой труд совершенно равное вознаграждение; государство делится на равные семьи, трибы, города и провинции; брак обязателен; дети с пяти лет получают обязательное общественное воспитание. В управлении нет и следов демократизма: управляют в каждом городе пожилые и опытные начальники с сенатами, состоящими из лиц, достигших 50-ти лет и старше; государством управляет сенат из таких же лиц по два от каждого города; сенатам в городах и в государстве подчинены советы из глав семейств. Исполнительная власть находится в трибах у их глав, главы триб по очереди становятся начальниками города, начальники городов по очереди являются начальниками провинций, наконец, начальники провинций по очереди занимают положение главы государства,—все имеют исполнительную власть, подлежащую контролю сенатов [1]).

Идеология, с главными представителями которой мы ознакомились, была ферментом, сплотившим и организовавшим те партии, которые сложились и боролись в процессе развития великой французской революции. Как и в английской революции, в революции французской партии сложились не сразу, скристаллизовались в ходе революционных событий, под влиянием классовых интересов и классовой борьбы, все более проявлявшихся по мере того, как развертывалась революция. Тогда политическая идеология XVIII в. и сослужида свою службу, помогла политически самоопределиться отдельным классам общества и представлявшим их интересы партиям.

Революционную правую представляла собою крупная и средняя буржуазия вместе с перерождавшимися в нее частями привилегированных сословий—дворянства и духовенства. Равенство всех перед законом, уничтожение привилегий и крепостничества, широкое развитие капитализма и конституционная представительная монархия—вот идеалы этой группы и партии. Идеологом ее был

[1]) Там же. стр. 104—125.

главным образом Монтескье. Клуб фельянов—вот правая революции; глава правой—Барнав.

Центр и левая французской революции были республиканцами. Центр представляли жирондисты,—Бриссо и его товарищи. Это были представители мелкой буржуазии провинциальных, главным образом южных, городов, особенно интеллигентских верхов этой буржуазии. Республика, всеобщее избирательное право, все свободы, сохранение собственности без ограничений ее—такова их программа. Несколько левее жирондистов держались кардельеры, главным из которых был Камилл Демулен.

Левая революции – якобинцы, больше всего взявшие для своей программы и тактики у Руссо и, может быть, по своему его понявшие и истолковавшие. Это была также мелкая буржуазия, но столичная, вообще мелкая буржуазия больших городов, особенно низы ее. Задачи здесь были в том, чтобы создать, при сохранении частной собственности, приблизительное имущественное равенство, республику, основанную на непосредственном народовластии, а для этого временно ввести революционную диктатуру с неограниченной властью, простирающеюся и на установление гражданской религии. Правящий центр якобинцев имел руководителями Робеспьера и Сен-Жюста. Но была и своя якобинская правая, которая возглавлялась Дантоном: он во многом был солидарен с Робеспьером и Сен-Жюстом, но считал тактически более целесообразным урезать якобинские лозунги, чтобы держаться в союзе с жирондистами, поддерживать если не единый, то более широкий революционный фронт.

Была, наконец, и крайняя левая, формально примыкавшая тоже к якобинцам, но реально отличавшаяся от них отчасти и по классовому составу, и особенно по программе. Тут были и мелкие буржуа из интеллигенции и рабочие. А по программе это были социалисты и атеисты, последователи Морелли и Гельвеция. Вождем их сначала был Марат, потом Гебер и Шомет, под конец великой революции Бабёф.

Так, в материальной и духовной культуре, в психологии и идеологии XVIII века постепенно подготовлялся великий переворот, и слагались силы и организации, сочетанием которых определялся самый ход революции.

II.

Первый момент развития великой французской революции.

Первый момент великой революции во Франции начался весной 1789 года. Он закончился осенью 1790 года. Последующее изложение покажет, почему эти хронологические границы поставлены для первого момента развития революции, и чем характеризуется этот момент.

Говоря о начале революции, надо прежде всего принять во внимание настроение широких масс населения—крестьян и рабочих. Крестьяне в XVIII в. сильно тяготились остатками крепостного права—феодальными правами крупных землевладельцев из дворян и духовенства и были раздражены против администрации,—чиновников, поддерживавших привилегированные сословия. Но как всегда в крестьянстве в соответствующий период, и у французских крестьян времен старого порядка господствовали монархические иллюзии, убеждение, что король за народ, но его обманывают дворяне и чиновники. Поэтому не против короля и монархии, а против дворянства, духовенства и администрации направлено было раздражение крестьян. Вот почему в крестьянских наказах, составлявшихся во время выборов в генеральные штаты 1789 года, слышится сплошной вопль на злоупотребления дворянства и чиновничества,—на захваты земли, тяжкие повинности, право охоты, разведение вредных для полей голубей, тяжелые налоги, обиды и притеснения чиновников, но король восхваляется, как отец народа, от него ждут реформ [1]). Поэтому, когда

---

[1]) *Кареев,* Крестьяне и крест. вопрос во Франции в послед. четв. XVIII в.; в данном случае наказы вполне достоверны; ср. *Ону.* Выборы 1789 г. и наказы третьего сословия, ч. I.

созваны были генеральные штаты, большинство крестьянства, очень слабо в них представленное, можно сказать, почти вовсе не представленное, терпеливо ожидало, что будет, не даст ли „король в генеральных штатах“ желанных преобразований. Было, однако, в среде крестьянства и нетерпеливое, беспокойное, революционно настроенное меньшинство. И уже весной 1789 г. „кое-где происходило брожение, и крестьяне отказывались платить феодальные повинности“ [1]). Это брожение крестьян весной 1789 г.—первый признак начала революции.

Второй его признак—волнения парижских рабочих накануне открытия генеральных штатов. Рабочие были уже почти совершенно лишены права и возможности участвовать в выборах в генеральные штаты, а там, где в выборах участвовали, подавлялись буржуазией. А между тем положение рабочих было тяжело, и эта тяжесть увеличилась до крайности вследствие неурожая и голода 1788 и 1789 годов, прилива голодных из деревни в города и массовой безработицы. Из-за слухов, что фабриканты стремятся понизить до крайности заработную плату, парижские рабочие, главным образом безработные, разгромили в конце апреля 1789 г. дома и фабрики фабриканта обоев Ревельона и владельца селитряного завода Анрио. Рабочие были беспощадно расстреляны войсками, трое были казнены, многие поплатились тюрьмой и каторгой [2]).

Так начата была революция крестьянами и рабочими. 17 июня 1789 г. ее начала и буржуазия: депутаты генеральных штатов от третьего сословия провозгласили себя в этот день национальным учредительным собранием, т.-е. присвоили себе верховную власть; при этом они, как выражается Олар, „бессознательно-республиканским способом немедленно же совершили акт верховной власти от имени нации“, объявив, что существующие налоги могут собираться только до того дня, когда собрание разойдется, а после этого все налоги, не установленные национальным собранием, не должны

---

[1]) *Тарле,* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции, Петр., 1918 г., стр. 38.

[2]) Там же, стр. 70—72; ср. *Тарле,* Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. I.

собираться. Наконец, национальное собрание тут же объявило, что оно финансами займется только после того, как „установит в согласии с королем принципы национального возрождения“ [1]).

Так, фактами определяется начало революции: весна и лето 1789 года. Из этих же фактов видно, что начали революцию крестьяне, рабочие и буржуазия.

Но они начали ее пока врозь, отдельно друг от друга. Если бы они в дальнейшем с первых же после того моментов не сплотились,—революция погибла бы, была бы отсрочена.

В начале июля 1789 г. король, выражая интересы привилегированных сословий, встав на контр-революционную позицию, готовился разогнать национальное собрание, уволил в отставку Неккера, учредил министерство государственного переворота и стал стягивать войска к столице, чтобы осуществить этот переворот. Национальное собрание и буржуазия не могли бы ничего против этого поделать, если бы у них не явилась своя армия в виде самопроизвольного вмешательства Парижа [2]), т.-е. прежде и больше всего парижских рабочих. Это случилось окончательно 14 июля 1789 г., когда была взята Бастилия, но подготовлено было уже 12 июля, когда началось волнение парижского населения, Камилл Демулен стал в Пале-Рояле призывать к восстанию, и состоялась огромная демонстрация 10.000 человек; армия не решилась разогнать демонстрацию, тем более, что в парижской городской думе состоялось собрание огромной массы народа и произошло вооружение народных масс [3]). Национальное собрание, почуявшее связь с массами, объявило ответственность министров перед собранием, потребовало удаления войск и сделало свое заседание непрерывным. 13 июля парижский народ образовал национальную гвардию, захватил оружие в доме инвалидов, начал строить баррикады. 14-го баррикады покрыли весь город, и взята была Бастилия [4]). Национальное собрание приобрело армию, массовую опору,

---

[1]) *Олар,* Политическая история французской революции, стр. 42.
[2]) Там же, стр. 45.
[3]) Там же, стр. 46; *Минье,* История франц. революции.
[4]) *Минье,* История франц. револ.

союз буржуазии и рабочего класса с целью произвести революцию был заключен, стал фактом и дал революции первую решительную победу.

Она была закреплена тем, что к этому союзу примкнуло и крестьянство. Слух о парижских событиях глубоко всколыхнул деревню. Во всех провинциях, особенно же в Лангедоке, Дофинэ, Бретани, Турени, Шампани, Гаскони, Эльзасе, началось крестьянское аграрное движение. Крестьяне-собственники были руководителями этого движения крестьянских масс. Они нападали на дворянские усадьбы, требовали выдачи документов, обосновывавших сбор феодальных повинностей и сжигали эти документы. Отказ в выдаче вел за собою разорение и сожжение усадьбы.

Союз крестьянства с буржуазией был закреплен в ночном заседании национального собрания 4 августа 1789 г., когда переродившиеся уже в сельскохозяйственных буржуа либеральные дворяне виконт де Ноайль, герцог д'Эгильон, а за ними и другие дворяне и духовные выступили с предложением отмены феодальных прав как единственного средства утишить аграрное движение, и феодальные права, остатки крепостного права, были формально отменены в заседаниях собрания 4 и 11 августа. В том же направлении шли потом законы 26 июля 1790 г. об отмене феодальных дорожных прав и 18 июля 1790 г. о выкупе наследственных и вечных аренд [1]).

Так образовалась широкая социальная база для революционных действий в первый момент революции. Весь этот первый момент и характеризовался тем, что эта база существовала, сохранялась и дала решительную победу революции над старым порядком и его защитниками, над контр-революцией и реакцией. Реакция не прекратила окончательно своих попыток подавить революцию. К октябрю она собирала силы, стягивала войска для нового переворота, с целью разгона национального собрания и восстановления старого порядка. 1 октября в Версаль пришел фландрский полк, и королевская гвар-

---

[1]) *Кучов*, Борьба классов и партий в великой франц. револ., стр. 145

дия устроила ему банкет, на котором присутствовали Людовик XVI, Мария-Антуанета и дофин, наследник престола, и который имел характер прямого вызова, контр-революционной демонстрации. Буржуазные вожди революции, в том числе начальник национальной гвардии Лафайет, поняли грозившую опасность и решили перевести королевскую семью из Версаля в Париж, думая этим вырвать Людовика XVI из реакционной среды и устранить или хотя бы ослабить реакционные влияния на него. В то же время масса парижской бедноты, страдавшая от дороговизны хлеба, надеялась, что король, переехав в Париж, поможет против этого бедствия. Тогда 5 октября 1789 г. народные массы и национальная гвардия под начальством Лафайета двинулись в Версаль, вызвали короля из дворца и заставили его 6 октября переехать в Париж со всей семьей. За ними в Париж переехало и национальное собрание. И эта попытка реакции внутренней военной силой подавить революцию кончилась неудачей вследствие союза буржуазии с трудящимися массами. Этот союз таким образом держался и проявлял себя активно еще осенью 1790 года.

Он был, однако, не без трещины. Уже тогда каждый из союзников имел свои интересы, тянувшие их в разные стороны и вызывавшие на соответственные действия.

Несомненно, что в этот момент в революции господствовала, стояла у власти революционная правая — крупная и средняя буржуазия, преобладавшая в национальном собрании и в первоначальном составе клуба якобинцев, где тогда большинство состояло из цензовых элементов. Она и проводила последовательно свою классовую политику.

Это прежде всего сказалось в крестьянском, аграрном вопросе. Уже предложения де-Ноайля и д'Эгильона в ночном заседании национального собрания 4 августа 1789 г. имели совершенно определенную классовую окраску. В самом деле: Ноайль предложил отменить без выкупа только все виды *личной* зависимости крестьян от сеньеров светских и духовных, а *поземельные* феодальные права предлагал выкупить, принимая во внимание средний ежегодный доход от их за последние 10 лет, а д'Эгильон

предложил исчислить эту сумму очень высоко,—путем капитализации из $7^1/_2\%$. Но еще хуже дело пошло дальше, в комиссии национального собрания, где из 23-х членов было только 2 крестьянина, остальными же были 4 дворянина и 17 буржуа. Комиссия прежде всего разделила все феодальные права на два разряда: права узурпированные, незаконно захваченные, подлежащие отмене без выкупа и права законные, которые должны быть выкуплены. Узурпированными признаны были те, которые вытекали из личной зависимости, т.-е. которых было мало, и такие, которые давно фактически перестали существовать, подавляющее же большинство действительно существовавших прав, вытекавших из несвободы земли, были признаны законными, т.-е. подлежавшими выкупу. При этом крестьяне, а не сеньеры, должны были документально доказывать отсутствие в каждом данном случае того или другого феодального права, а обыкновенно документов-то у крестьян и не было: они были у сеньеров или были сожжены крестьянами во время аграрного движения. Таким образом это постановление комиссии означало на деле, что все без исключения феодально-поземельные права, существовавшие во Франции, подлежали выкупу, хотя бы в отдельной местности они уже и не существовали. Далее: комиссия постановила, что выкуп необязателен для сеньеров, может быть осуществлен только с согласия обеих сторон, причем только вся община может выкупить сеньериальные права, а не отдельный крестьянин. Наконец, сеньерам предоставлено было назначать выкупную плату по их усмотрению, что приводило на практике к очень большим запросам со стороны сеньеров. Таким образом фактически феодальные права национальным собранием были сохранены [1]).

Не менее определенную классовую позицию занимало национальное собрание и по другому вопросу, — о захватах дворянством и духовенством общинных угодий— лесов и выгонов, совершенно параллельному английскому

---

[1]) *Тарле,* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой фр. революции, стр. 39—44; *Кунов,* Борьба классов и партий в вел. фр. рев., стр. 131—142

„огораживанию“. Захваты эти практиковались во Франции начиная с XV века, потом постепенно усиливались и особенно развернулись в 80-х годах XVIII века, накануне революции. Крестьянские наказы содержат в себе ряд горьких жалоб на это бедствие, лишавшее крестьянство возможности содержать скот и получать бесплатно лес на постройки и дрова. Национальное собрание и здесь требовало, чтобы принадлежность земли общине доказывалась крестьянами не ссылками на обычай, а документами, которых у крестьян не было и не могло быть.

Экономическая и финансовая политика национального собрания также намечала и расширяла трещину между буржуазией, с одной стороны, и крестьянством и пролетариатом—с другой. Революция, как всегда, вызвала экономический кризис, создала финансовое и хозяйственное потрясение. Буржуазия, конечно, и не подумала обложить себя подоходно-поимущественным налогом, чтобы вывести страну и в конце-концов себя самое из тяжелого положения. Так называемый „патриотический сбор“ в счет не идет: он дал мало. Как и всегда бывает, буржуазия пошла по линии наименьшего сопротивления, решила конфискацией церковных земель в 1789 г. и монастырских в 1790 г., а также продажей государственных земель добыть необходимые для казны средства. С целью преодоления денежного и финансового кризиса национальное собрание предприняло три выпуска обязательств казны, ассигнатов или ассигнаций. Первый выпуск был произведен 21 декабря 1789 года. Им были созданы ассигнаты первого типа. Это были ассигновки на кассу чрезвычайных доходов и расходов достоинством в 10 тыс. ливров каждая, приносящие 5% годовых, выпущенные в сумме 400 милл. ливров, в которой оценены были подлежащие продаже земли—церковные, монастырские и государственные; ассигнации эти должны были погашаться уплатой ими за покупаемые у государства земли, а также чрезвычайными поступлениями 1791—95 годов, так что в первые два года погашено их будет на 100 милл. ливров в каждый, в 1793 г. на 80 милл., а в 1795 г. та сумма, которая останется. Но так как размещение этих процентных ассигнаций в публике на 400 милл. ливров требовало времени, а нужда в деньгах

у казны была неотложной, то часть ассигнаций была помещена в учетной кассе, которая выдала казне взамен их свои билеты, пользовавшиеся принудительным курсом. Всего ассигнаций первого типа было выпущено не на 400, а только на 170 милл. ливров, так как они шли плохо. 16 Апреля 1790 г. создан был второй тип ассигнаций. Они отличались от первого типа следующими чертами: во-первых, процент на них был понижен с 5-ти до 3-х, во-вторых, на них установлен был принудительный курс, по которому они должны были наравне с металлическими деньгами приниматься во всех платежах между частными лицами и в казну, в третьих, были введены более мелкие купюры—в 1.000, 300 и 200 ливров, в четвертых, срок их погашения откладывался на неопределенное время,—до распродажи земель. Это были уже бумажные деньги, но процентные, вроде наших серий. На частной денежной бирже сразу курс их понизился до 94—95% номинала. Наконец, 29 сентября 1790 г. появился третий тип ассигнаций—настоящие неразменные бумажные деньги: процент уничтожен, эмиссия увеличена до 1 миллиарда 200 миллионов, не в соответствии с оценкой продаваемых земель; сохранен принудительный курс ассигнаций; низшая купюра установлена в 50 ливров. Это значило, что революционная Франция перешла окончательно к бумажной валюте, и ей стали грозить возможность банкротства и перспектива роста дороговизны и нужды [1]).

И дороговизна и нужда действительно все настоятельнее давали о себе знать. Безработица была велика в 1789 г., и уже 21 июля городская дума решила устроить для части безработных в Париже на городской счет „благотворительные работы". Это было осуществлено. Но плата там была низкая—составляла $^2/_3$ и меньше обычной платы, и так как при всем том все же приходилось тратить на эти мастерские от 800 до 900 тысяч ливров в месяц, то они 16 июня 1791 г. были закрыты декретом национального собрания [2]).

[1]) *Фалькнер*, Бумажные деньги французской революции, М. 1919, стр. 24—44; *Смирнов*, Кризис денежной системы французской революции, Петерб. 1921, стр. 10—12.

[2]) *Тарле*, Рабочий класс во Фр. в эп. рев., т. I.

С другой стороны, и крестьянство далеко не в полной мере могло воспользоваться перспективами, открывавшимися для него при распродаже национальных имуществ в эпоху, нами сейчас рассматриваемую. В 1790 году буржуазия и крестьянство конкурировали в покупке земли. Крестьянство, действуя большею частью товариществами, которые после покупки делили землю между отдельными членами, имело некоторый успех только в местностях, удаленных от городских центров. Но в 1791 г. был издан закон, по которому запрещено было предоставлять какие бы то ни было преимущества при покупках земли крестьянским товариществам,—все должно было определяться тем, кто из конкурентов даст высшую цену,— и кроме того затруднен был раздел крупных имений на мелкие участки, так что фактически конкуренция крестьян с буржуазией по покупке национальных имуществ была в эпоху национального собрания почти совершенно устранена [1]).

Наконец, и политическое законодательство национального собрания весьма характерно в классово-буржуазном смысле. Декларация прав, как указывают новейшие исследователи [2]), испытала на себе влияние Руссо, была, следоватеаьно, радикальным, революционным заявлением. Но характерно, что уже в ней допускалась только свобода вероисповедания, а не свобода совести [3]), а еще более замечательно то, что она была чисто теоретическим заявлением, тактическим приемом, „возвещением о смерти старого порядка“ и „окопом против возможного возрождения его“, а не „программой общества, подлежащего реорганизации“. И потому, когда декларация была вотирована „ее закрыли покрывалом“ [4]); буржуазия вовсе не хотела осуществлять те демократические идеи, которые были выражены в декларации прав человека и гражданина.

14 декабря 1789 г. национальное собрание приняло муниципальный закон, т.-е. закон о местном самоуправлении, отличавшийся резким антидемократическим

---

[1]) *Лучицкий*, Отчуждении национальных имуществ во Франции конце XVIII в.: „Рус. Богатство“ за 1912 г., № 4, стр. 50—56.

[2]) *Гурвич*, Руссо и декларация прав.

[3]) *Олар*, Полит. ист. фр. рев., стр. 55.

[4]) Там же, стр. 56—57.

характером: избирательное право было установлено цензовое, в интересах богатых; только активные граждане, т.-е. обладающие избирательными правами, могли собираться без оружия для составления адресов и петиций [1]).

Конституция 1791 г. была чисто буржуазной. Из 26 миллионов населения Франции активных граждан было всего 4.298.360. „Безусловное вето короля было отвергнуто не только в революционных, но также и в антидемократических целях". По тем же соображениям была проведена непрерывность заседаний законодательного собрания, отказ королю в праве его распускать, и однопалатность [2]).

Итак, уже в первый момент великой французской революции, когда она действовала на широкой социальной базе и шла вперед победоносно, от успеха к успеху, каждая из групп революционной коалиции имела свои классовые задачи, и вождь этой коалиции, буржуазия, выдвигала в своей деятельности собственные интересы на первый план с полной определенностью. Это уже тогда создавало в этой коалиции трещину, предрекавшую грядущий конфликт.

---

[1]) Там же, стр. 73.
[2]) Там же, стр. 81, 67, 69.

III.

Первый конфликт революционных сил.

Первый конфликт революционных сил и характеризовал собою второй момент великой французской революции.

Зародыши этого конфликта наблюдаются впервые осенью 1790 года.

К этому времени прежде всего относится первое известие о стачке в Париже: дело идет о стачке столяров, причем стачечники обратились в секции (районные собрания) города Парижа с просьбой исключать из них штрейкбрехеров [1]).

Затем тогда же увеличивается число крестьянских жалоб, прошений, приговоров, протестов против аграрной политики национального собрания: крестьяне пишут, что сеньеры попирают все права, угнетают народ больше прежнего, что они все еще рабы, что „собрание уничтожило свои первые благодетельные распоряжения“, что крестьянство никогда не сможет выкупить все права [2]).

Новые настроения масс повлияли и на левую интеллигенцию, которая в части своей окончательно и решительно встала на сторону демократии. Марат резко стал высказываться за суверенитет народа над суверенитетом его представителей и потому за императивный мандат депутатам. Он осмеивал заседание 4 августа, говоря, что пламя замков заставило пойти на иллюзорные жертвы. В „Друге Народа“ он определенно вы-

---

1) *Тарле*, Рабочий класс во Франции в эпоху рев., I, ст. 135—136.
2) *Тарле*, Кр. и раб. во Фр. в эпоху вел. рев., стр. 45.

ступил на защиту интересов мелких ремесленников и наемных рабочих: надо положить конец привилегиям и грабительству богатых; необходимо всеобщее избирательное право и императивный мандат; надо ввести единый прогрессивно-подоходный налог; необходим террор, пять или шесть сот отрубленных голов; классовая теория общества находит себе в лице Марата последовательного и яркого представителя [1]).

В то же время образуется демократическая и республиканская партия. Вождями этой партии в национальном собрании оказались Робеспьер, Бюзо, Грегуар, Петион, а вне собрания, если не считать более левой позиции Марата, о которой сейчас шла речь,—Лустало и Кондорсе. В сентябре 1790 г. появилась республиканская брошюра Лавиконтери, 1 октября стала выходить республиканская газета „Mercure national". Ядро республиканцев сложилось в салоне г-жи Робер. В декабре 1790 г. появился памфлет Робера „Республиканизм". Только в конце 1790 г. возникают настоящие народные клубы в Лионе и Париже, первое место среди которых принадлежит парижскому клубу кордельеров. Лозунг этих клубов—всеобщее избирательное право, и когда Робеспьер в апреле 1791 г. открыто в печати выступил за всеобщее избирательное право,—это послужило основой его огромной популярности [2]). Наконец, с весны 1791 г. идут известия о настоящем массовом стачечном движении рабочих.

Первые забастовки начали в апреле 1791 г. плотники и типографские рабочие, труд которых пользовался тогда особым спросом. Вопрос шел о повышении заработной платы вследствие дороговизны предметов первой необходимости, все возраставшей. Потом по тем же причинам стали бастовать башмачники, столяры, каменщики, кузнецы и т. д. Забастовочное движение охватило до 80 тысяч рабочих.

Предприниматели просили городскую думу понудить рабочих возобновить работу. Дума обратилась к рабочим с воззванием и увещанием, чтобы они коллективно

---

[1]) *Кунов*, Борьба клас. и парт. в вел. фр. рев., стр. 430—456.
[2]) *Олар*, Полит. ист. фр. рев., стр. 100—123.

не требовали одинаковой платы, потому что „все граждане равны в правах, но они не равны и никогда не будут равны по способностям, талантам и средствам: природа не пожелала этого“. Воззвание не имело успеха. Тогда дума выпустила другое,—с угрозами судом и арестом. Но рабочие продолжали бастовать, причем у некоторых из них—типографщиков, плотников—были организации вроде профессиональных союзов, формально прикрывавшиеся благотворительными целями, но на деле организовавшие забастовочное движение. Рабочие ответили на второе воззвание думы просьбой на имя мэра Парижа Бальи, представителя революционной правой, рассмотреть счетные книги предпринимателей и убедиться, что прибыли хозяев велики и настояния рабочих справедливы. Мэр отказал.

Начались массовые аресты стачечников. Но стачка все-таки продолжалась. Тогда и предприниматели и рабочие обратились к национальному собранию, причем некоторые рабочие указывали, что их рабочий день продолжается 15 часов—с 4 ч. утра до 7 ч. вечера—и за это они получают всего $1^1/_2$ франка, и просили уменьшить день до 13 часов и плату повысить до 1 фр. 80 сантимов.

Все было напрасно. 14 июня 1791 г., по докладу Ле-Шапелье, был принят суровый закон против забастовок и рабочих организаций: запрещены были всякие профессиональные организации, всякие собрания для защиты „так называемых“ общих интересов, прием властями каких бы то ни было коллективных заявлений и петиций, установлен штраф в 500 франков и лишение политических прав на год за участие в стачке, хотя бы и вполне мирной, запрещено допускать в благотворительные городские мастерские тех, кто где-либо участвовал в стачке, назначен штраф в 1.000 ливров и трехмесячное заключение в тюрьме за расклейку и распространение плакатов с угрозами предпринимателям или штрейкбрехерам; наконец, властям, в случае покушения стачечников на „свободу труда“ предоставлено право вводить немедленно военное положение и пускать в ход вооруженную силу. 16 июня, как мы уже говорили, закрыты были и благотворительные городские мастерские,

и десятки тысяч рабочих были выброшены на мостовую без куска хлеба [1]).

Почва для конфликта была, таким образом, совершенно подготовлена, когда 20 июня 1791 г. король со своим семейством сделал попытку бежать в армию генерала Булье, стоявшую на восточной границе, чтобы, опираясь на нее, вернуть себе власть и восстановить старый порядок. Известно, что он был задержан в Варенне и возвращен в Париж 22 июня.

Это создало для национального собрания, желавшего сохранить конституционную монархию, большие затруднения. Королевская семья оставлена была в Тюльерийском дворце, и к ней приставлена стража. Но собрание приняло эту меру временно—до утверждения королем конституции, которая заканчивалась выработкой. После утверждения королем конституции буржуазия, революционная правая, господствовавшая в национальном собрании, готова была восстановить короля на престоле, сохранить за ним ту неограниченную власть, какая ему давалась конституцией 1791 года.

Но демократы и республиканцы резко разошлись здесь с революционной правой: революционный центр и левая—клуб кордельеров и демократическая часть якобинского клуба—стали обсуждать положение. Выдвигались разные планы: одни требовали созыва конвента—нового учредительного собрания, демократически выбранного, другие настаивали на необходимости утверждения самим народом непосредственно всех законов. Дело кончилось соглашением: решено было, не настаивая на немедленном провозглашении республики, требовать, чтобы Людовик XVI, отрешенный временно или низложенный, был предан суду, и чтобы был учрежден временный исполнительный совет.

В этом смысле и повели свою агитацию революционные центр и левая. Агитация пала на подготовленную почву и дала плоды: 17 июля 1791 г. состоялась массовая манифестация народа на Марсовом поле для поддержки требований о суде и низложении Людовика XVI. Эта манифестация была расстреляна войсками и нацио-

---

[1]) *Тарле*, Рабочий класс во Фр. в эп. вел. рев., т. I.

нальной гвардией под руководством таких видных членов революционной правой, как Бальи и Лафайет [1]). Первый резкий конфликт между революционной правой, с одной стороны, и революционными левой и центром, с другой, стал фактом.

Левая и центр потерпели поражение и пошли на уступки, на компромисс с правой. Решено было после утверждения конституции Людовиком XVI в сентябре 1791 г. сохранить пока буржуазно-монархический режим

[1]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 163—187.

IV.

Революционный центр у власти.

При таких условиях состоялись выборы в установленное конституцией 1791 года законодательное собрание, которое и собралось 1 августа 1791 года.

В этом собрании окончательно сложились революционные партии и определилось их взаимоотношение. Революционная правая, крупнобуржуазная, конституционно-монархическая, оказалась в меньшинстве; она не имела и особо-талантливых вождей после того, как 2 апреля 1791 г. умер Мирабо, ее вождь в национальном учредительном собрании, давно сносившийся с двором и дававший ему советы, которых, впрочем, там почти не слушали; вождем правой был Барнав. Центру и левой принадлежало большинство. Центр — жирондисты и кордельеры — имел вождями Бриссо, Верньо, Иснара, Кондорсе, нового мэра Парижа Петиона, Демулена. Левая, якобинцы, возглавлялась Робеспьером и Дантоном, на крайней левой были якобинцы-социалисты во главе с Маратом.

В самом же начале своей деятельности законодательное собрание было поставлено лицом к лицу с двумя новыми серьезными фактами, характеризовавшими внутреннее и внешнее положение революционной Франции. Внутри начались контр-революционные движения в отсталых провинциях запада—в Кальвадосе и Вандее. Извне — пильницкая декларация императора Священной римской империи германской нации — наследственного владельца австрийских земель, прусского короля и брата Людовика XVI, графа д'Артуа. В особенности опасно было это явление в области внешней политики.

Уже после взятия Бастилии началась эмиграция старых дворян, оставшихся верными прошлому. Каждый новый успех революции усиливал и увеличивал эмигрантскую войну. Граф д'Артуа был главой дворян-эмигрантов, готовил из них особый легион и усиленно агитировал перед иностранными старорежимными правительствами за военное вмешательство, интервенцию с целью спасения старого порядка во Франции, так как его крушение грозило подобными же потрясениями во всей Европе. Результатом этих усилий и была пильницкая декларация 26 августа 1791 года; в ней Франции предъявлялись требования, чтобы королю была предоставлена возможность ехать, куда он хочет, и чтобы законодательное собрание было распущено; неисполнение этих требований грозило войной.

Тогда законодательное собрание конфисковало земли эмигрантов и обратилось к Людовику XVI с заявлением, чтобы он потребовал у иностранных правительств роспуска эмигрантского легиона и уважения к политической самостоятельности Франции. Король, который находился давно в тайных сношениях с эмигрантами, формально выполнил волю собрания.

Под влиянием внутренних и особенно внешних опасностей правая и центр революции сблизились сильнее, и в марте 1792 года Людовик XVI назначил министерство, представлявшее собою временную коалицию правой и центра, с преобладанием последнего. Это было министерство Ролана, в котором главную роль играло правое крыло жирондистов—самая умеренная из групп революционного центра.

Политика нового правительства соответствовала его составу, была более левой, чем политика старых министров Людовика XVI. Законодательное собрание приняло закон о гражданском устройстве церкви, т.-е. о выборности священников прихожанами, о присяге священников конституции и об освобождении французского духовенства от подчинения папе. Затем 20 апреля Франция объявила войну Австрии, но французские войска при вторжении в Бельгию, входившую в состав владений дома Габсбургов, потерпели поражение. Тогда собрание постановило устроить лагерь под Парижем из 20.000

провинциальных национальных гвардейцев для защиты столицы. Все эти постановления собрания были представлены на утверждение короля, и министерство Ролана настаивало перед Людовиком XVI на их утверждении. Тогда король 12 июня 1792 г. уволил министерство Ролана в отставку и наложил вето на гражданское устройство церкви и на постановление собрания о лагере в 20 тыс. человек. Король назначил министерство фельянов, революционной правой. Потом, впрочем, он уступил в вопросе об устройстве лагеря из провинциальной национальной гвардии, но было уже поздно: население Парижа и других городов поняло, что король окончательно занял враждебную позицию по отношению к делу революции. Не только якобинцы, но и жирондисты — Верньо, Бриссо—поставили вопрос о его низложении. Спасение Франции от внешней опасности было главным аргументом в пользу этого [1]).

Парижские секции, т.-е. районы города, главным образом предместья, под руководством Сантерра устроили 20 июня 1792 г. грандиозную манифестацию перед Тюльерийским дворцом.

Людовик XVI вышел к манифестантам, и ему надет был на голову, в знак торжества революции, фригийский колпак. Манифестация 20 июня была прелюдией к более грозным событиям, которые были облегчены и ускорены тем, что на национальный праздник 14 июля съехались так называемые „федераты“, представители провинциальных городов. Города во Франции тогда были решительно настроены в пользу республики, демократии и централизма, а департаменты, деревня отстаивали федерализм и были равнодушны к республике. Из городов в законодательное собрание поступал ряд петиций о низложении короля. Того же требовали от собрания парижские секции и даже назначили последний срок для этого—9 августа. Марсельцы прислали 500 человек вооруженных, которые привезли с собой в Париж новый революционный гимн, составленный Лекантом де-Лиллем—марсельезу. Законодательное собрание откладывало рассмотрение петиций и требований низло-

---

[1]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 218—234

жения короля. Не только правая, но и центр, в том числе такие люди, как Кондорсе, не решались на отмену монархии [1]).

На это решилась революционная левая — якобинцы. Главным организатором восстания стал Дантон. Он именно уговорил федератов остаться после 14 июля в Париже, чтобы придать больше авторитета своим участием парижскому движению, спаять воедино со столицей все французские города. Он же подготовил все подробности дня 10 августа 1792 г., когда Тюльерийский дворец был взят, и король со своей семьей бежал под защиту законодательного собрания.

Восстание 10 августа 1792 г. поставило у власти один только революционный центр, с исключением из правительства революционной правой, монархически настроенной, и с включением в его состав одного представителя революционной левой — Дантона. Составлен был исполнительный совет, во главе которого поставлен Дантон, а членами были жирондисты Монж, Лебрён, Грувель, Ролан, Серван, Клавьер. „Избрание Дантона произошло под влиянием двойного мотива: с одной стороны, законодательное собрание, вопреки которому совершилось восстание 10 августа, желало, избрав самого главного из вождей этого восстания, примириться с народной партией и обеспечить само себя от насилий со стороны этой партии; с другой стороны, этот выбор давал знать Франции и Европе, что все патриоты, как умеренные, так и передовые, вступили в союз против чужеземцев“ [2]). Был, впрочем, еще и третий мотив: Дантон был горячим сторонником единого республиканского революционного фронта, союза жирондистов и якобинцев, который, как он думал, единственный залог конечной победы революции. Это сразу же нашло себе выражение в правительственной системе того времени: исполнительная комиссия во главе с Дантоном самостоятельно и непосредственно ведала военные и дипломатические дела, по делам же внутреннего управления она действовала по соглашению с новой городской думой—коммуной,

---

[1]) Там же, стр. 234—259.
[2]) Там же, стр. 265.

составленной из председателей секций Парижа, причем в этой коммуне главное влияние принадлежало революционной левой—якобинцам, между которыми видную роль играл в коммуне Робеспьер [1]). Центр, таким образом, стоя у власти, делился ею с левой: сила левой давала себя чувствовать и знать.

Республиканское правительство провело в законодательном собрании всеобщее избирательное право, причем активное право принадлежало всем мужчинам с 21 года, пассивное всем мужчинам с 25-летнего возраста. На основании этого избирательного закона были объявлены выборы в новое учредительное собрание—национальный конвент. Королевское семейство было заключено в замок Тампль.

Чтобы понять дальнейший ход событий и сочетание революционных сил, необходимо представить себе внутреннее и внешнее положение Франции накануне того дня, когда собрался конвент—21 сентября 1792 года. Этот день надо считать предельным сроком властвования революционного центра: с него или вскоре после него начинается борьба центра с левой, результатом которой была победа левой.

Прежде всего надо учесть финансовое и экономическое положение.

Финансовое положение французской государственной кассы при законодательном собрании было, конечно, трудным, труднее несколько, чем раньше, при учредительном собрании: учредительное собрание в среднем в каждый месяц своего существования выпускало бумажных денег на 57 милл. ливров, а законодательное на 67 милл. [2]). Соответственно этому понижался курс ассигнаций, колеблясь под влиянием разных событий. Во время окончания работ учредительного собрания курс был 87; когда демократическое и республиканское большинство законодательного собрания определилось, курс упал до 79-ти; правда, в октябре 1792 г. он опять пошел вверх—до 82-х, но с декабря снова началось понижение и шло до марта, когда курс был 59; призыв к власти мини-

---

[1]) Там же, стр. 266—267.

[2]) *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 15—16.

стерства Ролана, т.-е. признак мира между королем и революцией, поднял курс ассигнаций в апреле 1792 г. до 68, но в конце апреля началась война и понизила курс до 58; однако, восстание 10 августа и выборы в конвент не понизили, а повысили курс—до 72-х [1]): исчезла неопределенность, возникла надежда на республику. Таким образом, общее падение ценности бумажных денег во время законодательного собрания составляло в худшем случае 42%, в конце же периода только 28%, считая с самого начала выпуска ассигнаций.

За то же время фабрикаты повысились в цене в той же приблизительно пропорции. Но цены на продукты сельского хозяйства возросли в то же время гораздо сильнее: хлеб вздорожал на 60%, яйца на 34% [2]). Это значит, что хозяйство ухудшалось само по себе, и что положение рабочих особенно ухудшилось, почему они и приняли участие в восстании 10 августа [3]), а положение крестьян несколько улучшилось, почему они и не волновались, а только жаловались, хотя феодальные повинности все еще фактически отменены не были и законодательное собрание также не мыслило их отмены без выкупа. Ухудшилось и положение всей городской мелкой буржуазии, которая поэтому также участвовала в восстании 10 августа и вообще поддерживала революционную левую.

Из всего этого видно, как росли силы левых: они увеличивались быстро, но главным образом среди городского населения. К тому же и крестьянство далеко не было удовлетворено. Революция не могла окончиться,—она должна была продолжаться и итти все с большим уклоном влево. Но особенно революционно настроены были городские массы, тем более, что война грозила им другой опасностью: с нею прекращался подвоз сырья—хлопка, красящих веществ, вроде индиго, железа и меди [4]). Понятно, что нужна была скорейшая победа и прекращение войны. Понятно, почему Робеспьер и Марат тре-

---

[1]) Там же, стр. 23.
[2]) *Фалькнер*, Бумажн. деньги фр. рев., стр. 70—71.
[3]) *Тарле*, Крест. и раб. во Фр. в эп. вел. рев., стр. 93.
[4]) Там же, стр. 94—95.

бовали диктатуры городов и особенно Парижа, а Бриссо, опиравшийся на провинцию, был против этой диктатуры [1]. И внутреннее восстание, и растущая нужда городской мелкой буржуазии и рабочих, а не одна только внешняя опасность, значение которой в данном случае преувеличивает Олар, склоняла чашку весов в сторону якобинцев, против жирондистов.

---

[1] *Олар*, Полит. ист. фр. рев., стр. 287.

V.

Республика и торжество якобинцев.

21 сентября 1792 года собрался национальный конвент, и на следующий день им провозглашена была республика во Франции.

С тех пор до 2 июня 1793 г. идет первый момент в истории республики—борьба якобинской левой с жирондистским центром, кончившаяся победой первой над последним. Необходимо проследить эту борьбу прежде всего постольку, поскольку она проявлялась в области экономической и финансовой политики.

Крестьянство становилось все более нетерпеливым, так как отмена феодальных повинностей задерживалась, и жирондисты, как и в законодательном собрании, настаивали на выкупе их и в эпоху конвента, тогда как лозунгом крестьянства стала окончательно отмена повинностей без выкупа. Крестьяне и мотивировали это требование революционно: они указывали в своих заявлениях в конвент, что их сеньеры в Кобленце,—главном центре заграничной эмиграции, которая возбудила европейскую коалицию против Франции [1]). К голосу крестьянства нельзя было не прислушаться, требования крестьян необходимо было исполнить, а между тем это готова была сделать только якобинская левая, жирондистский же центр медлил, бездействовал и настаивал на выкупе.

В 1793 г. цены на предметы первой необходимости выросли сравнительно с 1790 годом на $^2/_3$, а заработная плата повысилась только на половину [2]). К тому же

[1]) *Тарле*, Крест. и раб. во Фр. в эп. вел. рев., стр. 48.
[2]) *Фалькнер*, Бум. деньги фр. рев., стр. 139.

недостача сырья, едва намечавшаяся раньше, в конце 1792 г. и в начале 1793 г. обострилась до крайности и вызвала колоссальное усиление массовой безработицы [1]). Положение рабочих становилось отчаянным. Марат не даром выступал против продовольственных спекулянтов, агитировал за разгром лавок [2]). Парижская коммуна—якобинская по преобладающему составу—поддерживала цены на хлеб на уровне 3 су (15 сантимов) за 1 фунт, тратя на это 12 тыс. ливров из своей кассы ежедневно [3]). Якобинцы в конвенте требовали таксировки цен на предметы первой необходимости, жирондисты были против этого [4]). 30 апреля 1793 г. конвент по настоянию жирондистов отверг таксировку, и рабочие стали грозить восстанием. Эта угроза и настояния якобинцев заставили конвент 2 мая 1793 г. принять таксу на хлеб [5]). И здесь, значит, центр занимался неделанием, был неактивен, и все упования возлагались рабочей массой и городской мелкой буржуазией только на левую.

Финансы катились под гору с ускоряющейся быстротой. Конвент с 21 сентября 1792 г. до августа 1793 г. выпускал ассигнаций в среднем больше, чем на 180 милл. в месяц, почти втрое больше, чем законодательное собрание [6]). Курс до конца 1792 г. держался на уровне 72-х, но потом стал очень быстро падать: в январе, феврале и мае 1793 г. он дошел до 52-х—51-го, в апреле понизился до 43-х, а в июне упал небывало низко—до 36-ти [7]). Центр опять-таки ничего фактически не делал для уменьшения этого бедствия. Якобинцы 13 марта 1793 г. провели конфискацию земель всех, кто был осужден за преступления против республики [8]). Декрет 11—16 апреля запретил продажу металлических денег и частные сделки на металлическую валюту под страхом шестилетнего тюремного заключения [9]). Наконец, 20 мая

---

[1]) *Тарле*, Кр. и раб. в эп. вел. рев., стр. 94—95.
[2]) *Кунов*, Борьба классов и партий, стр. 464, 467.
[3]) *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 32.
[4]) *Фалькн р*, Бум. деньги фр. рев., стр. 117—118.
[5]) Там же, стр. 129—130.
[6]) *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 14.
[7]) Там же, стр. 23.
[8]) Там же, стр. 57.
[9]) Там же, стр. 48.

1793 г., также по настоянию якобинцев, по плану Камбана, был принят принудительный заем в 1 миллиард ливров, причем жирондисты упорно, хотя и бесплодно возражали против принудительного займа [1]). Пусть попытки и меры якобинцев были неудачны, они все-таки делали, что могли, для улучшения финансов,—жирондистский центр ничего не делал.

Внутри страны контр-революционное восстание и анархические движения усиливались. Извне война, которая сначала ознаменовалась большими успехами—победами революционной армии над европейской коалицией при Вальми и Жемаппе, завоеванием Бельгии генералом Дюмурье, занятием Савои и Ниццы, захватом Шпейера, Вормса и Майнца и присоединением к Франции всего левого берега Рейна,—принимала все более опасный оборот. И количество внешних врагов революции увеличивалось: в феврале 1793 г. к их числу присоединились Англия и Нидерланды, в марте Испания и Священная римская империя; в марте же Дюмурье потерпел поражение и после неудачной попытки монархической реставрации, которую он задумал, бежал в неприятельский лагерь. И внутреннее и внешнее положение требовало диктатуры и приостановки введения той демократической республиканской конституции с всеобщим избирательным правом и референдумом, которую вырабатывал конвент, и на немедленном проведении которой в жизнь настаивали жирондисты [2]).

При наличности всех этих данных становится совершенно ясным, что не только внешняя опасность, а и целый ряд внутренних вопросов первостепенной важности делал необходимым принятие тактики якобинцев: иначе Франции грозил полный развал и совершенная анархия.

И вот началась отчаянная борьба Жиронды с Горой, с монтаньярами-якобинцами, занимавшими верхние скамьи в конвенте и потому так названными. Противники схватились прежде всего на боевом вопросе о диктатуре, и жирондисты обрушились с обвинением в стремлении к

---

[1]) Там же, стр. 63; *Фалькнер,* Бум. д. фр. рев., стр. 103.
[2]) *Олар,* Пол. ист. фр. рев., стр. 370—372.

ней на Робеспьера и Марата. Те не отрицали своего убеждения в необходимости диктатуры, но отвергли личные мотивы и обезоружили нападавших. Позднее Марата предали суду за агитацию против спекулянтов и лавочников, но суд его оправдал, и парижские рабочие торжественно вернули его на его место в конвенте.

Вторая схватка произошла по поводу суда над королем. После восстания 10 августа в Тюльерийском дворце в потайном шкафу найдены были бумаги короля, которые обнаружили тайные сношения Людовика XVI с эмигрантами и европейскими старорежимными правительствами, ведшими войну с Францией. На этом основании якобинцы обвинили короля в измене отечеству и в контрреволюции. „Болото“, обывательски и буржуазно настроенные члены конвента стояло в этом вопросе на формальной точке зрения конституции 1791 г.: король не ответствен и судим быть не может. Жирондисты отрицали неответственность и неприкосновенность короля, требовали суда над ним, но не хотели его казни. Якобинцы признавали суд ненужным, формально неоправдываемым и вредным: они требовали просто истребления врага революции и республики. Сен-Жюст говорил по этому поводу: „нам следует не столько судить короля, сколько сразить его“; этим приговором „предстоит основать республику“; „господа“, восклицал Сен-Жюст, „если римский народ после 600 лет, в продолжение которых он отличался добродетелями и ненавистью к королям, если Великобритания, несмотря на всю энергию, после смерти Кромвеля увидели возрождение монархии, то чего же должны бояться у нас добрые граждане, друзья свободы, замечая, как в ваших руках дрожит топор, и как народ с первого дня своей свободы уважает воспоминание о своих оковах?“ Робеспьер выражался еще более ясно, определенно и категорически: „здесь нет и речи о процессе, Людовик—не подсудимый, и вы—не судьи; вы—государственные люди и ничем иным быть не можете; на вас лежит обязанность не постановить приговор за или против человека, но только принять меру общественной безопасности, исполнить акт национальной предусмотрительности; Людовик уже осужден, над ним уже произнесен приговор, или респу-

блика не оправдана“; конвент просто должен объявить Людовика XVI „изменником против французов, преступником против человечества“ и немедленно приговорить его к смерти. Однако, жирондисты настояли на суде конвента, и Людовик XVI единогласно был признан виновным в измене. Тогда жирондисты, желая избежать казни короля, предложили апеллировать к нации. Это было отвергнуто 424 голосами против 284-х, при 10-ти воздержавшихся. Затем 386 голосами из 721 голосовавших король был приговорен к смертной казни, которая и была совершена 21 января 1793 года [1]. Якобинцы опять победили.

Затем последовали частичные победы монтаньяров над жирондистами по экономическим и финансовым вопросам, о которых сказано выше. Но частичных побед было мало, нужна была победа полная, необходима была диктатура, так как росла внутренняя анархия и контрреволюция и усиливалась опасность извне. А между тем жирондисты готовили якобинцам удар из департаментов. Этот удар предотвратили парижская коммуна [2]) и Марат [3]), подняв парижские секции, главным образом рабочих, на жирондистов. 31 мая 1793 г. произошло первое движение парижан против жирондистов, 2 июня конвент снова был осажден, 29 жирондистов арестованы и потом казнены. В южных департаментах и Нормандии возникло федералистское движение, вдохновленное жирондистами, но оно было подавлено [4]). Первый момент в истории первой французской республики кончился: якобинская левая победила, встала у власти.

Первой крупной мерой этой власти был декрет 17 июля 1793 года об уничтожении без выкупа всех без исключения феодальных повинностей и о сожжении всех относящихся к ним документов. Крестьянство получило теперь свободную от повинностей землю в полную свою собственность. С точки зрения крестьянства революция была кончена, надо было только сохранить ее достижения.

---

[1]) *Минье*, Ист. фр. рев.
[2]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 529.
[3]) *Кунов*, Борьба клас. и парт., стр. 459.
[4]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 530—536.

Но если политика якобинского правительства удовлетворила крестьян как землевладельцев, сметя последние остатки былого крепостничества, то нельзя сказать, чтобы якобинцы всецело содействовали покупке все расширявшихся национальных имуществ крестьянством. Скорее жирондисты здесь стояли на стороне крестьян: в 1792 г., когда они еще не потеряли власти, был издан декрет, предписывавший продавать земли мелкими участками. Напротив, тогда, когда якобинцы стали приобретать перевес, 24 апреля 1793 г. появился декрет о преследовании крестьянских товариществ для покупки и потом дележа земли: их предписывалось „считать мошенническими и подвергать наказанию“ [1]). И этот декрет остался действующим во все время якобинской диктатуры.

Еще сильнее разошлись мероприятия якобинского правительства с интересами крестьян, как производителей хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Нам уже известно, что во время борьбы с жирондистами якобинцы добились таксировки хлебных цен. Это было только зародышем того, что развилось при якобинской диктатуре. Декретом 26 июля 1793 г. скупка предметов потребления с целью спекуляции каралась смертной казнью, причем скупкой считался всякий, хотя бы и небольшой запас, не пускаемый ежедневно и публично в продажу; за донос на нарушителей этого декрета доносчик получал треть имущества виновного после его казни, другая треть шла в пользу бедных и третья — государству. 19 августа 1793 г. установлены таксы на дрова, каменный уголь, растительное масло, 20-го на овес. 11 сентября запрещена продажа зерна и муки иначе, чем на открытых публичных рынках. Наконец, 29 сентября 1793 г. был издан общий декрет о максимуме, установивший таксы при продаже 39-ти видов разных товаров. В основу этого закона положены были не издержки производства, а цены 1790 года с повышением на $^1/_3$; из получавшейся таким образом цифры вычиталась сумма пошлин, собиравшихся в

---

[1]) *Лучицкий*, Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в.: „Рус. Бог.“ за 1912 г., № 4, стр. 57.

1790 г., но уже отмененных в 1793 г., и затем к получившемуся остатку прибавлялись 10% для розничных торговцев, 5% для оптовых и расходы на перевозку товара от места производства в место продажи. За нарушение этого закона и покупателю и продавцу грозил штраф в размере двойной стоимости товара и объявление обоих „подозрительными", что в 1793 г. влекло за собой тюрьму и ссылку, а в 1794 г. смертную казнь. Позднее—в ноябре 1793 г.—розничным торговцам было обещано возмещение убытков насчет государства, если они докажут, что они понесли убытки от максимума до такой степени, что имущество их сократилось до суммы ниже 10 тысяч ливров [1].

Это законодательство больно ударяло и по крестьянству, и вообще по производителям хлеба, и по промышленности, и по торговле. Характерен особенно этот уравнительный мелкобуржуазно-эгалитарный, заимствованный якобинцами у Руссо принцип сохранения лишь мелкой частной собственности—не свыше 10 тыс. ливров или франков, т. е. 3.700 руб. золотом, а по курсу того времени и того меньше—не больше 1.300 руб. Закон о минимуме явился, таким образом, в руках якобинцев средством для достижения двух целей: понижения цен и уравнения имуществ.

Обе цели достигнуты не были. Уравнение имуществ при сохранении частной собственности цель вообще утопичная, недостижимая, подрывающая устои капиталистического, собственнического хозяйства. Понижение цен недостижимо при помощи такс: последние могут быть полезны только против злостной спекуляции, как подсобное средство к более коренным мерам.

Последствия не заставили себя ждать: невыгодность продажи товаров по таксе повела к их исчезновению с открытого рынка, к массе незаконных, скрытых сделок по повышенным, спекулятивным ценам, к насильным реквизициям хлеба у крестьян и других товаров у их производителей, а отсюда к сокращению производства

---

[1] *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours, том I, стр. 177 и сл.; *Тарле*, Раб. класс во Фр. в эпоху вел. рев., т. II; *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 33—34; *Фалькнер*, Бум. деньги фр. рев., стр. 133, 140.

и бестоварью. Тогда установлен был один сорт хлеба— „хлеб равенства“, введены были пайки и выдача их по карточкам, причем норма хлебного пайка в Париже в 1793 г. дошла до $^1/_6$ фунта [1]). Наступил форменный голод, общее обнищание.

Положение рабочих ухудшалось еще и потому, что фабрики закрывались из-за недостатка сырья и невозможности продавать фабричные изделия в убыток по таксе, да к тому же таксирована была низко и заработная плата рабочих. Наконец, правительство беспощадно реквизировало рабочую силу, насильно заставляло рабочих нести труд в той или другой отрасли, особенно в сельском хозяйстве, впроголодь, за голодную плату [2]).

Но если экономическая политика якобинцев и потерпела под конец их диктатуры несомненную неудачу, то все же факт активности правительства в данной сфере, его попытка найти какой-нибудь выход из положения имел временно известное значение, внушал некоторые надежды, тем более, что, несмотря на тяжесть не только экономического, но и финансового положения, полное крушение финансовой системы еще не наступило. Правда, конвент перестал открыто декретировать новые выпуски ассигнаций, дело это стало совершаться не в законодательном порядке, а в порядке обычного управления, но за всем тем новые выпуски ассигнаций с августа 1793 г. до 1 января 1795 года были лишь немногим интенсивнее, чем при законодательном собрании: тогда в месяц их в среднем выпускалось на 180 милл., теперь на 203 (на 13% больше) [3]). Понятно, что курс их падал, но пока еще не катастрофически. Правда, тотчас после победы якобинцев над жирондистами и под влиянием внешних опасностей и внутренних смут он понизился в июле 1793 г. сравнительно с июнем с 36-ти до 23-х и в августе до 22-х, но это было временное и не характерное для эпохи понижение. Далее курс стал повышаться под влиянием побед: якобинская диктатура организовала и воодушевила революционную армию и

---

[1]) *Фалькнер*, Бум. деньги фр. рев., стр. 150—164.
[2]) *Тарле*, Раб. класс во Фр. в эп. вел. рев., т. II.
[3]) *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 14.

подавила восстания. В декабре 1793 г. курс дошел до 48, потом стал спускаться, но типичной осталась цифра 34, бывшая в июле 1794 г., в месяц падения Робеспьера [1]). 34 очень мало отличается от 36-ти, июньской цифры 1793 г.

Некоторую, правда небольшую, поддержку оказал финансам якобинской диктатуры принудительный заем, проведенный якобинцами принципиально еще 20 мая 1793 г. и окончательно определенный во всех подробностях в сентябре. Этот заем фактически оказался безвозвратным, т.-е. превратился в чрезвычайный подоходный единовременный налог и должен был взиматься на основании заявлений плательщиков о их доходе, проверяемых особыми коммунальными комиссарами, причем доходы в 1.000 ливров в год и ниже совсем не облагались, вторая тысяча облагалась 10% третья 20-ю и т. д., десятая 90%, а одиннадцатая и последующие тысячи дохода целиком уплачивались в казну. Надеялись таким путем собрать 1 миллиард, но собрали только 200 миллионов [2]). Характерно и тут стремление к уравнительности в духе Руссо: доходы свыше 10-ти тысяч все аннулируются, отчуждаются у собственников в пользу государства.

Мы не будем останавливаться на внешних победах и на подавлении контр-революционных и анархических движений внутри страны, так как выше было уже на это указано. Остановимся на административной деятельности якобинцев и на борьбе их налево и направо в самой революционной среде.

6 апреля 1793 г. на смену исполнительного комитета 10 августа 1792 г., состоявшего из жирондистов во главе с Дантоном, конвентом учрежден был комитет общественного спасения, бывший в действительности министерством Дантона, правых якобинцев. „Неудача дипломатических планов 1-го комитета общественного спасения, неуспех его нерешительной политики по отношению к инсургентам - федералистам и его неуспешные военные действия против вандейцев привели к его па-

---

[1]) Там же, стр. 23.

[2]) Там же, стр. 64; *Фалькнер*, Бум. д. фр. рев., стр. 107.

дению“ [1]). 10 июля 1793 г. первый комитет был сменен вторым: это—министерство Робеспьера. Комитет общественного спасения Робеспьера и Сен-Жюста вел все правительственные дела и только в делах полиции делил власть с комитетом общественной безопасности. Его агентами в провинции, на местах были комиссары конвента, игравшие ту же роль, что интенданты старого порядка и префекты Наполеона I: они уничтожили крайности децентрализации, введенные конституцией 1791 г. Рабочие, крестьяне, республиканская буржуазия видели в комиссарах конвента „защитников против крайностей местных революционных комитетов и различных местных тиранний“, а также и против анархии. Комиссары действовали, опираясь на местные коммуны, революционные комитеты и якобинские клубы. Суд ведали революционные трибуналы [2]).

Революционной левой, находившейся у власти после ее торжества над жирондистским центром, пришлось столкнуться с крайней левой, социалистически настроенной, опиравшейся на коммуну и имевшей своими вождями, после убийства Марата Шарлоттой Корде 13 июля 1793 г., Гебера и Шомета. Как и Марат, Гебер и Шомет были социалистами, последователями Морелли. Они требовали логического завершения системы уравнительного хозяйства,—уничтожения частной собственности на средства производства, общественного хозяйства и государственного снабжения [3]). Сверх того они были атеистами и провели в конвенте религию Разума. Робеспьер решительным образом высказался против них и против коммуны в своей речи 5 декабря 1793 года: коммуну он обвинял в том, что она фактически действует вместе с реакционерами внутренними и внешними. Проведя в конвенте гражданскую религию Руссо с признанием верховного существа, Робеспьер обрушился и налево и направо в своем выступлении с трибуны: „необходимо“, говорил он, „подавить внутренних и внешних

---

[1]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 402—404.
[2]) Там же, стр. 405—439.
[3]) *Кунов*, Борьба классов и партий. стр. 472—493; *Олар*, Полит. ист. фр. рев., стр. 307.

врагов республики или погибнуть вместе с ней. При таком положении дел первым принципом вашей политики должно быть управление народом посредством разума, а врагами народа посредством ужаса, террора. Революционное правительство есть деспотизм свободы против тирании". По предложению Сен-Жюста комитету общественного спасения была дана полная власть над заговорщиками [1]).

Ответом на все это было восстание парижских рабочих и коммуны под руководством Гебера и Шомета. Оно было без труда подавлено. Гебер, Шомет и другие были казнены, но с тех пор между якобинской левой и крайней левой легла бездна, и рабочие пальцем не шевельнули в защиту Робеспьера 8 и 9 термидора.

Тогда наступила очередь правых якобинцев — Дантона и кордельера—Демулена. Робеспьер вызвал и их на эшафот, чтобы последовательно проводить свою уравнительную и террористическую мелкобуржуазно-революционную политику. Торжественный праздник в честь высшего существа, возглавлявшийся Робеспьером, выбранным на день его председателем конвента, знаменовал собою торжество якобинской революционной левой.

---

[1]) *Минье*, Ист. фр. рев.

VI.

Термидор и директория.

Почему произошел переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.)? Иначе: что погубило Робеспьера и якобинскую левую французской революции? Это один из основных вопросов истории революции.

Олар отвечает на него так: „победы французской армии доказали бесполезность и ненужность террора и тем погубили Робеспьера“ [1]). Это объяснение стоит у него в связи с его общим объяснением происхождения победы якобинцев: он видит причину якобинской диктатуры в войне, в интервенции Европы.

Нет сомнения, что эта интервенция облегчила победу якобинцам и поддерживала их власть, была одной из важнейших причин их диктатуры. Но то была не единственная ее причина. Были и другие, не менее важные: необходимость устранить внутреннее контр-революционное движение, предотвратить полную анархию и развал, удовлетворить крестьянское требование отмены феодальных повинностей без выкупа, помочь нужде рабочих и городской мелкобуржуазной массы таксами и регулированием обмена и снабжения. Поэтому и объяснение причины падения Робеспьера, предлагаемое Оларом, слишком узко и потому неверно.

Из того, что сейчас нами сказано, видно, что у якобинской диктатуры был ряд задач, настоятельно требовавших решения. Некоторые из этих задач ею были разрешены вполне успешно. Сюда относились отражение иностранного вторжения и вообще ликвидация ин-

---

[1]) *Олар*, Полит. ист. фр. рев., стр. 598.

тервенции, усмирение контр-революционных восстаний, удовлетворение требований крестьян по части феодальных повинностей. Мало того: мы видели, что якобинцы за время своего правления не ухудшили и финансового положения страны, почти не уронили курса ассигнаций. И причина тут заключалась вовсе не в драконовских, их мерах или по крайней мере не только в драконовских мерах, как думают некоторые исследователи [1]), а в том, что они повели такую экономическую политику, которая укрепляла бумажное денежное обращение.

В самом деле. Вот что нам говорит теория политической экономии: „чем многостороннее и сильнее экономическое влияние государства на частные 'хозяйства путем развитой налоговой системы, в виде вмешательства и регулирования разных областей хозяйственной жизни, или вследствие перехода в руки государства отдельных отраслей торговли и промышленности, находившихся ранее в руках частных предприятий, тем более значительная роль принадлежит платежной функции денег сравнительно с меновой их функцией, тем шире возможность государственного денежного творчества“ [2]), т.-е. системы неразменного на золотую или серебряную валюту бумажного денежного обращения.

Деятели якобинской диктатуры, конечно, этого теоретического положения не знали и сознательно им не руководствовались и не могли руководствоваться. Они хотели помочь нужде городских масс и вступили, как мы видели выше, бессознательно на путь развития налоговой системы посредством введения единовременного чрезвычайного прогрессивно-подоходного налога, в который фактически превратился принудительный заем, ими проведенный в конвенте, а также путем вмешательства и регулирования обмена и потребления, введением такс, карточек, пайков и проч. Этим они укрепляли, поддерживали бумажно-денежное обращение, не давали окончательно погибнуть финансам государства.

И когда якобинская крайняя левая, социалисты-гебертисты, требовали дальнейшего развития государствен-

---

[1]) *Смирнов*, Кризис ден. сист. фр. рев., стр. 24, 32, 56.

[2]) Там же, стр. 131—132.

ного вмешательства в хозяйство—государственного снабжения потребителей и государственного производства, то и они бессознательно шли по той же дороге укрепления бумажного денежного обращения и продолжения того режима, который был установлен якобинцами, доведения его до логического конца. Робеспьер и его единомышленники не могли пойти по этому пути, потому что это значило для них отказаться от своей мелкобуржуазной классовой природы, от принципа уравнительности, при сохранении частной собственности. Отсюда произошел их разрыв с рабочей крайней левой, и это было одной из ближайших, частичных причин их крушения.

Но именно только одной из ближайших, частичных, непосредственных причин. Основная причина лежала глубже.

В самом деле. Допустим сначала невозможное, — что Робеспьер пошел бы по пути гебертистов, и во Франции конца XVIII в. был бы совершен социалистический эксперимент. К чему бы это повело?

Это, вероятнее всего, продлило бы на некоторое недолгое время существование якобинского режима, усилив террор до чрезвычайности, но и укрепив временно бумажно-денежную систему. Но ни один последователь научного социализма в наше время, конечно, не сочтет осуществимым социализм во Франции конца XVIII в., почти еще не знавшей производственного капитализма со всеми его необходимыми социализирующими последствиями и находившейся притом, если исключить Англию, в старорежимном международном окружении, социалистически уже совершенно безнадежном. Очевидно, следование якобинцев по гебертистским путям повело бы в конечном результате к крушению вследствие утопизма социалистической экономической политики в то время.

Робеспьер и его друзья не пошли по этому пути, отбросили от себя рабочих, этим себя ослабили и ускорили и облегчили свою гибель. Но все-таки их гибель произошла не поэтому главным образом, в основе своей, а от утопизма их экономической политики мелкобуржуазной хозяйственной уравнительности при сохранении частной собственности на средства производства. Ведь

именно отсюда вытекли и таксировка, и пайки, и нормы обложения, и террор. Если якобинцы хотели удержаться у власти после выполнения ими всех других объективно стоявших перед ними задач (отражения внешней и внутренней контр-революции, отмены без выкупа феодальных повинностей), то они должны были усвоить новую экономическую политику предоставления свободной игры внутренним экономическим, т.-е. капиталистическим, силам, ликвидации бумажного обращения, а в связи с этим и отказа от террора. Якобинцы не оказались для этого достаточно гибкими и погибли. Конечная, основная, главная причина их гибели — непреклонный, несгибаемый утопизм их экономической политики.

Но и этот утопизм был неизбежен и объективно-необходим для развития и завершения революции. Это видно из всех частностей положения и в особенности подчеркивается объективной необходимостью бумажно-денежной системы того времени, историческая, революционная роль которой была кончена с падением революции, — дальше, позднее началась уже ее ликвидация, пошло ее падение, как начались ликвидация и падение всей революции вообще. А большое революционное значение бумажных денег в эпоху революции не подлежит сомнению. Оно выяснено современными теоретиками-финансистами и было ясно уже некоторым проницательным финансистам-практикам, современникам и деятелям революции. Благодаря бумажным деньгам французская революционная государственность приобрела крупнейшие средства, простиравшиеся до 3-х миллиардов 200 миллионов ливров в металлических деньгах, и потому верно говорил министр финансов директории Рамель 1 февраля 1797 г., что „ассигнации сделали революцию; они привели к уничтожению сословий и привилегий; они опрокинули трон и создали республику; они вооружили и снабдили эти грозные колонны, которые пронесли трехцветное знамя за Альпы и Пиренеи; им мы обязаны нашей свободой“ [1]).

---

[1]) *И. Кауфман*, Неразменные банкноты в Англии, Петр., 2-е изд. стр. XIV—XVI; *Stourm*, Les finances de l'ancien régime et de la revolution, P. 1885, т. II, стр. 84; *Смирнов*, Кризис денеж. сист. фр. рев. стр. 142.

Итак, утопизм экономической системы якобинцев был основной причиной термидора. Производными от этой основной причины явились причины ближайшие, частичные, непосредственные: невозможность исправить хозяйство, поставить его на здоровый путь развития, падение производства, продолжавшаяся и обострявшаяся нужда, разрыв с рабочей крайней левой, недовольство террором, реквизициями и таксами в среде крестьян и буржуазии, внутреннее разделение самих якобинцев и союз их части с обломками жирондистов и „болотом" конвента для ниспровержения диктатуры Робеспьера.

После 9 термидора началась новая, буржуазно-капиталистическая экономическая и финансовая политика французской революции, началась экономическая реакция в том условном смысле, в каком следует понимать этот термин, — не в смысле возврата назад, а в смысле нового органического строительства, взаимного приспособления достижений революции и жизнеспособных, годных к переработке и перерождению элементов старого строя. Конечно, все это произошло не сразу, с большим трудом, с огромными трениями, с частичными возвратами назад, — и не в одной только хозяйственной сфере. Последние времена конвента и эпоха директории—с 9 термидора—27 июля 1794 г., до 18 брюмера—9 ноября 1799 г.—представляют собою только первый момент этого в высшей степени важного и чрезвычайно интересного органического процесса.

Этот первый момент начался попыткой продолжить старую политику без ее крайностей и без террора: 9 ноября 1794 г. конвент повысил максимум на $^3/_4$ сравнительно с ценами 1790 года [1]). Это, однако, не помогло беде, не вывело из затруднений торговлю и не улучшило положение потребителей, так что пришлось приступить к ликвидации старой политики таксировки, и 24 декабря 1794 г. максимум был совершенно отменен [2]). Торговля стала выходить на новый путь, становиться на ноги, тем более, что в 1795 г. открыта была биржа. Но страшно стали падать ассигнации, потому что

---

[1]) *Смирнов*, стр. 33; *Фалькнер*, стр. 139.
[2]) *Смирнов*, стр. 34; *Фалькнер*, стр. 139.

ослабело влияние правительства на частное и народное хозяйство, и вследствие этого пришлось сильно увеличивать эмиссию бумажных денег, что еще усилило падение их курса и до чрезвычайности подняло дороговизну. К 1795 году сравнительно с 1790 г. хлеб вздорожал в 112½ раз, вино в 30 раз, дрова в 25—30 раз, сукно в 17 раз [1]). Положение потребителей, в особенности рабочих и служащих, стало совершенно невыносимым. Правительство усилило натуральные пайки служащим, стало собирать поземельный налог натурой, зерном [2]). Невыносимое положение рабочих, ухудшившееся сильно сравнительно с временами якобинской диктатуры, вызвало их восстание в Париже, в Сент-Антуанском предместье: это так называемое прериальское восстание. Оно было подавлено вооруженной силой и повело к ликвидации остатков монтаньяров и к новой конституции [3]). И после термидора конвент не восстановил действия демократической конституции, принятой 24 июля 1793 г., но отложенной применением. Конвент сохранил в своих руках власть и учредил для исполнительных функций ряд комитетов, сократив полновластие комитета общественного спасения и оставив ему только дела военные и дипломатические. Парижская коммуна потеряла свою диктатуру. Революционный трибунал был уничтожен. Восстановлена свобода печати и, наконец, в 1795 г. была принята так называемая конституция III года республики, по которой исполнительная власть была передана директории из пяти человек, а для законодательной созданы две палаты — совет пятисот, члены которого должны иметь не меньше 30 лет, и совет старейшин с минимальным возрастным цензом в 40 лет. Избирательное право было цензовое и двухстепенное: избирателями на первой ступени были все плательщики налогов, но на второй ступени выборщиками могли быть только зажиточные буржуа, владельцы имущества, равного цене 200 рабочих дней, или наниматели жилищ, имевшие доход, равный заработной плате за 150 дней. Цен-

---

[1]) *Фалькнер*, Бум. деньги фр. рев., стр. 198.
[2]) Там же, стр. 205; *Смирнов*, Кризис ден. сист., стр. 35, 41.
[3]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 637, 662.

трализация стала развиваться при директории весьма быстро [1]).

Важнейшие меры директории в процессе развития буржуазно-капиталистической экономической и финансовой политики сводятся главным образом к уничтожению бумажного денежного обращения и к устройству новой налоговой системы в ее элементах. Курс ассигнаций катастрофически падал и дошел в марте 1796 года до 0,36 [2]); это значит, что 1 франк золотом равнялся 360 тысячам франков бумажками. Правительство директории сначала пыталось было поддержать, повысить курс ассигнаций и законом 23 декабря 1795 г. хотело ограничить их выпуск 40 миллиардами [3]). Но это не удалось: во-первых, на деле их было выпущено свыше 45 миллиардов [4]), а, во-вторых, уже 18 марта 1796 г. выпущены были новые бумажные деньги, так называемые территориальные мандаты, обеспеченные тоже национальными имуществами, только продаваемые без торгов, т.-е. скорее [5]). Однако, и территориальные мандаты разделили участь ассигнаций: к концу 1796 г. их курс упал до 2,49 за 100 ливров [6]). Поэтому 4 февраля 1797 г. аннулированы были территориальные мандаты, а 10 февраля и ассигнации [7]).

Ликвидация бумажных денег не особенно болезненно отразилась на народном хозяйстве революционной Франции: убытки были, но они были сравнительно невелики, так как курс бумажек был очень низок, и сделки давно совершались в металлической валюте. Но для финансов, для государственной казны было нелегко перейти к налоговой системе от бумажных денег, составлявших главный источник, из которого покрывались государственные расходы. Правда, кое-что давали контрибуции, собиравшиеся в побежденных странах республиканскими генералами, в особенности Бонапартом, но этого было

---

1) Там же, стр. 610—733.
2) *Смирнов*, Кризис ден. сист., стр. 23.
3) Там же, стр. 76.
4) Там же, стр. 14.
5) Там же, стр. 78—79.
6) Там же, стр. 23.
7) Там же, стр. 92—93.

мало. Приходилось строить новую податную систему, вводить новые налоги и восстановлять некоторые старые. И это директория делала. Но и того было мало. Поэтому директория прибегала и к экстренным мерам. Таковы были два принудительных займа—один 10 декабря 1795 г., давший 300 милл. ливров в металлической валюте, другой 28 июля 1799 г. в 100 миллионов, превращенный после 18 брюмера в единовременный сбор, равный четверти оклада существовавших тогда прямых налогов [1]). Наконец, 30 октября 1797 г. произведено было государственное банкротство: государственные долги были сокращены на две трети, причем и последняя треть уплачена была впоследствии установленными специально бонами [2]). При всем том финансовые затруднения долго еще давали себя знать, но они имели уже обычный для буржуазно-капиталистического общества тип и даже содействовали развитию капитализма, давая дополнительный материал для кредита и биржевой спекуляции.

Развитие капиталистического хозяйства, особенно в той элементарно-хищнической, грубой форме, которую оно приняло в эпоху директории, больно ударяло по пролетариату и той части интеллигенции, которая жила собственным трудом, была наиболее демократической. Отсюда вышел социалистический заговор Бабёфа.

Франсуа-Ноель Бабёф родился в 1760 г. в типической мелкобуржуазной семье, бедной, давшей ему очень скромное образование. Он служил мелким провинциальным чиновником, женился по любви и может быть скромно прожил бы в провинции до конца жизни, оставаясь честным служакой, если бы не революция. Революция заразила его политикой, заставила заняться вопросами общественной жизни, втянуться в борьбу партий. Он написал и издал два сочинения: в 1789 году „Постоянный кадастр“, в 1791 г. о проблеме народонаселения в связи с экономической политикой. Характерен этот интерес, уклон Бабёфа к экономическим вопросам. Но он не выжил в провинции,—его потянуло в столицу, когда революция стала развиваться. В эпоху конвента и

[1]) Там же, стр. 113, 66, 69, 114.

[2]) Там же, стр. 120—125; *Фалькнер*, стр. 262—263.

диктатуры Робеспьера Бабёф приехал в Париж и, проникнутый якобинским энтузиазмом, стал в 1794 году издавать газету под названием „Журнал Свободы Печати“. Но газета не имела успеха, сам Бабёф не был в первых рядах якобинской партии, и потому, когда 9 термидора пал Робеспьер, его оставили в покое вместе со многими рядовыми якобинцами. Однако, в феврале 1795 года Бабёф был арестован и просидел в тюрьме семь месяцев. Арестован он был, однако, не по какому-либо конкретному определенному обвинению, а просто по политическим соображениям, как человек подозрительный: тогда уже многие якобинцы попали в разряд подозрительных. Еще до тюрьмы Бабёф, повидимому, прочитал „Кодекс природы“ Морелли, который он приписывал Дидро, и его якобинизм стал принимать коммунистический характер: идея диктатуры сочеталась в его голове с коммунистическими идеалами. Тюремный досуг дал ему время и возможность обдумать и выработать план революционной организации, „заговора равных“, для осуществления коммунистического переворота и найти единомышленников. Выйдя из тюрьмы, Бабёф в ноябре 1795 года возобновил издание газеты под названием „Народный Трибун“ и выпускал ее до своего ареста. В то же время Бабёф и его единомышленники занялись деятельной организаторской работой, установили связи в рабочих кварталах Парижа и в армии, разбили Париж на районы с революционным центром в каждом, вообще проявили большую организаторскую энергию и значительные способности в этом направлении. Технически заговор был подготовлен так хорошо, как только можно было по условиям времени. Готовы были уже и воззвания и проекты законодательных актов нового правительства. Но нашелся предатель, который донес правительству директории о заговоре, открыл все его нити, и 16 мая 1796 года заговорщики были арестованы. Они провели в тюрьме год, Бабёф и Дарте были приговорены к смертной казни, пытались кончить жизнь самоубийством, заколоть себя кинжалами, но кинжалы сломались; они были потом казнены, а семеро других руководителей заговора были отправлены на каторгу. Из тюрьмы Бабёф писал письма жене, до нас дошед-

шие,—необыкновенно нежные, чистые, полные веры и энтузиазма. По характеру своему Бабёф был чистый энтузиаст, для которого моральные и общественные задачи были всем. По обычаю того времени он назвал себя именем одного из героев древности,—он выбрал имя Гракха, ошибочно считая Гракхов коммунистами. Но по личному характеру он действительно напоминал Гракхов.

Бабёф мало дал нового в теории социализма: здесь он сильно зависел от Морелли, через посредство которого приобщился к коммунистическим идеям в их первоначальной формулировке. В этом отношении замечателен только демократизм Бабёфа: он выдвинул особенно принцип равенства: „равные“—это было название бабувистов. Но Бабёф был вполне оригинален в критике существующего строя, во многом сойдясь здесь с Мелье, „Завещания“ которого он не знал. Кроме того, особенно замечательны и новы были его взгляды на методы и тактику установления социализма. Бабёф был интеллигент - пролетарий в большей мере, чем кто-либо из его предшественников в истории социализма, и этим главным образом, а также и революционной атмосферой времени, надо объяснить и критику его и его положительные тактические предложения.

Критика существующего строя у Бабёфа в некоторых отношениях даже глубже критики его у Мелье. Бабёф видит четыре черты в этом строе: во-первых, в производстве эксплоатацию трудящихся путем наемного труда, во-вторых, крайнее неравенство распределения, дающее горы золота ограниченному числу лиц, в третьих, классовый строй, классовые противоположности и классовую борьбу, хотя у Бабёфа все эти понятия иногда и смешиваются с делением на богатых и бедных, в четвертых, зависимость правительства от господствующих, имущих классов, классовый характер государства, хотя и тут Бабёф иногда сбивается на более умеренную формулу о правительстве как союзнике господствующих классов. Основную причину всех этих особенностей существующего строя Бабёф справедливо видит в праве частной собственности на землю и средства производства. С их обобществлением, по Бабёфу, исчезают все четыре черты существующего строя, и утверждается

равенство. Тактические пути и средства, рекомендуемые Бабёфом, хотевшим и непосредственно их применить,— это захват власти комитетом восстания—„секретным комитетом общественного спасения“. Этому комитету и вообще избранному, сознательному, активному меньшинству должна принадлежать диктатура, исключающая всеобщее избирательное право, так как народ не созрел для социализма и нуждается в воспитании в новом социалистическом духе. В особенности необходимо воспитание молодежи. А пока эта цель не достигнута, коммунистическая община—лишь передовая часть народа. Занимаясь воспитанием народа и особенно молодежи, это передовое меньшинство должно уничтожить право наследования, и тогда постепенно социализм водворится сам собою, механически, мало-по-малу национализируются все средства производства и все имущества [1]).

С уничтожением заговора Бабёфа опасность слева была окончательно устранена для правительства директории. Но правящей буржуазии начала грозить опасность справа—со стороны роялистов. Начались мелкие роялистские мятежи, которые, впрочем, были легко подавлены. Но во время выборов V года республики контр-революционеры и реакционеры всех мастей и оттенков объединились, и большинство в законодательных органах, пестрое, но направленное против директории и республики, оказались на их стороне. Советы пятисот и старейшин отменили поэтому законы о гражданской присяге духовенства. Тогда директория произвела государственный переворот 18 фруктидора V года республики: были арестованы выдающиеся депутаты большинства, обвинены вместе с генералом Пишегрю в роялистском заговоре, 65 человек сосланы, кассированы выборы в 49 департаментах. После этого директория преследовала неприсягнувших священников. Переворот 18 фруктидора был результатом коалиции республиканцев - буржуа с остатками республиканцев-демократов. Но на новых выборах победу одержали республиканцы-демократы. Тогда директория не задумалась снова кассировать выборы в ряде департаментов [2]).

---

[1]) *Advielle*, Babeuf; *Давилль*, История заговора равных.
[2]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 766—823.

Директория была правительством новой буржуазии грубо-хищнического накопления. Она выполнила свою задачу, дала этой буржуазии опериться. Но, с одной стороны, этим накопленным капиталам надо было дать производительное назначение, приложить их к промышленности и дать этой промышленности рынки, с другой, необходимо было обезопасить достижения революции, особенно приобретения крестьянства, от покушений контр-революции. Ту и другую объективно-необходимую задачу взял на себя решить генерал Бонапарт. Он и произвел переворот 18 брюмера—9 ноября 1799 года. Ближайшим поводом, создавшим удачу переворота, были победы Суворова над войсками республики в Италии: они показали, что директория не может более оставаться у власти. Они и были удалены единственной организованной активной силой, остававшейся в стране, — армией.

VII.

Консульство и империя.

Для всех ясно было, конечно, и не подлежало сомнению, что первое и главное приобретение крестьянства, сделанное им в эпоху якобинской диктатуры—отмена феодальных повинностей без выкупа—прочно и неотъемлемо. Но было у крестьянства еще другое приобретение,—оно покупало национальные имущества. И грядущие судьбы этого приобретения оставались пока темными. Реставрация Бурбонов грозила его потерей.

Количество национальных имуществ великой французской революции до сих пор не определено точно. По самому умеренному расчету ценность их простиралась до $5^1/_2$ миллиардов ливров, из которых 3 миллиарда приходилось на старый королевский домэн, церковные и монастырские земли, и в $2^1/_2$ миллиарда оценивались конфискованные земли дворян-эмигрантов [1]). Бо́льшая часть этих земель, почти все они были распроданы, когда революция кончилась. Конечно, значительная часть их попала не в руки крестьянства, а в руки городской буржуазии. Есть исследователи, которые думают, что фактически от продажи национальных имуществ выиграла именно только буржуазия [2]). Это, однако, неверно. Правда, и при директории, как и при конвенте, буржуазия имела преимущества по приобретению земель: в этом смысле для нее, напр., выгодна была произведен-

---

[1]) *Stourm*, Les finances de l'ancien regims et de la révolution, II, стр. 443—462.

[1]) *Marion*, La vente des biens nationaux, P. 1908, стр. 86—87.

ная директорией передача продажи земли из рук директорий дистриктов в руки директорий департаментов [1]). Но многие безземельные купили землю. Покупали национальные имущества и некоторые богатые и зажиточные крестьяне, превращавшиеся при этом в сельскохозяйственных буржуа-предпринимателей, сосредоточившие в своем владении по 200, 800, 1.000 арпанов. В общем горожане покупали земли по преимуществу в местностях, близких к городам, в пригородных дистриктах. Только буржуазия крупных городов имела более широкий приобретательский размах, распространяла свои покупки иногда даже на соседние департаменты. В уездных дистриктах, вдали от городов, национальные имущества скупались по преимуществу крестьянством. И везде—и при буржуазных и при крестьянских покупках—уничтожались старые, огромные имения в несколько тысяч гектаров, естественные в средние века и при торговом капитализме, крепостнически эксплоатировавшиеся раньше, а теперь раздробившиеся для ведения нового, капиталистически-производственного хозяйства [2]).

И горожане и крестьяне, купившие эту королевскую, церковную, монастырскую и дворянскую землю, горячо желали сохранить свои покупки. Бонапарт, будучи первым консулом и потом императором, гарантировал им это сохранение и тем способствовал развитию нового производственно-капиталистического сельского хозяйства. Это было первой чертой хозяйственного быта времен консульства и империи и вместе первой экономической опорой власти первого консула и императора.

Второй чертой и опорой являлось развитие фабричной промышленности в собственном, капиталистическом смысле этого слова и в отношении форм производства и в смысле его техники. Именно при консульстве и особенно при империи развивается наемный труд в фабричных предприятиях и вводится машинная техника. Особенно замечательны изобретения льнопрядильной машины Жирара и ткацкого станка Жаккара для выделки узор-

---

[1]) *Лучицкий*, Отчужд. нац. имущ.: „Рус. Бог.“ за 1912, № 4 стр. 58.

[2]) Там же, стр. 59—78.

чатых тканей. И все меры принимаются Наполеоном для покровительства этой новой промышленности. Он сам говорил: „государство не может быть сильным без сильной промышленности, а для этого необходим протекционизм“. Он поддерживал и новые предприятия, и промышленность старой Франции, перестраивавшуюся на новые основания. Он давал субсидии, обеспечивал казенные заказы фабрикам, устанавливал запретительные пошлины, всячески добивался монополии французской промышленности на материке, боролся с ее конкуренткой—Англией. Органами этой экономической политики при Наполеоне были торговые палаты и главный торговый совет, состоявший из представителей от торговых палат—по два от каждой по назначению императора. Кроме того, имелся особый совет фабрик и мануфактур из 60-ти лиц. Торговцы стояли обыкновенно за свободную торговлю, но промышленники, фабриканты за протекционизм. Те и другие были за мир на континене Европы, но не с Англией, с которой велась борьба на смерть. В 1806 г. новая промышленно-производственная и торговая буржуазия высказались за запрещение ввоза из Англии пряжи и бумажных материй: это была первая основа континентальной блокады. Когда Наполеон в том же 1806 году занял Берлин, там он окончательно установил континентальную блокаду—запрещение допускать в континентальные порты английские карабли и английские товары. В ответ на это англичане запретили французскую экспортную торговлю. В 1810 г. сначала были удвоены во Франции, а потом еще дважды повышены пошлины на иностранные товары. Но это создавало во французской промышленности сырьевой голод и потому и ей вредило. Притом, несмотря на все усилия, не удавалось предотвратить огромную контрабанду: слишком много выгод она давала, приносила колоссальную прибыль. По всем этим причинам с 1810 года начинаются частичные отступления от континентальной блокады, так называемые лиценции: разрешается ввоз английских товаров с обязательством вывезти на соответствующую сумму товары французские. Такие лиценции принимают массовый характер с 1812 года: признак ослабления системы, ее близкого развала, неудачи. Часто французские вывоз-

ные товары просто бросались лицами, получившими лицензии, и притом оценивались непомерно высоко, чтобы ввезти побольше товаров английских, и при всем том те, кто - эту операцию совершал, хорошо зарабатывали. Страны, находившиеся под властной рукой Наполеона, очень сильно страдали от континентальной блокады: в Италии создалось трудное положение, так как ее промышленность сильно пострадала, а торговля с Левантом погибла; для Голландии континентальная система была страшным злом, и король голландский, брат Наполеона Людовик Бонапарт, ее нарушил; в Германии погибла торговля Гамбурга. Вывоз французского шелка был этим сильно затруднен. Германия была важна как тем, что она сама представляла собою рынок для французских фабрикатов, так и тем, что через нее французские товары шли транзитом в Россию. Но в то же время Германия уже частично конкурировала с Францией, что облегчалось вследствие большей дешевизны в ней рабочих рук и вследствие легкого проникновения в нее колониальных товаров. И Швейцария конкурировала с Францией в изготовлении и продаже ситца, шелковых изделий и сукон. Испанией Наполеон сильно дорожил: она давала шерсть и хлопок и была хорошим рынком для сбыта французских фабрикатов; особенно упорно велась борьба с Англией за испанскую тонкую шерсть. В общем получилась такая картина положения французской промышленности под влиянием континентальной блокады: французская хлопчатобумажная промышленность сильно выиграла, пошла вперед, но она страдала и задерживалась от недостатка хлопка; преуспевала и шерстяная суконная промышленность, но и здесь не хватало тонкой шерсти; для шелковой промышленности большим подспорьем было итальянское сырье, и она шла вперед, развивалась хорошо; кустарная кружевная и полотняная промышленность терпела от недостатка сбыта; производство свекловичного сахара возникло и развилось только благодаря континентальной блокаде. Таким образом, успехи французской фабричной промышленности и ее развитие под влиянием экономической политики Наполеона были несомненны, но сразу не обнаружилась и оборотная сторона этой политики: недостаток иностранного, особенно

колониального сырья [1]). Уже это создавало кризис, который и начался в 1810—1811 годах: в 1811 г. начались банкротства, паника; лионская промышленность оказалась в отчаянном положении, в Авиньоне и Рив де Жире жили под угрозой рабочих волнений, в Ниме было 30 тыс. безработных, в Сент-Антуанском предместье Парижа 20 тыс. [2]). Другая причина кризиса, кроме недостатка сырья, заключалась в том, что иностранные государства не могли обойтись без торговли с Англией: туда они вывозили свой хлеб, лен, коноплю и продукты скотоводства, в которых Франция не нуждалась, и взамен оттуда получали фабрикаты, без которых не было бы туда и сбыта их товаров, и которые к тому же были и дешевле и лучше французских.

В этом коренились причины всей наполеоновской внешней политики и всех его войн. В сущности и в 1805 г., и в 1806—7 г., и в 1809 г., и в 1811 г. (в Испании), и в 1812 г., и позднее—все 15 лет правления Наполеона велась одна основная война,—с Англией, а Пруссия, Австрия, Россия, Испания были только экономическими вассалами Англии и потому непримиримыми врагами Франции. Вот почему Наполеон присоединил к империи Голландию и великое герцогство Ольденбургское. Поэтому же он разорвал и с Россией.

Нет ничего в этом отношении более поучительного и более яркого, как именно отношения к России. Наполеон еще в 1811 г. хотел торгового договора с Россией на условиях разрешения ввоза в Россию французских сукон, шелка, драгоценных вещей и предметов роскоши и вывоза из России во Францию на одинаковую сумму дерева, пеньки, железа и золота. Наполеон готов был „устранить со сцены польский вопрос“; „неужели воображают“, говорил он бывшему проездом в Париже графу Шувалову, „что я пожертвую 200 тыс. французов ради восстановления Польши? капитальный вопрос—вопрос о нейтральных судах и блокаде“. Он заявил Коленкуру в частном разговоре: „я не хочу войны, не хочу Польши, но я хочу выгодного союза; с тех пор как стали впускать нейтраль-

---

[1]) *Тарле*, Континентальная блокада, т. I.

[2]) Там же; ***Вандаль***, Наполеон и Александр I, т. III, стр. 24.

ные суда, он перестал быть выгодным", главная цель — „нанести смертельный удар Англии". Министр иностранных дел Наполеона Маре в письме к послу в Петербурге Лористану от 19 ноября 1811 г. писал: „все дело в торговых интересах и в континентальной системе". В беседе с вернувшимся из Петербурга Коленкуром Наполеон категорически и вполне искренно заявил, что вовсе не жаждет завоеваний, что „все захваты и все войны имеют только одну цель — свести к нулю Англию" [1]). Наполеон и погиб от того, что эта цель оказалась недостижимой.

Так экономика направляла внешнюю политику консульства и империи. Создание производственно-капиталистической, буржуазной Франции — вот что здесь было главное, основное.

Величайшая трудность, оказавшаяся на деле, неразрешимость этой задачи вызывала необходимость внутренней диктатуры Наполеона во Франции и проведения путем этой диктатуры строительства нового буржуазного порядка.

Это видно уже из конституции 22 фримера VIII года республики — 13 декабря 1799 года. Справедливо сказано, что эта конституция „была конституцией не столько Сийеса, сколько Бонапарта" [2]). Сийес, правда, составил проект этой конституции, задаваясь планом устранить и анархию и деспотизм „властью, приходящей сверху, и доверием снизу". Наполеон взял этот план за основу, но поступил так, как хороший художник с произведением трудолюбивого, но неумелого и малоталантливого ученика: он сделал два—три мазка, произвел два—три небольших на первый взгляд, но существенных изменения, и мертвенный плод усердного и добросовестного труда ожил и получил определенное лицо; конституция стала прикрытием диктатуры.

Демагогически сохранено было или восстановлено как будто всеобщее избирательное право, но многостепенное: граждане коммунального округа выбирали из своей среды одну десятую; граждане, вошедшие таким путем

---

[1]) *Вандаль*, Наполеон и Александр I, т. III, Спб. 1913 г., стр. 89 162—163, 183, 189, 230, 343.

[2]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 855.

в коммунальные или окружные списки, в свою очередь из своей среды выбирали одну десятую в департаментские списки, а граждане, числящиеся в департаментских списках, выбирали из своей среды одну десятую в национальный список, который и служил кадром для всех последующих назначений и выборов в высшие государственные учреждения. А эти назначения и выборы производились следующим образом: законодательная инициатива принадлежала только одной исполнительной власти— первому консулу, выбираемому сенатом на 10 лет, как и два другие консула, имевшие только совещательный голос при первом консуле; проекты законов редактировались и защищались в законодательном корпусе государственным советом, члены которого назначались первым консулом; эти проекты обсуждал и давал о них заключение законодательному корпусу трибунат, члены которого назначались сенатом из состава национального списка в количестве 100 человек; голосовались законопроекты в законодательном корпусе, состоявшем из 300 членов, назначенных из состава национального списка сенатом; наконец, сенат, назначивший, как только что сказано, консулов, членов трибуната и законодательного корпуса, а также ведавший утверждение или отмену законов, прошедших через законодательный корпус, состоял из сенаторов, имевших право кооптации, самопополнения из кандидатов, представленных первым консулом, трибунатом и законодательным корпусом; впрочем, первый состав сената был весь назначен первым консулом; ко всему этому надо прибавить, что и решения сената не связывали первого консула: распоряжение об исполнении законов зависело всецело от него, и он кроме того имел право издавать свои указы. Вся администрация—министры, послы, префекты департаментов, судьи (кроме членов кассационного суда, выбиравшихся сенатом), командный состав армии и флота—назначалась первым консулом. Статьи 93 и 94 конституции исключали возможность возврата эмигрантам их конфискованных имений и обеспечивали покупщикам национальных имуществ, каково бы ни было происхождение этих имуществ, полное и ненарушимое право собственности на эти имущества. 7 февраля 1800 г. эта конституция была утвер-

ждена референдумом большинством 3 миллионов 11 тыс. голосов против 1.562-х. Из всех учреждений, ею введенных, некоторое беспокойство внушал Наполеону только трибунат. По конституции трибунат назначался сенатом, причем ежегодно по жребию пятая часть его (20 членов) выходила из его состава, и сенатом назначались новые. Так как не все были угодны правительству, некоторые трибуны, как, напр., Бенжмен Констан, были слишком оппозиционно настроены, то в 1802 г. сенат исключил их как очередную пятую часть трибуната не по жребию, а по собственному усмотрению. Впоследствии—в 1807 году—Наполеон и совершенно уничтожил трибунат. Постановления сената 4 августа 1802 г. и 18 мая 1804 года изменили положение первого консула: первое из них объявило его пожизненным консулом, а второе императором французов; первое было утверждено плебисцитом—$3^1/_2$ милл. голосов против 15 тысяч, а второе большинством 3 милл. 522 тысяч голосов против 2-х с лишком тысяч. Императорское положение еще усилило власть Наполеона в том особенно смысле, что дало право доступа в сенат принцам императорского дома и особым лицам по прямому назначению императора.

Свою диктатуру Наполеон направил в интересах буржуазии, насаждая новую буржуазную государственность.

Первостепенное в этом смысле значение имеет „Кодекс Наполеона", установивший во Франции гражданское равноправие, равенство всех перед законом, совершенно необходимое для развития капиталистического хозяйства и буржуазного общества.

Тех эмигрантов, которые мирились с существующим строем и отказались от притязаний на восстановление старого и на возврат своих земель, Наполеон возвращал во Францию и тем содействовал [социальному перерождению многих дворян в буржуа.

В вопросе о заключении конкордата в 1801 г. Наполеон явился также представителем классовых интересов буржуазии. Он смотрел на религию, в частности на христианство и католицизм, как на „тайну общественного порядка": христианство переносит на небо идею равен-

ства и тем мешает на земле бедным резать богатых [1]). К тому же у правительства Наполеона был целый ряд специальных причин, заставлявших его итти на соглашение с папой и католической церковью: папский и вообще религиозный авторитет освещал новую власть, конкордат замирял не столько роялистскую, сколько клерикальную Вандею, он ослаблял претендента на престол, будущего Людовика XVIII, наконец, он избавлял правительство Наполеона от конституционной церкви. организованной демократически [2]). По конкордату духовенство получало жалованье от правительства, следовательно, становилось в материальную зависимость от него. Папа признавал покупщиков церковных и монастырских имений законными их собственниками. Епископы назначались первым консулом и церковно поставлялись после этого папой; они назначали священников, но эти назначения нуждались в утверждении государственной власти. Все духовенство обязано было приносить присягу правительству и молиться за него в церквах во время богослужения. Все папские распоряжения имели силу лишь с разрешения французского правительства. Духовенство сделалось „священной жандармерией“ буржуазной монархии во Франции [3]).

Цели руководства воспитанием молодежи в духе, угодном новому правительству и классу, интересы которого оно выражало, ставились Наполеоном и в создании им „университета“ — системы и организации народного образования. „При установлении преподавательской корпорации (corps enseignant)“, говорил Наполеон, „моя главная цель в том, чтобы направлять моральные и политические мнения“ [4]). По законам 1806—1808 г.г. университет охватывал все учебные заведения империи, и во главе его стоял назначавшийся императором великий магистр (grand maître), при котором состоял совет университета. Университет делился на местные академии, т.-е. учебные округа, во главе которых стояли ректоры,

---

[1]) *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в Новое время, том IV, изд. 3-е, Спб. 1907, стр. 118.

[2]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 891.

[3]) *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в Новое время, IV, стр. 121, 118.

[4]) Там же, IV, стр. 127.

а при них были советы и инспекторы. Все ректоры, испекторы, члены советов, профессора и учителя средних школ — лицеев и коллежей — назначались великим магистром. В состав университета входили факультеты, лицеи, коллежи, пансионы и народные или малые школы. Учителя малых школ подчинялись местной общей администрации — префектам, супрефектам и мэрам.

Желая руководить общественным мнением, Наполеон особое внимание обращал на прессу, периодическую печать. Он оставил весьма мало газет, — в Париже сначала 13, потом всего 8 [1]). Формально цензуры он не устанавливал, хотя газеты не смели ничего писать на деле без разрешения администрации. Целого ряда вопросов запрещалось касаться прессе. Сверх того, администрация прямо внушила прессе известные точки зрения на общественные вопросы [2]).

Административная система Наполеона была построена на строгой централизации: префекты в департаментах, супрефекты в округах, мэры в городах и сельских общинах назначались центральной властью. Выборные по конституции департаментские и коммунальные советы не имели самостоятельной власти по отношению к администрации. Судьи назначались.

Большая часть учреждений, созданных в эпоху консульства и империи, — гражданские равноправия, конкордат, университет, администрация — органически вросли во французскую буржуазную государственность и сохранились надолго, большею частью и до нашего времени. Это показывает, какую важную для буржуазной государственности органическую работу совершили Наполеон и его ближайшие сотрудники. Надо еще прибавить, что и система финансового обложения была построена в главных частях Наполеоном: он сохранил и развил восстановленные директорией прямые налоги и ввел высокое таможенное обложение и акцизы на вино, соль и пиво, а также табачную монополию. И здесь он создал надолго прочно державшуюся традицию.

---

[1]) *Олар*, Пол. ист. фр. рев., стр. 867—868.
[2]) *Тарле*, Периодическая печать при Наполеоне I.

VIII.

Реставрация.

Реставрация Стюартов в Англии продержалась 28 лет. Реставрация Бурбонов во Франции всего неполных 16. Вторая оказалась гораздо менее прочной, чем первая, хотя и первая особой прочностью не отличалась. Несомненно, реставрация Бурбонов в значительной мере создана была иностранным реакционным влиянием, его поддержкой.

Новая буржуазия, заинтересованная в мире с Европой, уже с 1813 года тщетно добивавшаяся этого мира от Наполеона, готова была признать Людовика XVIII, но на определенных условиях, которые и были заявлены императорским сенатом и законодательным корпусом, объявившими Наполеона низложенным и семью его лишенной права наследования императорского престола. Сенат назначил временное правительство из пяти членов и составил конституцию, которая гарантировала сохранение сената и законодательного корпуса, признание государственного долга и право собственности покупщиков национальных имуществ [1]). Нельзя было ярче подчеркнуть необходимость для Бурбонов соблюдать интересы буржуазии—городской и сельской. Это были мирные условия, предложенные возвращавшемуся старому, заматорелому, непереродившемуся дворянству новой буржуазией.

Дворянство их не приняло; оно продиктовало свои условия, выразившиеся в хартии Людовика XVIII, — в

[1]) *Сеньобос*, Политическая история современной Европы, 3-е изд., т. I, Спб. 1903, стр. 93.

откроированной королем божиею милостию конституции. Это понятно: старое дворянство, наконец, дорвалось до власти, столь давно и нетерпеливо им ожидавшейся, и решило сделать уступки минимальные, почти совершенно призрачные. Были даже совершенно неисправимые, несгибаемые реакционеры—такие, как граф д'Артуа или Виллель, которые тогда желали восстановления голого, ничем не прикрытого абсолютизма [1]). Но даже Меттерних, тем более Людовик XVIII не пошли и не могли пойти вслед за ними, и хартия 1814 г. давала Франции внешний вид конституционного режима.

Но это был именно почти только один внешний вид. Конституция империи и та, которую предлагал Людовику XVIII принять императорский сенат, предоставляла Франции всеобщее избирательное право, хотя и многостепенное. По хартии 1814 г. активное избирательное право принадлежало лицам мужского пола, достигшим 30-летнего возраста и платящим 300 франков в год прямых налогов, а пассивное обусловливалось возрастным минимумом в 40 лет и налоговым в 1.000 франков. Поэтому активным избирательным правом пользовались в начале реставрации всего 88 тыс. чел., а в 1830 г. 110 тысяч, а пассивным всего 14 тысяч человек, тогда как число взрослых мужчин доходило до 7 милл. человек. Это значило, что избирательными правами пользовались только крупнейшие землевладельцы, промышленники и торговцы, богатейшая буржуазия, сельскохозяйственная, промышленная и торговая и богатое старое дворянство, не потерявшее еще земли, но не успевшее переродиться в буржуазию. Это было очень далеко от желаний новой буржуазии.

Кроме того, у членов палаты депутатов и палаты пэров (не выборных, а наследственных и назначаемых королем) не было ни права законодательной инициативы, ни права делать поправки к голосуемым законопроектам. Нельзя, правда, согласиться с теми, кто думает, будто вопрос об ответственности министерства был в хартии не решен [2]), но несомненно, что он решался

---

[1]) Там же; *Кареев*, Ист. З. Евр. в Новое время, IV, стр. 376.

[2]) *Гримм*, Революция 1848 г. во Франции, ч. 1-я, Спб. 1908, стр. 33.

в ней не в смысле политической ответственности, парламентаризма, а в смысле уголовной ответственности министров перед судом палаты пэров [1]). Наконец, гражданские свободы совершенно не обеспечивались хартией, а печать ставилась в очень тяжелое положение, делавшее ее недоступной массовому читателю, слишком дорогой для него, *так как для издания газеты надо было* внести 200 тысяч франков залога, платить штемпельный сбор по 10 сантимов и почтовый сбор по 5 сантимов с экземпляра каждого номера. Наконец, в конституции была очень важная 14-я статья, предоставлявшая королю право издавать регламенты и указы (ордонансы), необходимые не только для исполнения законов, но и—что всего важнее—для безопасности государства [2]). Под такую квалификацию можно было, очевидно, подвести все, что угодно.

И все-таки, несмотря на все это, приходится признать реакцию во Франции при Людовике XVIII и даже при Карле X очень слабой. В самом деле: перестраивался только самый верхний этаж государственного здания империи, вся остальная ее административная система оставалась неприкосновенной; затем, что еще важнее, сохранено было гражданское равноправие, не осмелились на попытку восстановить старые сословия, не говоря уже о возрождении остатков крепостничества; далее: не покушались на проданные национальные имущества; все, чего добивались здесь, потом и добились в 1825 г. при Карле X,—это денежное вознаграждение за утраченные земли насчет казны и то не в полном размере, а только в сумме одного миллиарда франков; да еще сделана была попытка самодержавного законодательства путем указов при Карле X с целью задавить окончательно печать и лишить избирательных прав торговую и промышленную буржуазию, сохранив их только за крупными землевладельцами, где зубры из старого дворянства еще имелись в достаточном количестве.

---

[1]) Напрасно Сеньобос (стр. 94) говорит тут о политической ответственности.

[2]) *Гримм*, Револ. 1848 г. во Фр., ч. 1-я, стр. 35.

Характерна, как показатель слабости и разложения голой реакции клерикальная политика правительства и отпор ей не только со стороны буржуазии, но и из среды, едва тронутой процессом социального перерождения части дворянства, выразителем которой явился Монлозье. Реставрация пыталась отдать всю школу, вплоть до высшей, под надзор и руководство духовенства, великим магистром университета в 1822 г. назначен был епископ Фрессину, а в 1824 г. все учителя подчинены прямому надзору епископов. Тогда Монлозье в 1826 г. представил свое заявление в парижскую апелляционную палату о злоупотреблениях духовенства, а затем подал в палату пэров о том же петицию, причем оба учреждения, в которые обращался Монлозье, высказались против иезуитов [1]).

Наконец, даже борьба Шатобриана, Вилледя и вообще ультра-роялистов в „незаменимой", „бесподобной" по своему составу палате („chambre introuvable") за ответственное перед палатой министерство служит одним из самых ярких признаков слабости реакции: только доведенный до отчаяния общественный класс пользуется в своей борьбе с монархом для своих временных, ближайших, конкретных классовых целей и интересов оружием, которое смертельно и гибельно и для него самого, и для монархии, так как ведет последнюю по пути превращения в фактическую республику, что и произошло с королевской властью в Англии. Недаром вождь крупной торгово-промышленной буржуазии Руайе-Коллар, представитель так называемой партии доктринеров, конституционалистов-монархистов, противников парламентарного режима, прямо и открыто формулировал эту мысль в палате в 1816 году.

Главная положительная, органическая работа, выполненная реставрацией, заключалась в устройстве финансов, главным образом в покрытии путем внутренних займов огромного дефицита, созданного войнами империи. Характерно, однако, и тут то, что эта операция была выгодна именно капиталистической буржуазии, была водой на ее мельницу.

---

[1]) Там же, стр. 44—48.

В общем реакция в эпоху реставрации была почти совершенно бессильна: или беспомощно топталась на одном месте, или делала бесплодные и немощные попытки повернуть колесо истории назад хотя бы отчасти.

Ясно, что июльская революция 1830 года во Франции созрела не менее, чем революция 1688 г. в Англии. Страна окончательно обуржуазилась, и буржуазия властно и решительно должна была встать у руля государственного корабля.

Революция и подготовлялась террористическими актами вроде убийства герцога Беррийского, восстаниями тайных обществ в Бельфоре, Кольмаре, Ларошели, Тулоне, Сомюре и волнениями студенческой молодежи. Либеральная буржуазия, бывшая несколько левее доктринеров,—будущий левый центр, сторонники парламентаризма при сохранении избирательного имущественного ценза, подготовляли уже и будущую организацию верховной власти, как это делали английские виги перед 1688 годом. Главным ее вождем был Тьер, а публицистом Арман Каррель, который в своей газете „National" открыто указывал на пример Англии, заменившей в 1688 г. одну линию царствовавшего дома другой: единомышленники Тьера и Армана Карреля готовили смену старшей линии Бурбонов младшею—Орлеанской ветвью [1]).

Поднимал и разжигал настроение поэт Беранже, один из создателей наполеоновской легенды, и талантливый публицист-памфлетист Поль-Луи Курье. Характерны, напр., его письма к редактору журнала „Censeur", относящиеся к 1819—20 годам. „В былые времена", пишет Поль-Луи Курье, „нас убивали за пять парижских су. Таков был закон. Всякий дворянин, который убил простолюдина, обязан был бросить пять су на могилу убитого. Но вообще либеральные законы плохо исполняются, и в большинстве случаев нас убивали бесплатно. Теперь мэр должен истратить $7^1/_2$ су на штемпельную бумагу, чтобы только посадить в тюрьму труженика; и вдобавок нельзя обойтись без вмешательства судей. Производится следствие, и затем уже постановляют то

---

[1] *Сеньобос*, Полит. ист. совр. Евр., I, стр. 112.

решение, какое угодно мэру и префекту. Во всем виден прогресс“ [1]). О крестьянах он говорит: „они не убивают людей, но все истребляют. Аллеи срублены, местами вспаханы: от них не остается и следа. Где была оранжерея, там появляются ферма, риги, хлева, наполненные коровами и свиньями. Исчезли рощи, цветники, газоны, аллеи кустарников и цветов; все это разделено на части между десятками крестьян; один посеял здесь бобы, другой вику. Люди, о которых я здесь говорю, могут быть названы бичем собственности. Нет власти, даже самой ничтожной, которая бы не хвалилась тем, что присматривает за ними. Их процессы никогда не бывают сомнительными; судьи всегда на стороне их противников [2]). Но замок, воспоминания прошлого, памятники, история... Памятники сохраняются там, где исчезли люди,—в Бальбеке, Пальмире и под пеплом Везувия“. „Воспоминания прошлого!—говорят нам. Да разве оставили по себе добрую память эти готические замки и монастыри? Что напоминают они собой? Постыдные картины разврата, гнусные измены, убийства, резню, смертные казни, пытки, вопиющие преступления, роскошь и сладострастие, грубое невежество аббатов, монахов и, что еще хуже, лицемерие“ [3]). „Почти каждый крестьянин имеет, как говорят у нас, чем промочить горло, несколько десятин земли, которые при вспашке, удобрении и постоянной обработке дают средства существования для семьи. Но все-таки это большое зло. Против этого будут приняты меры; опять составят большие поместья для людей, которые не хотят ничего делать. Тогда земля отдохнет. Всякий дворянин или каноник получит на свою долю 1.000 десятин и в виде повинности обязан спать, а если притом будет храпеть, то получит вдвое“ [4]). В „Простых речах Поля-Луи, винодела из Ла-Шаваньер“, писанных в 1821 г., находим такое место, стоившее автору тюрьмы: „Комната, передняя и галлерея повторили: государь, все

---

[1]) *Поль-Луи Курье*, Сочинения, ч. I-я, Спб. 1897, стр. 14, 15.
[2]) Там же, стр. 25—26.
[3]) Там же, стр. 27—29.
[4]) Там же, стр. 34—35.

ваше! Это на языке придворных имело тот смысл, что все наше, потому что двор все отдает королям, как аббаты все отдают богу. Королевские владения, поместья, оклады на содержание главы государства имеют такое же отношение к королю, как доходы аббатств к Иисусу Христу“ [1]).

Под влиянием впечатлений от действительности, политики правительства, „безумной“ при Карле X даже по мнению Меттерниха, публицистики, которая, как показывают приведенные отрывки из Курье, находила возможности прорваться сквозь проволочные заграждения и волчьи ямы цензуры и репрессий, сложилось в разных классах общества, начиная с буржуазии и кончая рабочими, оппозиционное настроение, доведенное июльскими указами Карла X до революционного подъема. Образовались три основных группы оппозиции: правую составляла крупная буржуазия во главе с Казимиром Перье и Гизо, к которым примыкал и Тьер; это — будущая партия сопротивления; центр представляла собою главным образом средняя буржуазия и отчасти мелкая; вождями его были Лафайет и Лафит, левая состояла из учащейся молодежи, интеллигенции и рабочих и была по настроению республиканской. Ею руководил Годефруа Кавеньяк. Эти группировки необходимо иметь в виду, следя за ходом событий во время июльской революции 1830 года.

---

[1]) Там же, стр. 119.

IX.

Июльская революция.

Июльская революция началась на такой же широкой социальной базе, как и великая революция. Но инициатива революционных действий исходила от масс — рабочих и студентов, вдохновляемых и организуемых республиканцами, единомышленниками Кавеньяка. Правда, протест журналистов, написанный Тьером, который тогда не был депутатом, был составлен в самый день опубликования указов Карла X, 26 июля, и появился в двух газетах на следующий день, 27 июля, но он содержал в себе только призыв к газетным сотрудникам, „дать пример сопротивления власти, лишившей себя характера законности“, доказательства, что король формально нарушил конституцию, и указание, что журналисты „попробуют издавать газеты, не испрашивая разрешения“. Воззвание журналистов заканчивалось очень темным намеком: „мы сопротивляемся правительству в том, что касается нас; Франции следует обсудить, до каких пределов должно простираться ее собственное сопротивление“. Это было очень далеко от революционной инициативы.

Еще меньше можно говорить о революционной инициативе вновь избранных, еще не собравшихся, но уже распущенных депутатов. 26-го и 27-го они, собираясь то у Казимира Перье, то у Лаборда, беспомощно топтались на месте и трусили и только 28-го подписали составленный Гизо протест, который далеко уступал даже протесту журналистов и, выгораживая короля, обвинял в незаконных действиях только его советников,

причем, кроме слов, никаких действий не предпринималось и не рекомендовалось.

По всем этим причинам правильно сказано, что „революция 1830 г. не была делом ни депутатов, ни журналистов“ [1]).

Она была делом республиканцев, — студентов и рабочих. Уже 26 июля, в день опубликования королевских указов, были собрания в Пале-Рояле, и выбиты были стекла в доме главы реакционного министерства Полиньяка. 27-го днем толпа кричала: „да здравствует хартия! долой министров“, а к вечеру началась стрельба, и появились первые баррикады. Первые убитые из народа были пронесены по улицам, и это сразу подняло настроение до революционного уровня. Ночью республиканцы организовали в разных районах Парижа комитеты восстания. 28 июля баррикады сплошь заградили все улицы восточной, рабочей части Парижа, и лозунгом восставших стало „долой Бурбонов!“ В этот день войска маршала Мармона вынуждены были отступить и оставить в руках восставших все восточные кварталы, 29-го рабочие и студенты с частью перешедших на их сторону солдат взяли думу, собор Парижской Богоматери и заставили остатки армии Мармона очистить и западную часть столицы. Париж весь был в руках революционеров.

Инициатива революции, таким образом, исходила от рабочих и студентов, а организованы были эти массы республиканцами. И только после этого, уже 29 июля, крупная, и особенно средняя, буржуазия оказалась вынужденной примкнуть к революции и отказаться от переговоров с Карлом X, взявшим, наконец, обратно свои указы. Депутаты, собравшись в квартире Лафита, приняли два очень важных решения: они составили временное правительство, назвав его из боязни этого революционного имени „городской комиссией“, и восстановили буржуазную национальную гвардию, отдав ее под начальство Лафайета. Это значило, что крупная и средняя монархическая буржуазия вырвала руководство движением из рук республиканской демократии и приобрела

[1]) *Сеньобос*, Полит. ист. совр. Евр., I, стр. 113.

в лице буржуазной национальной гвардии вооруженную силу, которая могла быть противопоставлена массам. Это и помогло крупной и средней буржуазии эскамотировать революцию, направить ее в свою пользу, оставив не при чем демократию, и провести герцога Орлеанского сначала в наместники королевства, а потом формально ничем не обоснованным постановлением палаты депутатов провозгласить его „королем французов милостию божиею и волею народа": воля народа непосредственно запрошена не была, буржуазные депутаты полагали, что они лучше знают эту волю, чем сам народ. До какой степени каждая из классовых групп, действовавших в первый момент революции, сохраняла свое собственное классовое лицо и свое особое отношение к совершавшимся событиям, — видно из того, что крупная буржуазия приняла участие в революции прямо нехотя, против воли, вынужденная необходимостью; недаром один из ее вождей Руайе-Коллар говорил: „вот и я в числе победителей, но как печальна эта победа!"

Первое министерство Людовика-Филиппа было коалиционным — из центра и правой революции, с преобладанием центра, вождь которого Лафит стал главой министерства, и другой вождь Лафайет начальствовал над национальной гвардией. Так кончился первый момент июльской революции.

Второй ее момент характеризуется первым конфликтом революционных сил, главным образом революционной правой и революционной левой. Левая — республиканцы - интеллигенты, рабочие, студенты — требовала смертной казни арестованных министров Карла X. Правая, желая спасти их, провела закон, по которому отменялась смертная казнь за политические преступления. Тогда снова начались уличные волнения левых, успокоенные только тем, что король уволил в отставку правых министров, членов „партии сопротивления" дальнейшему развитию революции, и 2 ноября 1830 г. составилось министерство Лафита из членов центра—„партии движения". Революционный центр оказался у власти, — наступил третий момент революции.

Судить министров Карла X должна была палата пэров, т.-е. крупнейшая буржуазия, которая уже вышла из

рядов революции. Она не хотела смертного им приговора и потому подверглась во время суда нападению со стороны рабочих и студентов. Лафайету, однако, удалось уговорить парижскую демократию не трогать палаты пэров, и министры Карла X были спасены; правительство допустило только разграбление церкви Сен-Жермен Л'Оксерруа, где легитимисты, сторонники старшей линии Бурбонов, служили панихиду по убитом революционерами во время реставрации герцоге Беррийском, и разрушение дворца архиепископа парижского, который в свое время благословил Карла X на издание его указов. Так революционный центр лавировал между правой и левой, не удовлетворяя вполне ни той, ни другой, вызывая недовольство и справа и слева.

Но он не даром был „партией движения", развития революции, партией средней и отчасти мелкой буржуазии: он хотел более или менее расширенного избирательного права, хотя и цензового, и желал для укрепления революции революционной войны в защиту восстаний в Польше и Италии. Здесь центр резко столкнулся с правой, с крупной буржуазией, которая не хотела сколько-нибудь значительного расширения избирательного права и не допустила войны, расстраивавшей промышленность. На бирже в конце 1830 года 3-процентная государственная рента упала до 56, даже до 51 (вместо 86, как она стоила до революции), пятипроцентная до 82-х. Обострился экономический кризис, усилилась безработица, безработные стали волноваться. Не менее важно было, наконец, и то, что крестьянство было решительно против войны и развития революции: теперь, с падением старшей линии Бурбонов, с удалением непримиримых дворян от руля правления, крестьяне успокоились за свою землю и окончательно стали консервативной силой, проникнутой буржуазными, собственническими интересами. Министерство Лафита осталось почти совершенно без социальной опоры. Волнения безработных изолировали центр революции и слева.

Тогда наступил четвертый момент июльской революции—ее гибель. Людовик-Филипп не допустил революционной войны за Польшу и Италию, и 13 марта 1831 г. министерство Лафита подало в отставку. Никто не ше-

вельнул пальцем в защиту „партии движения“. У власти оказалась перешедшая в лагерь контр-революции правая, крупная буржуазия, „партия сопротивления“ во главе с Казимиром Перье, а после его смерти—с Гизо.

Еще 6 августа 1830 года важнейшие политические приобретения революции были формулированы и приняты и революционным блоком, тогда существовавшим, и Людовиком-Филиппом. Эти приобретения заключались в принципиальном признании того, что конституция не октроирована, не дарована сверху, а является результатом договора народа с королем, и в отмене 14-й статьи хартии, послужившей основанием для издания Карлом X его указов, палата депутатов получила право законодательной инициативы; возрастной ценз депутатов был понижен до 30 лет. Необходимо было преобразовать избирательное право, и над этим стала тогда работать комиссия палаты депутатов, причем некоторые различия между планами центра и правой существовали. Теперь, когда у власти встала одна правая, и революция кончилась, работа по пересмотру закона о выборах кончилась в пользу крупной буржуазии, и 15 апреля 1831 г. новый избирательный закон был утвержден.

Активным избирательным правом стали пользоваться все плательщики податей, вносившие не менее 200 франков прямых налогов в год, а пассивным — не менее 500 франков. Возрастный ценз для избирателей был установлен в 25 лет, для депутатов в 30 лет. Выборы были прямые. Это дало в 1831 году—188 тысяч избирателей на $32^1/_2$ милл. человек населения, а в 1848 г.—225 тыс. избирателей на $35^1/_2$ милл. населения.

Господство было обеспечено за крупной сельскохозяйственной, промышленной и банковой буржуазией; допущены были к выборам и верхи средней буржуазии, но они остались в меньшинстве. Мелкая буржуазия и пролетариат избирательных прав совсем не получили. В конце 1831 г. издан был закон о составе палаты пэров: звание пэра стало пожизненным, наследственные пэры исчезли; установлен был точно круг лиц, из среды которых король мог назначать пэров.

X.

Духовная культура Франции в первые три десятилетия XIX века.

В духовной культуре Франции первого тридцатилетия XVIII в. необходимо прежде всего остановиться на представителях погибавшей тогда французской дворянской культуры. Таковы были два политических писателя де-Местр и Бональд и два представителя художественной литературы—Шатобриан и де-Сенанкур.

Де-Местр и Бональд — типические представители реакционно-клерикальной идеологии. По де-Местру порядок в мировой и общественной жизни исходит и зависит от провидения. Люди—слепые орудия для целей провидения. Революция — наказание за уклонение от этих целей; уклонение же заключалось в том, что в эпоху старого порядка забыли о роли Франции как провозвестницы христианства. Все должно быть направлено к этой цели и церковь, духовенство, и самодержавие королей: обе эти основные силы должны опекать ребенка-народ, чтобы вести его по христианским путям, причем и королевский абсолютизм, чтобы остаться верным этой цели, должен быть подчинен духовенству, папе и инквизиции—церковному суду [1]).

Бональд в своих построениях исходил из положения, что человек—образ и подобие бога, основное же свойство бога—любовь. Поэтому и человеческое общество и государство должно быть построено на любви. Общественным союзом, в котором царствует любовь, является семья. Вот почему и государство надо строить по

[1]) *Чичерин*, История политических учений.

образцу семьи. В государстве должна быть общая воля— бог, общая любовь—монарх и общая сила—народ. Власть монарха ограничивается только волей бога, а истолкователем этой воли является духовенство [1]).

В политических учениях де-Местра и Бональда отражается мрачный мистицизм падающего класса, хватающегося за религиозный авторитет, чтобы спасти себя от неизбежной гибели. Уже это служит признаком дворянского вырождения, вымирания старого, несгибаемого дворянства, не могшего приспособиться к новым общественным условиям.

Большинство дворянства, однако, переживало уже процесс классового перерождения в буржуазию. Этот процесс имел разные степени и оттенки. Мы будем его ниже наблюдать в различных проявлениях. Первая его степень—та, которая нашла себе выражение в личности и сочинениях Шатобриана и в творчестве Сенанкура: здесь дворянство является уже тронутым процессом перерождения, испытывает буржуазные влияния, но остается пока еще верным основным классовым своим интересам и традиционной психологии, несколько видоизмененной только обстоятельствами времени.

По личным своим свойствам Шатобриан был типичный дворянин — самолюбивый, тщеславный, самодур, соединявший в себе подчас самые противоположные чувства и склонности: свободолюбие и деспотизм, сомнение и религиозность, сентиментальную нежность и жестокость. Он неспособен был понять и изобразить других, постоянно воплощал в своих художественных произведениях только свою личность, никого и ничего в сущности не любил, кроме самого себя [2]). Его любовь была настоящим призраком любви: он скрашивал монотонность жизни прелестью, умом и удивлением любивших его женщин [3]). Упадочный для дворянства характер эпохи, уколы самолюбию и при Наполеоне и даже при реставрации ввергли Шатобриана в меланхолию, за-

---

[1]) Там же.

[2]) *Лансон*, История франц. литер., XIX в., стр. 40—41; *Пти-де-Жюльвиль*, Иллюстр. ист. новейшей франц. лит., вып. I, стр. 26, 29; *Брандес*, Литература XIX в., Спб. 1895, стр. 12, 38.

[3]) *Лансон*. Ист. фр. лит., XIX в., стр. 36.

ставляли его искать уединения или развлекать себя путешествиями [1]). Отсюда произошла и вся его поэзия, по существу сентиментально-романтическая, так претившая, например, Наполеону [2]). Религия у него обосновывается чувством и красотой [3]). Чтобы дать торжество преследуемым им классовым интересам, он не задумывается защищать теорию последовательного парламентаризма. Даже природу он понимал и изображал в высшей степени субъективно [4]). Рене Шатобриан—это он сам. Рене—меланхолик и мизантроп, убежден в невозможности счастья и испытывает чувство пустоты и скуки; ему нравятся интересные страдания, одиночество, отчужденность; он преисполнен неверия и презрения к людям; несмотря на религиозные разглагольствования, Рене не хочет власти над собой, почему меланхолия превращается у него в неудовлетворенную жажду наслаждений и эгоизм; поклоняясь богу, он поклоняется в сущности самому себе [5]).

Реакционна, но также с примесью нового, и психология героя Сенанкура в его романе „Оберман". Это—тип обойденного, одинокого, но тонко чувствующего человека. Он ненавидит дисциплину империи, филистерские правила буржуазии, правильную и последовательную работу, разум, боится действительности, бодрствует по ночам, ищет уединения, отрекается от наслаждений и счастья [6]). Это умирающий дворянин с проблесками романтизма молодой мелкой буржуазии.

И в искусстве первой трети XIX в. была еще дворянская, классическая струя, особенно заметная в искусстве времен империи, но постепенно вырождавшаяся и осложнявшаяся новыми элементами. Стиль ампир в архитектуре, в котором сооружена, например, труимфальная арка Карусели, — классический, неогреческий и неоримский [7]). Классиком в чистом виде в живописи того вре-

---

[1]) Там же, стр. 36.

[2]) *Гурго*, Воспоминания о Наполеоне на острове св. Елены: „Вест. Иностр. Литерат." за 1899 г., сент., стр. 61.

[3]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX в., стр. 45.

[4]) *Брандес*, Литература XIX в. в ее глав. течениях, стр. 21.

[5]) Там же, стр. 34—38.

[6]) Там же, стр. 46—57.

[7]) *Barberot*, Hist. des styles d'architecture, т. II, стр. 193—196.

мени был Жерар (ум. в 1837 г.), ученик Давида, превосходный рисовальщик, хороший колорист, в условно-хвалебном, льстивом стиле писавший портреты всех почти государей современной ему Европы и изображавший при Наполеоне I „Аустерлицкое сражение", при Людовике XVIII „Въезд Генриха IV в Париж", а при Карле X „Коронование Карла X". Классиком же считают обыкновенно и высокоталантливого Энгра (ум. в 1867 г.), который также был учеником Давида. И что классическая струя была сильна в его живописи,—это видно по таким произведениям, как „Апофеоз Гомера", венчаемого богиней на троне перед посвященным ему античным зданием в стиле Парфенона и окруженного героями его поэм и поэтами—древними и позднейшими. Но в живописи Энгра можно наблюдать целый ряд признаков перерождения, образования новых, буржуазных художественных направлений. Так, в его картине „Эдип и Сфинкс" проявлена необыкновенная энергия, сила и выразительность, свойственные импрессионизму. Наблюдается у него также склонность к манере прерафаэлитов. Наконец, замечательны его натуралистические портреты. Таков, например, портрет Бертена: пожилой, полный человек, седой, бритый, сидит в кресле, уперев в колени обе руки с растопыренными пальцами,—типическая фигура зажиточного французского буржуа. Портреты женщин и целых семейств, писанные Энгром, один французский художественный критик справедливо называет „собранием совершеннейших документов, изображающих всю французскую буржуазию первой половины XIX века".

От дворянства мы должны перейти к буржуазии и прежде всего к крупной буржуазии, живописцем которой отчасти, таким образом, и был уже Энгр. И здесь мы начнем с экономической и политической литературы.

Идеологом буржуазии в области политической экономии был в первом тридцатилетии XIX века Сэй. Он отстаивал идею о том, что основным мерилом ценности является полезность и главной производительной силой признавал капитал. Полагая, что капитал происходит от сбережения, Сэй делал отсюда вывод о необходимости поощрять сбережение, и думал, что лучшими средствами для этого являются охрана частной собственности от

всяких ее ограничений и тем более от покушений на ее уничтожение и полная экономическая свобода, свободная конкуренция. Более последовательную защиту интересов буржуазии крупной, только что захватившей господство, обогащающейся, грубо хищнической, нельзя себе и представить. В этом отношении Сей являл собою очень яркого экономиста определенного типа.

Столь же типичным идеологом крупной буржуазии в области политики, публичного или государственного права является Бенжамен-Констан. Основное положение его политического учения — это теория задач буржуазной государственности. Такими задачами Бенжамен считает свободу и порядок; необходим их синтез, осуществление их в органическом соединении. Основой свободы является в теории Бенжамена-Констана верховенство народа. Но для того, чтобы свобода не подавила порядка, необходимо, чтобы это верховенство не было безусловным, абсолютным, неограниченным, нельзя допустить самодержавие народа. Верховенство народа не распространяется на некоторые неотъемлемые, священные права, обеспечивающие порядок при свободе: сюда относятся свобода личности, свобода совести и свобода (т.-е. полное сохранение) собственности. Органическое соединение свободы и порядка обеспечивается поэтому существованием в государстве четырех властей: во-первых, власти законодательной, состоящей из двух палат — выборной и наследственной, во-вторых, исполнительной (министерство), в третьих, судебной и, наконец, в четвертых, королевской, направляющей все власти и следящей за их равновесием, напр., путем роспуска палаты. Для того, чтобы законодательная власть была независимой, необходимо, чтобы депутаты и избиратели имели имущественный ценз, который один только обеспечивает самостоятельность и независимость [1]). Учение Бенжамена-Констана являлось теоретическим обоснованием обеих хартий — 1814 и 1830—31 годов, — тех самых французских конституций, которые представители крупной буржуазии, доктринеры, называли осуществлением вечных принципов равенства и справедливости.

---

[1]) *Чичерин*, История политических учений.

Мы видели выше, что так называемый романтизм Шатобриана в сущности не романтизм, а сентиментализм, весьма поверхностно прикрывающий старую дворянскую психологию и идеологию, полинявшие, побледневшие, начавшие видоизменяться под влиянием буржуазной среды. Романтизм г-жи Сталь немногим левее шатобриановского сентиментализма, очень малым его ярче. Она такая же субъективистка, как и Шатобриан, и только себя одну и может изображать в своих романах. Пример—ее „Коринна"—свободолюбивая, самостоятельная, талантливая на все руки, но потому также и несчастная, не в пример корректной, сдержанной, но искренней, правдивой, нежной и хозяйственной английской лэди, ее сопернице. Как критик, Сталь также проповедует романтизм и Канта с его критикой практического разума с нравственным доказательством бытия божия. Как политик, она, подобно Бенжамену-Констану, является идеологом умеренно-либерального доктринерства. В своей „Германии" она порицает XVIII век за материализм и Вольтера за безверие и за „Кандида", написанного против оптимизма Лейбница, против свободной воли, наконец, как она выражается, „против всех философских мнений, возвышавших достоинство человека". В Руссо она восхищается сентиментальностью и религиозностью, но отвергает и его политические взгляды. Все ее социологические и исторические мнения заимствованы у Монтескье, которого она в сущности только популяризировала в форме горячей декламации, ей свойственной. В своей „Революци" она считает врагами свободы и роялистов и якобинцев, а друзьями свободы признает английских тори. Отрицает и „деспотизм" старой французской монархии, и „тираннию" Наполеона, но первый предпочитает второй: деспотизм, по ее словам, большой барин, а тиранния — выскочка. Сталь считает собственность вечным и священным установлением и стоит поэтому за избирательный ценз. Вот ее подлинные слова о несобственниках в „Революции": „мысль должна оставаться чуждою людям, лишенным прав, так как стоит лишь им узреть истину, как они тотчас же станут несчастными и тотчас же взбунтуются"

Апостолы такого же умеренного романтизма Ламартин, де-Виньи и Казимир Делявинь: первый — романтик меланхолический, элегичный, полный томного оцепенения, изящной усталости, нежных вздохов [1]), второй — романтик философский и символический [2]), третий — просто малоталантливый подражатель.

Крупная буржуазия, приближаясь к власти, окружила себя таким образом романтической дымкой, в которой невольно чуялась непрочность ее грядущего господства, но заметно было и приобщение к высоким культурным достижениям.

Буржуазия мелкая была вся еще впереди. Ее первыми застрельщиками были Поль-Луи Курье, нам уже известный, Барбье, бичующий сатирик-поэт времен июльской революции, Беранже, едва начинавший свою деятельность, расцвет которой был весь еще впереди, и первый мелкобуржуазный романтик Нодье, основатель первого кружка настоящих поэтов-романтиков, предшественник подлинного боевого и молодого романтизма.

Первая треть XIX в. дала еще двух крупных представителей социализма — Фурье и Сен-Симона. Но практические последствия их деятельности характерны уже для следующих десятилетий — 30-х и 40-х годов. Поэтому и речь о них вести удобнее тогда, когда будет исследоваться органическая эпоха развития капитализма и полного господства капиталистической буржуазии. Но в эпоху реставрации писал экономист, типичный именно как идеолог мелкой буржуазии, — Сисмонди. Он был горячим противником капитализма и машинного производства, так как пролетаризация масс и развитие пауперизма болезненно отражались на положении трудящихся классов, особенно крестьян и ремесленников. Поэтому, критикуя капитализм, указывая на его отрицательные стороны, Сисмонди требовал возврата к мелкому ремеслу, кустарничеству и покровительства мелкому крестьянскому хозяйству.

Говоря о мелкой буржуазии, которая была одной из главных действующих сил в буржуазно-демократической революции во Франции, нельзя не бросить взгляда

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX в., стр. 84 и сл.

[2]) Там же, стр. 98 и след.

10*

на ее психологическую эволюцию в течение революции. Два этапа здесь обращают на себя внимание. Первый ознаменован личностью Робеспьера, второй—Бонапарта.

Робеспьер был чисто морально-общественной натурой, для которого преданность определенному общественному идеалу, изображенному Руссо, было всем в жизни. Он — типичный герой революции, когда буржуазная демократия еще только впервые начинает борьбу и на минуту побеждает, чтобы быть вскоре отброшенной от власти. Честный и неподкупный, проникнутый, несмотря на аккуратную внешность и видимое спокойствие, горячим чувством демократического энтузиазма, он, не колеблясь, бестрепетно шел на все жестокости, брал на себя моральную и политическую ответственность за людей вроде Карье или Колло д'Эрбуа, за неистовства, избиения и потопления в Нанте и Лионе, за всех комиссаров конвента, руководимых им железною рукой из комитета общественного спасения. Победить или умереть— вот лозунг этого типичного мелкобуржуазного утописта. И он погиб, не согнувшись ни направо, ни налево.

Бонапарт начал тоже с мелкобуржуазной революционной идеологии, с близости к якобинцам. Но он герой не первого наступления, а начавшейся органической работы, усвоения результатов революции. Он, сам мелкий буржуа из бедных провинциальных дворян по классовому положению, стал вождем крупной и средней буржуазии и крестьянства, потому что основная его душевная складка — резко, смело и последовательно выраженный индивидуализм — должна была в будущем отличать именно предприимчивую, энергичную и властную обогащающуюся буржуазию. Практик до мозга костей, не утопист, хорошо расчитывающий, орлиным взглядом схватывающий все обстоятельства и подробности, хранивший их в своей колоссальной памяти и комбинировавший в своем уме, он вовсе не был ни корсиканцем, ни кондотьером, ни эгоистом, потому что не был ни трусом, ни приобретателем. Его презрение к идеологии надо понимать как отрицание чистой теоретичности и утопизма, а вовсе не как пренебрежение к принципам. Напротив, вся его деятельность глубоко принципиальна с буржуазной точки зрения. Буржуазный индивидуализм,

последовательный и чистый, — вот, что ярко выразилось в личности Наполеона. Поэтому он и знаменует своей деятельностью начало перехода Франции к производственному капитализму и к буржуазной инирвидуалистической психологии и духовной культуре.

Великие исторические перевороты, особенно такой, как буржуазно-демократическая революция, сопровождаются и успехами науки. Точное знание, отчетливое понимание действительности составляет одну из основных потребностей капиталистического хозяйства, общества и государства. Духовная культура, открывая широкие возможности для проявления индивидуализма, развития человеческой личности, дает толчок росту интеллектуального чувства — потребности цельного миросозерцания, внесения в область отдельных знаний системы, стройности и закономерности. С этим и связано развитие науки, в частности прежде всего математики и естествознания.

В этом отношении Франция XVIII века дала основателя современной научной химии Лавуазье. С начала XVIII в. в химии держалась теория флогистона, по которой все горючие тела содержат в себе особое горючее начало флогистон. Лавуазье доказал, что воздух состоит из кислорода и азота, а флогистона нет, что вода состоит из водорода и кислорода. Он произвел и первый анализ органического соединения — спирта, точно определив при этом его состав. Прежде думали, что при дыхании воздух, входя в тело, отнимает у легких избыток флогистона, полагая, что артериальная кровь имеет флогистон, а венозная его не имеет. Лавуазье показал, что и тут флогистона нет, что при поглощении кислорода венозная кровь превращается в артериальную, а источником теплоты тела является углекислота, продукт сгорания тела. Наконец, Лавуазье установил закон вечности материи и метод количественных измерений в химии.

Превосходным математиком был Лаплас, родившийся в крестьянской семье. Он развил алгебраические выводы д'Аламбера, в небесной механике точно определил закон взаимного притяжения трех тел, т.-е. решил задачу, которая до него решалась лишь приблизительно. Лаплас установил также теорию происхождения планет из туманностей, развил теорию вероятностей и применил ее к статистике.

На первые десятилетия XIX в. приходится расцвет деятельности Кювье. В своих „лекциях по сравнительной анатомии“, он в 1800—1803 гг. установил закон соотношения органов: каждый организм — единое целое, в котором отдельный орган не может быть изменен без изменений во всех других частях. На этом, между прочим, основано восстановление недостающих частей в находимых скелетах первобытных животных. В 1816 г. Кювье издал первую научную систематику животных. В 1812 г. он основал палеонтологию, как науку и, наконец, сделал вклад в геологию, исследовав вместе с Броньяром геологическое строение парижского бассейна.

В 1824 г. Дютроше впервые открыл переселение лейкоцитов (белых кровяных шариков) из кровеносных сосудов в соседние ткани.

В XVIII в. Кондорсе явился одним из основателей социологии. Основными двигателями прогресса, по Кондорсе, является развитие техники и уплотнение населения. Он разделил развитие человеческих обществ на 10 эпох и, кроме того, установил четыре основных периода в развитии человеческого мышления: первый—антропоморфический и теологический, второй—метафизический, третий механический или материалистический, четвертый—математический или научный.

В эпоху реставрации началась деятельность двух замечательных историков, продолжавшаяся и позднее,— Гизо и Огюстена Тьерри. Они замечательны особенно тем, что ввели новый метод исторического исследования, опирающийся на исследование взаимоотношения общественных сил, классов общества. Этот метод сразу дал крупные научные результаты в истории.

Из сказанного о развитии науки видно, что буржуазия в период завоевания ею власти у дворянства совершенствует научные методы и строит обобщающие научные системы. Это является для нее необходимым в процессе борьбы со старыми господами положения, и возможность этого обусловливается тем развитием материальной культуры, при котором становится мыслимым и осуществимым систематическое, цельное познание действительности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Буржуазно-демократическая революция в Германии и Австрии.

I.

Подготовка революции.

Говоря о подготовке немецкой революци 1848 г., необходимо прежде всего проследить зародыши производственного капитализма — сельскохозяйственного и промышленного—в первой половине XIX века.

Нам уже известно из предшествующих томов нашей работы—VI и VII—что заэльбское, к востоку от Эльбы, сельское хозяйство рано стало работать на обширный, даже заграничный рынок. И этот рынок к XIX веку постепенно все расширялся. Этим вызывалось, конечно, зарождение предпринимательского капиталистического сельского хозяйства. Шоссейные и железные дороги имели здесь первенствующее значение именно для капиталистического земледелия. Оживление шоссейного строительства началось еще в XVIII веке и усилилось в первой половине XIX, особенно на западе и юге Германии. Железные дороги начали строиться в Германии с 1835 г., а в Австрии даже с 1828 года. К 1840 г. в Австрии и Венгрии они тянулись всего на 144 километра, а в Германии уже на 540 километров. К половине XIX в. длина железнодорожной сети в Германии дошла до 5.822 километров [1]).

---

[1]) *Базаров и Степанов.* Очерки по истории Германии в XIX в., т. I; *Bernstein*, Revolutions und Reactions geschichter, Berl. 1882; *Sombart*, Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahres, Berl. 1903; *Бернштейн* в „Словаре“ Гранат, т. 14-й.

Несомненно, все это сопровождалось и подъемом сельскохозяйственной техники: недаром знаменитая в первой половине века работа Тэера, популярная особенно и среди русских передовых помещиков того времени, была немецким сочинением, посвященным плодосмену, многополью и травосеянию.

Именно этими производственно-капиталистическими веяниями в сельском хозяйстве объясняется и то смягчение крепостного права в XVIII веке, о котором у нас шла речь в VII томе.

Благоприятствовал зарождению новых условий земледельческого производства и рост хлебных цен: в промежуток времени между 1821 и 1850 годами цена пшеницы увеличилась на 38%, а ржи почти на 42%.

Конечно, шоссейное и железнодорожное строительство содействовало и появлению зачатков индустриального капитализма. И эти зачатки, несмотря на толстую еще кору наследия торгово-капиталистического прошлого, уже заметно давали себя знать к концу 40-х годов XIX века.

Конечно, и в Германии, и в Австрии, и в Венгрии преобладала в первой половине XIX в. в подавляющем большинстве случаев домашняя индустрия, торгово-капиталистическая и вместе ростовщическая эксплоатация мелкого производителя. Но в данном случае, в вопросе о генезисе новых форм и отношений важно не это, а то, что сквозь нее и даже сквозь мануфактурное, ручное производство в фабричных зданиях прорывалась настоящая фабрика с машинным производством. Важно, что в 1846 г. в Пруссии было уже 1.139 паровых машин, имевших 21.716 лошадиных сил, а в королевстве Саксонии 197 фабрик с машинами в 2.446 лошадиных сил. Любопытны при этом некоторые переходные формы от кустарничества и домашней индустрии к настоящему капиталистическому предпринимательству. В Вене, напр., были в 1845 г. часто мастера, которые имели в собственной мастерской значительное число подмастерьев и кроме того отдавали работу на сторону тридцати или сорока мастерам, работавшим на них за поштучную плату. И в Австрии, таким образом, слагался индустриально-производственный капитализм: так, в 1845 г. там было 647

писчебумажных и хлопчатобумажных фабрик с 38.124 чел. рабочих.

В разных местах Германии и Австрии начали слагаться индустриальные районы с определенным уклоном в сторону той или другой отрасли производства—предшественники будущих крупных фабричных центров. Так, Силезия и Вестфалия были известны производством полотен, Саксония и Тюринген хлопчатобумажным производством, Лаузиц и Ахенская область шерстяным. В саксонском Хемнице на ситценабивных и бумагопрядильных фабриках работало иногда по 1.200 и по 3.000 рабочих на каждой. В Кёльне и Дюссельдорфе с их округами кроме хлопчатобумажного, шерстяного и шелкового производства существовали ситцепечатное, красильное, производство оружия и даже машин, которыми славились также Берлин и Нюренберг, так что в Германии уже в то время началось частично производство не одних предметов потребления, но и средств производства. Важен был также бранденбургский железоделательный и каменноугольный район и золингенский оружейный, где капитал разрушил цехи и уничтожил мелкое ремесло.

Оставаясь пока в области вопроса о соотношении отдельных ветвей хозяйственной деятельности, необходимо еще дополнить эту общую картину генезиса настоящих капиталистических отношений фактами, свидетельствующими о развитии внутреннего и внешнего рынка.

Самым важным и новым явлением в области внутренних торговых сношений в Германии следует признать образование Пруссией германского таможенного союза в 1834 году. Уже тогда он охватывал территорию в 7.700 кв. миль с населением в 23 миллиона и эта территория и население постепенно увеличивались, дойдя к половине века до 8 с лишним тысяч квадратных миль и до 30-ти миллионов. Еще в 1818 году Пруссия уничтожила у себя внутренние таможни. Во внутренней торговле особенное значение приобрели Лейпциг, Брауншвейг и, главным образом, Франкфурт на Майне. Ярмарки в обоих Франкфуртах и в Лейпциге получили мировое значение, и в то же время иностранная торговля стала сильно развиваться в Кенигсберге, Роштоке, Любеке, Данциге, Штеттине, Эмдене и особенно в Гамбурге и Бремене.

Прибавим к этому, что не только на пространстве государств германского таможенного союза, но и в Австрии и вообще во владениях габсбургского дома установилась к концу 30-х годов фактически единая монетная система, так как соотношение местных денежных единиц и монетной системы союза определилось прочно [1]).

Переходя к вопросу о зарождении новых форм производства, приходится прежде всего обратить внимание на освобождение крестьян. Факт этого освобождения раньше всего осуществился в западной и южной Германии в наполеоновскую эпоху. Кодекс Наполеона, здесь введенный, формулировал и гражданское равноправие и, следовательно, отмену феодальных повинностей и сохранение за крестьянством его земель. При этом, однако, большею частью дело не обошлось без более или менее значительного выкупа, так что можно сказать, что в Германии к западу от Эльбы был осуществлен ухудшенный французский тип крестьянского освобождения. Остатки феодальных повинностей, впрочем, существовали еще и перед 1848 г. во многих местах.

Иным был характер и тип освобождения крестьян к востоку от Эльбы и прежде всего в Пруссии. Иенский разгром и опасность полной утраты политической независимости заставили прусское дворянство и бюрократию пойти на более или менее серьезные уступки в крестьянском вопросе. Восточно-прусское дворянство готово было на освобождение, но без земли. Но Штейн не склонен был создавать массу пролетариата, и по эдикту 9 октября 1807 года крепостное право было отменено для более свободных слоев крестьянства немедленно, а для менее свободных с некоторой отсрочкой—приблизительно на год, — причем земля, которою пользовались крестьяне, должна была за ними сохраниться. Но Гарденберг в 1808—1810 годах сделал большие уступки дворянству, предоставив ему право брать у крестьян часть земли, с вознаграждением их в другом месте соответствующими участками. В 1811 году последовало дальнейшее приобретение помещиков в ущерб крестьянам: принудительные старинные повинности были отменены

---

[1]) Там же.

под условием передачи крестьянами помещикам трети или даже половины крестьянской земли. Декларация 29 мая 1816 года привела к тому, что с землей освобождены были только зажиточные крестьяне, имеющие полную упряжку и внесенные в кадастровые списки как обладатели дворов старого происхождения. Что касается крестьян, которые и при крепостном праве пользовались признанием их права собственности на землю, то они должны были выкупить барщину и другие повинности по закону 7 июня 1821 года за сумму, превышающую ренту с их земли в 25 раз, или за постоянный платеж ренты. В результате всех этих мер оказалось, что фактически освобождены были с землей—и то за высокий выкуп или за утрату трети или половины земли—только зажиточные крестьяне. Что касается массы малоземельной бедноты, то она вышла на волю, будучи совершенно обезземелена [1]). Отсюда и получился тип крепкого прусского крестьянства, проникнутого собственническим инстинктом, экономически и политически крайне консервативного, и, с другой стороны, создан был безземельный прусский пролетариат—одна из предпосылок промышленного капитализма.

Само собою разумеется, что эти освободительные меры дали большой толчек развитию капиталистического сельского хозяйства в Пруссии: помещики ввели у себя правильное счетоводство, как настоящие капиталистические предприниматели, завели лучшее удобрение, травосеяние, развили винокурение, искусственное орошение лугов, улучшили породу скота; конечно, тяжесть выкупа мешала такому же улучшению крестьянского хозяйства, но и здесь были успехи, простиравшиеся иногда и на улучшение техники производства [2]).

В Австрии тип освобождения подходил к прусскому. Еще по закону 1768 года установлена была охрана земли зажиточного крестьянства, а в 1781 и 1782 годах установлен был выкуп повинностей, тяжелый, но возможный для богатых крестьян. Богатое крестьянство и освобо-

---

[1]) *Кнапп*, Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии. Спб. 1900.

[2]) Там же, стр. 204—208.

дилось с землей, бедное было в большей своей части обезземелено. Остатков крепостных повинностей в Австрии к 1848 г. было больше, чем в Пруссии [1]).

В Венгрии сословный сейм 1833 г. предложил существенные ограничения помещичьих прав. В 1839 г. он провел выкуп крестьянских повинностей по соглашению между сторонами [2]).

Зародыши буржуазно-политических новшеств в Германии были созданы также еще первой половиной XIX века под влиянием великой французской революции, наполеоновских войн и наполеоновского господства в западной Германии.

Первым из этих новшеств было сокращение числа суверенных германских княжеств, произведенное Наполеоном. Вместо трех с половиной сотен государств в Германии после Наполеона осталось только 39, из которых и составился Германский союз с сеймом во Франкфурте на Майне.

Вторым новшеством были немецкие конституции первой половины XIX в., их зародыши или по крайней мере обещания конституций.

Всех консервативнее была в этом отношении Австрия: Меттерних и императоры Франц и Фердинанд здесь не только ничего не дали, но ничего и не обещали. Прусский король 22 мая 1815 г. обещал национальное представительство, составленное из земских чинов отдельных провинций. Оно должно было венчать собою административные реформы, предпринятые после наполеоновского разгрома 1806—1807 годов: в 1808 г. создано было цензовое городское самоуправление, зависящее от администрации, в 1810 г. учреждены министерства, в 1817 г. реорганизован государственный совет. Но на деле обещание представительства сведено было к тому, что Фридрих-Вильгельм III установил только в 1823 году провинциальные сословные собрания, провинциальные ландтаги. Они имели совещательный характер, их было 8 по числу провинций. Состав собраний был таков: во

---

[1]) *Бах*, Австрия в первой половине XIX в.; *Степанов и Базаров*. Очерки по ист. Герм. в XIX в.

[2]) *Степанов и Базаров*, Очерки по ист. Герм. в XIX в., стр. 7,

всех восьми собраниях было 278 дворян, 182 горожанина и 124 крестьянина; дворяне в четырех провинциях делились на господ (высшее дворянство), заседавших лично, и рыцарей, выбиравших представителей на 6 лет; горожане и крестьяне также посылали представителей на 6 лет, причем избирательные права их были обусловлены имущественным цензом. Ландтаги заседали при закрытых дверях под председательством назначенного правительством маршала. Решающий голос принадлежал ландтагам только в местных делах—об устройстве тюрьм, страховании, больницах, причем и в этих делах требовалось утверждение правительства. Фридрих-Вильгельм IV обещал созывать ландтаги раз в два года и разрешил публиковать протоколы их заседаний без обозначения имен ораторов. Этот же король 3 февраля 1847 г. созвал в Берлин соединенный ландтаг, который должен был впредь утверждать новые займы и налоги; но и ему был дан совещательный, а не решающий голос. Это не была конституция, и Фридрих-Вильгельм IV даже прямо заявил, что не потерпит, чтобы „между нашим владыкой небесным и этой страной встал лист исписанной бумаги"

Абсолютистской страной в Германии было также королевство Саксония—до 1831 г., когда здесь была провозглашена конституция.

Из остальных восемь немецких государств (в том числе королевство Ганновер) восстановили у себя сословные совещательные ландтаги, а семь,—в том числе королевства Бавария и Вюртемберг и великие герцогства Баден и Гессен-Дармштадт—ввели конституции. После июльской революции во Франции три из государств первой группы—Брауншвейг, Кургессен и Ганновер—получили конституцию. (в 1831—33 годах). Ганноверский король Эрнст-Август, вступив на престол в 1837 г., отменил эту конституцию. Тогда семь видных профессоров геттингенского университета — филологи братья Гриммы, историки Дальман, Гельвинус и Эвальд, юрист Альбрехт и физик Вебер — выразили письменный протест и были уволены от профессорских обязанностей, а трое из них высланы из Ганновера. В конце-концов, несмотря на оппозицию, король добился своего, и в 1840 г. Ганноверский ландтаг оказался чисто-совещательным учреждением.

Надо прибавить, что и там, где конституции сохранились, они имели двухпалатную систему, причем верхняя палата обычно состояла из наследственных и назначаемых королем членов, а нижняя палата составлялась на основе сословности и высокого имущественного ценза. Типичный в этом отношении пример—баварская конституция [1]).

Мы проследили таким образом буржуазные зародыши в разных сферах материальной культуры. Их появление и развитие, каковы бы они ни были, само по себе знаменует подготовку революции, создает прецеденты будущего. Но нет недостатка и в данных, указывающих на рост нового общественного сознания, на новые течения в области духовной культуры и народных настроений и движений.

Здесь прежде всего важно развитие немецкой философии первой половины XIX века. Исходным пунктом этого развития является философия Канта.

Кант и в своей личности и в своей философии представляет собою первое проявление пробудившегося буржуазного сознания. Сын шорника по происхождению, человек с большими интеллектуальными запросами, он личным трудом выбился в положение профессора кенигсбергского университета. Воспитанный в духе консервативного пиэтизма, он сумел избавиться от исключительного ему подчинения и воспринять влияния Юма, Дидро и Руссо, в чем уже сказалось и его мелкобуржуазное происхождение. Интеллектуальный интерес насквозь проникал натуру и жизнь Канта. Мелкобуржуазная мораль долга была руководящим мотивом его поведения.

В соответствии с этим сложилась и его философия. Исследуя в своей „Критике чистого разума“ метод и границы познания явлений бытия, окружающей действительности, Кант указал, что единственными методами точного, научного познания этих явлений служит опыт и наблюдение. Но, имея в виду, что опыт и наблюдение, эти методы научного познания, предполагают ряд пред-

---

[1]) *Степанов и Базаров,* Очерки по ист. Герм.; *Сеньобос,* Полит. ист. совр. Евр., т. II; *Кареев,* Ист. Зап. Евр. в Новое время, томы IV и V.

посылок, категорий, являющихся необходимыми условиями всякого знания, Кант сделал вывод об относительности результатов, выводов научного знания действительности,— о познании феноменов, а не ноуменов, не вещей в себе, не сущностей. Правда, некоторые толкователи Канта, прежде всего Коген, предполагают, что Кант здесь ставил не абсолютные, а относительные и временные границы человеческому познанию, но с этим едва ли можно согласиться, имея в виду его отношение к методам познания явлений долженствования, морали, нравственности.

В „Критике практического разума", где исследуется гносеология этих последних явлений, Кант указывает сначала, что научный метод познания явлений долженствования таков же, как и метод познания явлений бытия, т.-е. опыт и наблюдение. Следовательно, он должен сопровождаться и теми же результатами, т.-е. мораль также условна и относительна, феноменальна, а не субстанциальна, как и выводы относительно окружающей действительности: и здесь познается только то, что нам кажется, а не то, что есть на самом деле, феномены, а не вещь в себе. Но эта феноменальность, условность, относительность, временность морали пугала Канта. Это значило бы, что мораль бесконечно изменчива, и мелкобуржуазная мораль, которой Кант держался,—не вечна, не абсолютна. Недаром Кант говорил: „всякая перемена вызывает во мне боязнь". И потому он ищет абсолютной опоры вечной нравственности и находит ее в голосе совести, в категорическом императиве, безусловном велении, от него исходящем. Здесь он—последователь Руссо и видит в голосе совести единственное доказательство бытия божия. Но вместе с тем здесь Кант сходит с почвы научно-философской гносеологии, переходит на почву интуиции, погружения в собственное сознание, независимой от опыта и наблюдения, и в этом погружении видит особый источник постижения абсолютной морали, вещи в себе в явлениях долженствования [1]). Гносеология Канта таким образом является дуалистической.

---

[1]) Учение Канта изложено по подлинным его сочинениям „Критика чистого разума" и „Критика практического разума", а также по Куно-Фишеру и Паульсену.

Практическая сторона философии Канта или, вернее, ее интуитивное обоснование послужило основой того монизма, который отличает послекантовскую философию в Германии. Первой ступенью в развитии этого идеалистического монизма в немецкой философии первой половины XIX века была философия Фихте. Ее гносеологическая сторона характеризуется термином субъективный идеализм. „Я“—ключ к познанию „не я“, окружающей среды, мира, действительности. Наши знания среды субъективны, мы знаем только феномены. Но собственно только феномены, призраки, иллюзии и существуют в мире внешнем, материальном. Реально существует только внутреннее „я“, отражением которого и является мир. Идеализм Фихте крайний, отрицающий объект вне субъекта. Это психологический индивидуализм, доведенный до конца. И этот индивидуализм и монизм диктуются материальной культурой рвущегося вперед буржуазно-капиталистического общества—его связностью и единством и первостепенной ролью в нем личной инициативы.

Вторую ступень в развитии этого идеалистического монизма представляет собою философия Шеллинга. Ее гносеологическое обоснование—чистая интуиция, мистическое постижение истины. Истина отожествляется здесь с красотой, понять же или, точнее, постигнуть красоту может только поэт, художник, обладатель художественной интуиции. Позднее у Шеллинга, как известно, этот эстетический идеализм или интуитивизм осложнился еще религиозным элементом, мистико-эстетическая интуиция приобрела религиозную окраску и религиозное освещение. Философия Шеллинга, выдвигающая на первый план примирение с жизнью, со стихией, как с выражением в ее сущности божественной красоты, художественно постигаемой, послужила основанием для немецкой исторической школы права, для консерваторов, ценивших историческую традицию, соответствовавших нашим славянофилам. Шеллингу свойственна была и идея эволюции развития: природа с его точки зрения низшая ступень в стремлении духа к совершенствованию, уже в ней дух ставит определенные цели, и целесообразность, телеология проникает всю жизнь. Искусство и открывает конечные цели жизни—высшую красоту.

Однако, эволюционный принцип в его своеобразном выражении нашел себе особо почётное по праву место в философии Гегеля—этой третьей, высшей ступени идеалистического монизма.

И у Гегеля не постижение, не интуиция, не чувство и чутье, а познание путем чистого мышления является основой гносеологии. Познает самого себя мировой разум, и сущность всей природы и истории, жизни естественной и жизни общественной заключается в самопознании мирового разума. В так называемой мертвой природе это самопознание находится на низшей ступени, оно выше в живой природе—растениях и животных, еще выше в человеческом обществе и в истории—в средней выше, чем в древней, в новой выше, чем в средней. Самопознание мирового разума происходит диалектическим методом, т.-е. мировой разум сам с собою рассуждает (диалектика—рассуждение), причем диалектический метод распадается на звенья, на моменты: тезис—положение, утверждение, антитезис—противоположное утверждение, отрицание тезиса, синтезис—органическое объединение тезиса и антитезиса. Эти моменты, звенья, стадии диалектики могут быть и в большем числе, чем три. Важно здесь то, что диалектика—процесс, притом процесс, слагающийся из элементов противоположных, включающий в себя элемент борьбы, переворота, революции: переворот, революция, скачек так же свойственны диалектическому методу, как и медленное и постепенное, органическое развитие [1]).

Таким образом четыре основные черты характеризуют философию Гегеля: 1) абсолютный идеализм, 2) монизм, 3) диалектический метод, 4) понимание этого метода, как включающего в себе элемент борьбы, революции, скачка, переворота, т.-е. революционность.

Три последние черты усвоены были и сохранены так-называемым левым гегельянством и главой его Людвигом Фейербахом. Но первая была совершенно изменена: вместо абсолютного идеализма у Фейербаха появился материализм, не разум или дух, а материя признана была

---

[1]) *Гегель*, Феноменология духа; *Hegel*, Philosophie der Geschichte; *Куно-Фишер*, Гегель, два тома.

им сущностью мировой жизни. Фейербах, по известному выражению, „поставил на ноги то, что у Гегеля стояло на голове“. Этот материализм и стал философией крайних левых течений,—радикально-буржуазных и социалистических. Последние, как скоро увидим, только родились в своей новой форме накануне немецкой революции [1]). Идеологом капиталистической буржуазии в политической экономии явился Фридрих Лист, настаивавший на том положении, что для полной самостоятельности, независимости страна должна быть не чисто-земледельческой, а промышленно-земледельческой, и потому требовавший в области экономической политики промышленного протекционизма, покровительственной системы. Под его отчасти влиянием сложилась та умеренно-покровительственная политика, которой держался германский таможенный союз.

Немецкая политическая литература первой половины XIX в. также выражала буржуазные тенденции. Здесь прежде всего обращает на себя внимание историческая школа, главными представителями которой были юристы Савиньи и Пухта и историки Нибур и Дальман. Они отрицали рационализм XVIII в., революционную идеологию и революционную практику, утверждали, что в истории главную силу имеет историческая традиция, народный дух, народная стихия. Поэтому, по их мнению, и общество надо строить не по предвзятым теориям, а на основании изучения народного духа, проявляющегося в исторической традиции. Отсюда вышло отрицание конституционных планов, признание, что государственное устройство каждого народа создается историей, и идеализация исторического прошлого немецкого народа—совещательных немецких ландтагов, не ограничивавших монархического (в существе дворянского) самодержавия. Это та же идея, которую в России славянофил Константин Аксаков, опираясь на историческую традицию земских соборов древней Руси, выразил в формуле: „правительству сила власти, земле—сила мнения“. Представители исторической школы в Германии были консерваторами того же типа, как и русские славянофилы. И те и другие являлись вырази-

---

[1]) *Энгельс*, Людвиг Фейербах; *Фейербах*, Сущность христианства.

телями самой зачаточной, первой ступени перерождения дворянства в буржуазию.

Вторую ступень представляли собою либералы, среди которых типичны историки Роттек и Вельнер, унаследовавшие идеологию XVIII века, рассматривавшие свободу как естественное право человека и считавшие народ носителем верховной власти [1]).

Сороковые годы дали в лице Макса Штирнера с его книгой „Единственный и его собственность“, представителя индивидуалистического анархизма, учение которого сводились к абсолютному эгоизму, к обоснованию им права каждой отдельной человеческой личности на все блага и наслаждения, которых она желает, мораль и общественность подвергались здесь совершенному, полному отрицанию.

Немецкий пролетариат уже в то время дал рабочего представителя социалистической идеологии,—Вейтлинга. Отсталость Германии дала возможность первым ее социалистам не начинать с самого начала, не повторять утопий первых социалистов Англии, Франции, Италии, древней Греции и греко-римского мира, а, воспользовавшись их опытом, пойти в ногу с великими утопистами Франции и даже отчасти опередить некоторых из них. Вейтлинг был в Париже в конце 30-х годов, познакомился там с учениями Фурье и Сен-Симона. В 40-х годах в Швейцарии он особенно развил свою пропаганду— устную и печатную. Оттуда он был выслан в Пруссию, где отдан в солдаты, а затем выслан в Лондон. Вейтлингу были свойственны уже идеи о необходимости самодеятельности и самоорганизации рабочего класса, но он все-таки частично возлагал надежды и на пропаганду социализма в буржуазной среде и тем заплатил дань социалистическому утопизму. Не чужды были ему и некоторые религиозные иллюзии [2]).

Наконец, в области экономической, философской и социологической идеологии нового, научного социализма огромное значение имело начало деятельности Маркса и Энгельса.

---

[1]) *Чичерин*, История политических учений.
[2]) См. *Калер*, Вильгельм Вейтлинг.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в Трире и был сыном адвоката, еврея, принявшего в 1824 году протестантство. Семья его отца была зажиточная и культурная. Маркс кончил берлинский университет, где занимался правом, историей и философией и собирался заняться ученой деятельностью и профессурой, но реакционное правительство поставило ему на этом пути непреодолимые преграды. Тогда он обратился к публицистической деятельности и в 1842 г., в Кёльне стал редактировать „Рейнскую Газету". Газета не была социалистической, а только радикально-революционной. Этого было достаточно, чтобы прусское правительство ее закрыло в 1843 г. Когда Маркс уехал в Париж и там в 1844 г. встретился и подружился с Фридрихом Энгельсом, сыном фабриканта, жившим в Англии и написавшим там книгу „Положение рабочего класса в Англии". Мы имеем теперь данные, указывающие на раннее развитие у Энгельса радикальных, атеистических и социалистических симпатий. Возможно, что он здесь первоначально опередил Маркса и оказал на него в известной мере определяющее влияние. В 1845 году Маркс, по требованию прусского правительства, был выслан из Парижа. Он уехал в Лондон, где поселился и Энгельс. Оба друга здесь под влиянием изучения английской действительности и социалистической, экономической, исторической и философской литературы окончательно выработали себе новые научно-социалистические убеждения и в 1847 г., вступив в небольшое по размерам, но интернациональное и рабоче-интеллигентское по составу общество коммунистов, составили и издали „Манифест коммунистической партии". Здесь в основных и очень ярких чертах наметилось уже новое направление социалистической мысли и практики. Исходным пунктом всего построения Маркса и Энгельса явился исторический или экономический материализм, социологическая теория, по которой хозяйство является базисом всего общественного строя и развития, а общественный—главным образом классовый строй, т.-е. деление общества на классы, группы, отличающиеся одна от другой по роли и значению их в народном хозяйстве, борьбою за свои интересы,—создает государство и духовную культуру, причем и та и другая являются над-

стройками, выражающими интересы господствующего класса. Развитие хозяйства и классовой борьбы, с ним связанной, влечет за собой перемены в государстве и в духовной культуре, прежде всего в общественной идеологии. В эпоху крепостного хозяйства господствует дворянство, абсолютизм и бюрократия; затем при капитализме буржуазия с ее государственной конституционностью и соответствующей идеологией; пролетариат, создание капитализма, является носителем социалистической идеологии, причем капитализм в своем развитии будит в рабочем классе социалистическое сознание, концентрируя и эксплоатируя его в колоссальных предприятиях. Капитализм дает ему и формы организации—профессиональной, кооперативной и политической,—необходимые для завоевания социализма, которое произведено будет пролетариатом посредством его диктатуры, захвата власти, когда созреют условия для социалистического переворота, когда капитализм изживет себя, будет уже не содействовать, а противодействовать развитию производительных сил, и рабочий класс достигнет необходимой степени организованности и сознательности под влиянием развития того же капитализма. Изображая таким образом историческую связь социализма с капитализмом, подготовку первого последним, почерпая в капиталистической действительности опору для борьбы за социализм и для его торжества, Маркс и Энгельс дали в „Коммунистическом манифесте“ и критику утопического социализма, бесплодно пытавшегося опереться на просвещение и моральное развитие имущих, чуждого идее классовой борьбы и экономического понимания истории, мелкобуржуазного по своей природе, отражавшего первую стадию в развитии капитализма. „Манифест“ изображал развитие классовых противоречий капиталистического общества, будущее социалистическое сознание рабочего класса и дающее ему организованность, и кончался заявлением, что в будущем рабочему классу нечего терять кроме цепей.

Таково было блестящее начало деятельности основателей научного социализма. Надо, впрочем, заметить, что эта деятельность не имела тогда сколько-нибудь широкого отзвука в Германии. Маркс и Энгельс разошлись

даже с левыми гегельянцами, во главе с Бруно Бауером, которые, будучи, как и они, последователями философии Фейербаха, служившей фундаментом теории исторического материализма, не восприняли ни этой теории, ни вытекающих из нее научно-социалистических выводов [1]).

К дореволюционной эпохе немецкой истории, к эпохе, подготовлявшей революцию, относится отчасти также деятельность консервативного по существу экономиста Родбертуса, не чуждого, однако, известной степени понимания классовых интересов и классовой борьбы и закономерности развития капиталистического хозяйства и общества. Его теории легли в основу будущей аграрной промышленности, в частности особенно рабочей политики Германской империи, поскольку она выразилась в социальном и экономическом законодательстве Бисмарка. Деятельность и идея Родбертуса лучше всего показывают, как слагавшаяся новая буржуазно-капиталистическая действительность разделила старое дворянское миросозерцание и направляла все живые элементы старого общества на пути буржуазно-капиталистической идеологии и на научное изучение жизненных явлений, без которого капитализм невозможен [2]).

Этим последним обстоятельством вообще объясняется развитие немецкой науки в первой половине XIX века: капитализм настоятельно выдвигает научную задачу объективного исследования и изучения действительности. Поэтому в разных областях знания немецкая наука того времени дала выдающихся представителей. Мы уже упоминали об юристах Савиньи и Пухте и историке Нибуре. Первые двое выдвинули на очередь буржуазное гражданское право и образцом его поставили право римское, гражданское право Рима времен империи, Нибур был одним из основателей исторической критики. То же значение принадлежит Шлёцеру. В математике прославили себя такие ученые, как Эйлер (в XVIII в.) и Гаусс. В физике замечательны были открытия Ома и Эрстеда в об-

---

[1]) *Меринг*, Карл Маркс; *Gustaa Mayer*, Friedrich Engels, I, B., Berl. 1921.

[2]) О Родбертусе см. превосходную статью Плеханова в сборнике „За двадцать лет“.

ласти изучения электрических явлений; методы точной физики утвердили в Германии 20-х и 30-х годов Магнус в Берлине и Нейман в Кёнигсберге. В химии началась и развернулась, хотя далеко еще не закончилась, высокоплодотворная деятельность Либиха. В физиологии Шлейден и Шванн положили основание научной теории клетки. Гумбольдт дал образец широкого научного изложения всей системы естествознания.

Остается, наконец, проследить ростки новой буржуазной психологии в художественной литературе и искусстве.

Первое течение, которое обращает на себя внимание в художественной литературе Германии до половины XIX в.—это сентиментальный романтизм. Главным предшественником немецких романтиков был Жан-Поль Рихтер, а настоящими представителями романтизма в первой его ступени являются братья Шлегели, Новалис и Гофман, Уланд и Тик. Из них Шлегели, Новалис и Тик—чистые представители реакционного, сентиментального романтизма, непримиримые противники рационализма и просвещения XVIII века, мистики. Несмотря, однако, на все это, они были бессознательными поборниками новых, буржуазных начал, потому что разрушали старый дворянский классицизм. Подобно Шатобриану во Франции, они знаменовали собою перерождение дворянской культуры в буржуазную.

Это перерождение еще сильнее ощущается у Уланда в его простых, преисполненных глубокого чувства, жизнерадостных стихах. К ним непосредственно примыкают сказки бр. Гриммов и песни Арнима и Брентано. Везде тут чувствуется народность и демократизм.

Что касается Гофмана, то в его произведениях фантастически-страшное сочетается уже с реализмом. Реализм на-ряду с романтическими мотивами и элементами характеризует и драматические произведения Клейста. Реалистическо - сатирические мотивы свойственны и Иммерману в его „Мюнхгаузене", где крестьянин противополагается дворянину и буржуа старого типа.

Любопытна деятельность сына французского эмигранта Шамиссо де Бонкура. В его произведениях видны тоска человека, потерявшего родину, и пренебрежение к буржу-

азному богатству и достатку („Петр Шлемиль"), апофеоз либерализма („Певец"), наконец, слышны у него и покаянные мотивы, проявляется настроение кающегося дворянина: в стихотворении „Замок Бонкур" он выражает радость по поводу того, что почву его родовой земли распахивает крестьянин, и хочет петь песни „доброте и уму и труду".

Австрийский гнет при Меттернихе создал пессимистическую поэзию Ленау с апофеозом самоубийства и трагедии Гриль парцера, в которых реализм и индивидуализм нашли себе яркое выражение.

Но на этом дело не остановилось. Романтизм должен был усвоить и усвоил действительно новое боевое направление в так-называемой „Молодой Германии"—в публицистике Берне, в глубоко-индивидуалистической, мечтательно-иронической и сатирической поэзии Гейне и в „Уриэле Акоста" Гуцкова. Здесь провозглашена была уже определенно революционная, республиканская программа, которая затем нашла себе также выражение в поэзии Гервега и Фрейлиграта [1]).

Соответствующие явления наблюдаются в живописи и в музыке. В живописи мы видим сентиментальный романтизм назорейцев и дюссельдорфцев (Корнелиус, Овербек) и зарождение реализма у Менцеля, главная деятельность которого относится уже к позднейшему времени. Музыкантами-романтиками были Шуберт, Мендельсон и Шуман. Фантастический и мечтательный романтизм Шуберта выразился в его симфониях и песнях („Лесной царь", „Серенада"). Мендельсон культивировал по преимуществу форму, которой придал законченность. Легкая мелодичность его песен без слов—самое характерное для песен. У Шумана наблюдается уже много примесей реализма. В своих песнях воспевает бюргерское счастье и уносит в мир грез неясных стремлений [2]). Историческую большую оперу с внешними эффектами, но и реалистическими элементами, сильно выраженными, создал Мейербер [3]). Не надо, наконец, забывать, что в

---

[1]) *Куно-Франке*, Ист. нем. литературы III, стр. 409—558.

[2]) *Размадзе*, Очерк ист. музыки, ч. 4-я, стр. 110 и след.; *Вальтер*, Мендельсон, Шопен и Шуман: „Совр. Мир" за 1910 г., № 7.

[3]) *Размадзе*, Оч. ист. муз., стр. 99—109.

40-х годах началась деятельность Вагнера, революционера в музыке, а тогда также и в политике,—в то время появились его „Тангейзер“ и „Лоэнгрин“—и что Бетховен, этот гениальный выразитель индивидуализма и новой сложной общественной культуры в музыке, действовал в ту же пору.

Протесты против старины и зародыши революции сказывались и прямо, непосредственно, в движениях учащейся молодежи и в волнениях крестьян и рабочих. Напомним основные из этих явлений.

В 1817 г. в Вартбурге на празднике трехсотлетия реформации и годовщины лейпцигского сражения немецкие студенты сожгли на костре символы реакции и военщины—косичку, корсет и капральскую палку и ряд реакционных сочинений—и произнесли несколько революционных речей. В 1819 г. студент Занд убил писателя и шпиона русского правительства Коцебу. Германский сейм издал тогда так называемые колсбадские постановления против университетов и печати. В 1832 г. в рейнском Пфальце у развалин замка Гамбах преследуемый реакционными правительствами историк Вирт организовал празднование „Германского мая“, на которое собралось 30 тыс. человек, и были опять произнесены революционные речи. Сейм ответил на это сильной урезкой и тех очень невинных конституций, которые имелись, как нам известно, в германских государствах, и жестокими преследованиями всех, сколько-нибудь отклонявшихся в своем образе мыслей от реакционной традиции. В 1833 г. сделана была неудачная попытка напасть на сейм во Франкфурте и разогнать его. „Молодая Германия“ Бёрне и Гейне продолжала с успехом дело революционной подготовки интеллигенции в 30-х и 40-х годах, несмотря на все преследования немецких правительств.

Крестьянские массы Германии начали серьезно волноваться в 1830 г., когда в верхнем Гессене началось огромное аграрное движение, с трудом усмиренное военной силой. В 30-х и особенно в 40-х годах это движение шло вперед, периодически вспыхивая и временно потухая.

И в рабочем классе, наконец, начиная с 30-х годов, идут сплошной полосой стачки и манифестации. В 1844 г

они вылились в форму большого бунта силезских ткачей, сопровождавшегося разрушением не только домов фабрикантов, но и машин, которые рабочие, еще малосознательные, темные, пытались уничтожить, видя в них причину своего тяжелого положения. В 1844 же году произошли крупные рабочие беспорядки в Чехии,—в Праге, Лейтмерице, Кенниггреце, Рейхенберге. Надо, наконец, прибавить, что с 1845 года в Германии и Австрии начался острый экономический кризис, атмосфера которого, несомненно, питала революционные настроения в среде рабочего класса. В Вене в 1847 г. наступила дороговизна съестных припасов: цена ржи поднялась на 10%, пшеницы на 30%, ячменя на 60%, а картофеля даже на 155%[1]). Это вызвало большие беспорядки, сопровождавшиеся разграблением булочных и съестных лавок.

Под конец чувствовалось, что все нити натянуты до последней крайности и готовы порваться. Это особенно ярко выражалось в Бадене и в Венгрии—двух местах, где дышалось относительно свободнее, и не все отдушины и клапаны были плотно закрыты. Баденские радикалы-республиканцы Геккер и Струве 12 сентября 1847 г. собрали в Оффенбурге народное собрание, которое потребовало свободы печати, совести и обучения, присяги войска конституции, неприкосновенности личности, представительного управления в Германии, суда присяжных, справедливой системы обложения, уничтожения всех привилегий и устранения ненормальных отношений между капиталом и трудом. В венгерском сейме Кошут и предводительствуемая им конституционно - демократическая партия вели ожесточенную борьбу против режима Меттерниха. Они вступили в союз с крестьянством, проведя постановление об обязательности для помещиков выкупа повинностей, если того пожелают крестьяне [2]).

---

[1]) *Степанов и Базаров*, Очерки по ист. Герм., стр. 94.
[2]) Там же, стр. 98—99.

II.

Первый момент революции 1848 г. в Германии.

Первый момент развития немецкой революции охватывает весь март 1848 года.

Сигналом к взрыву послужило известие о февральской революции во Франции: этот внешний повод переполнил чашу, дал последний толчек тому движению, которое, как мы только что видели, давно слагалось и назрело в Германии.

Дело началось в самом передовом из германских государств—Бадене. 27 февраля 1848 г. в Мангейме состоялось большое собрание граждан под председательством старого радикала Ицштейна. Были произнесены революционные речи. Сошлись здесь вместе и умеренно-либеральные бюргеры, и радикалы из мелкой буржуазии, участвовали и некоторые из рабочих. Все были единодушны, хотя либералы Мати и Бассерман уже говорили об „осмотрительности". Решено было, чтобы 400 мангеймских граждан представили второй палате в Карльсруэ петицию о благосостоянии, образовании и свободе всех классов общества, об учреждении народной милиции, свободы печати, суда присяжных и германского парламента. Петиция нашла поддержку среди радикальных депутатов в палате во главе с Геккером, а 1-го марта в Карльсруэ начались многолюдные народные собрания, на которых радикалы-республиканцы провозгласили лозунг „да здравствует республика". Это движение масс заставило палату депутатов принять новую петицию, которая по содержанию совпадала с радикальной программой, выработанной и проведенной Геккером и Струве в 1847 г. в Оффенбурге: здесь требовался германский парламент,

основанный на всеобщем избирательном праве, уничтожение всех привилегий и „устранение неправильных отношений между капиталом и трудом“. Великий герцог баденский отставил реакционное министерство и 5 марта новое правительство заявило, что оно выработает законопроекты, согласные с петицией палаты. Волнение крестьян заставило отменить остатки феодальных повинностей [1]).

Уже эти баденские события показали, что революция совершается на широкой социальной базе, хотя вместе с тем каждая группа общества, в ней принимавшая участие, имела и сознавала свои интересы: у рабочих то были интересы экономические—отношения между трудом и капиталом, у радикальной интеллигенции республика, у либералов умеренная конституция и гражданское равноправие. Пока состоялся и держался компромисс с уклоном в сторону буржуазного либерализма и с уступкой радикалам всеобщего избирательного права, а рабочим неопределенного обещания устранить „неправильные отношения между капиталом и трудом“. Крупно- и средне-буржуазная правая, мелкобуржуазный центр и рабочая левая революции все же ясно и отчетливо определились.

То же сочетание социальных сил сказалось в первоначальных революционных событиях в других частях Германии.

В Вюртемберге 2 марта в штутгартской городской думе состоялось многолюдное собрание, где либеральный депутат Ремер изложил в петиции требования, не шедшие далее того, чего желала либеральная буржуазия. В ближайшие дни посыпался целый град петиций из других городов. Король уничтожил цензуру и, сменив старое министерство, попытался было заменить его другим, по существу с ним однородным, но это не удовлетворило даже и либеральную буржуазию, и было составлено либеральное министерство Пфицера, Дювернуа и Ремера. В крестьянской стране пришлось пойти и на соответствующие уступки: даже вюртембергские землевладельцы, под влиянием начавшихся крестьянских волне-

---

[1]) *Базаров и Степанов*, Очерки по ист. Герм. в XIX в., I, стр. 113—114, 116.

ний, согласились на выкуп остатков феодальных повинностей за 12—16 процентов, тогда как до революции они отвергали выкуп за 25% [1]).

В Баварии петиции королю с новыми требованиями предъявили Нюренберг, потом Мюнхен и другие города. Так как король сопротивлялся и стал готовить вооруженную силу, то и буржуазия и рабочие разгромили арсенал и вооружились, что заставило короля Людвига призвать к власти либеральное министерство, а 20 марта отречься от престола в пользу сына своего Максимилиана II. Установлена была ответственность министров, объявлены выкуп феодальных повинностей, гласность суда и свобода печати [2]).

В Гессен-Дармштадте первым представил петицию город Майнц, за которым последовали другие города, и под влиянием этого составилось либеральное министерство фон-Гагерна [3]).

В Кургессене центром противоправительственного движения стал город Ганау, жители которого вооружились и готовы были дать отпор войскам курфюрста. Но сооружение баррикад в столице — Касселе и движение 20-ти тысячной толпы к дворцу заставили курфюрста пойти на уступки и призвать к власти министерство либералов Виппермана и Эбергарда [4]).

В Нассау революция началась 1-го марта. Здесь вооружились крестьяне и висбаденские бюргеры и рабочие и заставили герцога уступить всем их требованиям [5]).

В Саксонии действовала либеральная буржуазия во главе с Робертом Блюмом и Бидерманом, республиканцы, вождем которых был Арнольд Руге, и социалисты, но все они держались сообща и сошлись пока на платформе Блюма и Бидермана, требования которой и были формулированы в петиции лейпцигских городских гласных, представленной королю 2 марта. Король объявил эту петицию незаконной, что вызвало в Лейпциге взрыв

---

[1]) Там же, стр. 114—115, 117.
[2]) Там же, стр. 118—120.
[3]) Там же, стр. 121—122.
[4]) Там же, стр. 122—123.
[5]) Там же, стр. 123—124.

негодования и готовность с оружием двинуться в Дрезден. Отвергнуты королем были и аналогичные требования шести других городов. Но волнения крестьян, рабочих и дрезденской буржуазии вынудили короля на уступки: в министерство были призваны либералы Браун и Оберлендер, и программа его удовлетворила предъявленным требованиям [1]).

6 марта началось движение в Ганноверском королевстве: стали поступать петиции буржуазии, студенты устраивали демонстрации, в самом Ганновере были разгромлены дома министров и полицейских чиновников, пришли в волнение крестьяне, и король-абсолютист Эрнст-Август вынужден был уступить по всем пунктам [2]).

В Веймаре студенты и крестьяне заставили 11 марта призвать либеральное министерство Виденбругка, а затем подобные факты и их результаты имели место и в более мелких немецких государствах [3]).

Очень скоро революция стала принимать и общегерманский характер, простирать свое влияние и на устройство Германии как единого целого: 5 марта в Гейдельберге собрались немецкие либералы и радикалы в количестве 51 человека, причем подавляющее большинство было из южной и западной Германии, из Пруссии прибыли только двое, из Австрии один. Собрание издало либеральную прокламацию к немецкому народу. В ней требовался созыв „собрания представителей нации со всех частей Германии, избранных в соответствии с численностью населения". Кроме того, был выбран комитет из семи лиц — шести либералов и одного радикала — для выполнения постановлений собрания. Эти семеро пригласили на 30 марта во Франкфурт на Майне всех сколько-нибудь видных деятелей, бывших членами ландтагов или конституционных палат в разных немецких государствах, в так называемый предварительный парламент [4]).

Позднее всего революция разразилась в Австрии и Пруссии.

---

[1]) Там же, стр. 124—126.
[2]) Там же, стр. 126—127.
[3]) Там же, стр. 127—128.
[4]) Там же, ст. 129—131.

Из владений Габсбургского дома раньше всех поднялась Венгрия. 3 марта Кошут дал в сейме уничтожающую критику системы Меттерниха, высказался за братство национальностей Австрийской монархии и провел постановление о посылке депутации с ходатайством об учреждении ответственного национального министерства и об установлении конституционного строя.

Соответствующий адрес представила и чешская Прага.

Затем с адресами о перемене системы управления обратились к императору австрийский промышленный союз, т.-е. крупная буржуазия, венские горожане и 2.000 студентов, собравшихся в актовом зале венского университета.

13 марта в городской думе Вены собрался ландтаг—старое сословное представительство. Его окружила огромная толпа, требовавшая свободы печати, конституции, ответственности министров. Но после того как один из студентов прочитал речь Кошута, к этим требованиям прибавились новые: „долой Меттерниха“, „долой иезуитов“, „народная милиция“. Войска под начальством эрцгерцога Альбрехта попытались разогнать народ, причем дали залп, и оказалось пятеро убитых. Это послужило сигналом к беспорядкам во всем городе. Кое-где начали строить баррикады. Толпа, разгонявшаяся войсками в одной части города, собиралась в другой. Рабочие из предместьев двинулись в город, но ворота оказались запертыми, и тогда произведен был разгром домов некоторых фабрикантов, разрушены некоторые фабрики, и уничтожены машины. Во дворец явились разом три депутации—от ландтага, бюргеров и студентов. Но эрцгерцоги и Меттерних долго не шли ни на какие уступки и грозили расстрелом даже представителям крупной буржуазии. Но когда артиллеристы отказались повиноваться приказу эрцгерцога Максимилиана стрелять картечью в толпу, собравшуюся у дворца, и пришло известие, что по всему городу идет стрельба, эрцгерцогиня София и эрцгерцог Иоганн настояли на отставке Меттерниха, который после того бежал в Лондон. Вечером город был иллюминован. Студенты вооружили свой „академический легион“ для защиты революции. Вече-

ром 14 марта от имени императора Фердинанда издано было воззвание, в котором возвещена свобода печати, учреждение национальной гвардии и созыв представителей сословий от всех частей империи для выработки по соглашению с императором конституции. Венгрия также получила удовлетворение своих требований и в том числе ответственное национальное министерство.

Победа революциии, единого революционного фронта была таким образом достигнута и в Австрии и в Венгрии [1]).

В Пруссии в начале марта началось движение в передовой Рейнской провинции—в Кёльне, где средняя и мелкая буржуазия собралась на дворе собора, а пролетариат на Старом Рынке. Когда вечером городской думе предъявлены были петиции, и около ее здания собралась толпа, войска заставили очистить площадь. Но буржуазия заявила обер-президенту провинции, что уступки совершенно необходимы.

В Берлине под влиянием событий во Франции, южной и западной Германии еще 6 марта состоялось первое народное собрание в Тиргартене, „под палатками", т.-е. около находившихся там пивных и кофеен. 7-го состоялось второе собрание, на котором формулированы обычные либеральные требования, изложенные в адресе королю. Но президент полиции не допустил депутацию с адресом и предложил послать его почтой. Однако, король 8-го марта оповестил об уничтожении цензуры. 9-го огромное собрание под палатками просило городскую думу вручить королю выработанный 7-го адрес. Дело кончилось тем, что послали его по почте. Между тем вследствие безработицы волновались и рабочие.

13-го марта пришли известия из Кёльна. Правительство расположило в разных частях города войска. Собрание под палатками провозгласило необходимость учреждения министерства труда. Но при возвращении с этого собрания войска напали на возвращавшихся, атаковав их в штыки.

Весть о венских событиях и о бегстве Меттерниха подняла настроение в Берлине очень высоко. 15 марта

---

[1]) Там же; *Бах*, Австрия в XIX в.

войска стреляли в толпу у дворца, были убитые и раненые. 16-го последовал новый расстрел толпы на Оперной площади. 17-го состоялся ряд собраний в разных частях города, и решено было итти толпой к дворцу и передать королю адрес с требованиями свободы печати, ускорения созыва соединенного ландтага, удаления войска и вооружения граждан. 18-го король принял депутацию Рейнской провинции и ответил на ее заявления согласием. То же сказал он и депутации городских граждан и издал два указа с ускорением созыва объединенного ландтага и объявлением свободы печати. Началось ликование и клики в честь короля.

Буржуазия была довольна, и считала дело конченным. Но рабочие думали иначе. Когда министр Савиньи попробовал втолковать одному рабочему, что король дал больше, чем у него требовали, рабочий, сумрачно окинув его взглядом, сказал: „старина, ты не понимаешь этого,—не дали решительно ничего".

И как будто в подтверждение этого в 2 часа дня гренадеры на дворцовой площади стали стрелять в толпу, требовавшую их удаления. Город покрылся баррикадами и на улицах началась настоящая гражданская война. Рабочие, студенты и бюргеры единодушно бились на баррикадах. Сражение продолжалось и ночью. Войска очистили от баррикад Королевскую улицу, но Александровской площадью они овладеть не могли ни ночью, ни на следующий день, 19 марта. В 7 часов вечера 18-го король выпустил воззвание, обещавшее отозвать войска, если население уничтожит баррикады и прекратит восстание, вызванное „шайкой злонамеренных лиц главным образом из иностранцев". Воззвание не произвело впечатления. Восстание продолжалось. Тогда, наконец, король приказал войскам уйти из Берлина. И в прусской столице революция таким образом победила [1]). Составилось либеральное министерство, самыми влиятельными членами которого были Кампгаузен и Ганземан. 22 марта вышло воззвание короля, обещавшее прямые выборы, гарантии личной свободы, свободы союзов и собраний,

---

[1]) *Базаров и Степанов*, Очерки по ист. Герм., I, стр. 150, 170.

гражданское ополчение, ответственность министров, распространение суда присяжных на дела политические и дела печати, уничтожение вотчинной юстиции и полиции в деревне [1]).

Первый момент немецкой буржуазно-демократической революции закончился действиями предварительного парламента, созванного во Франкфурте на Майне комитетом семи, выбранным на гейдельбергском собрании, на 30 марта 1848 года. Собралось всего 511 человек. Между ними были представители либеральной правой и радикального центра, но не было ни одного рабочего.

Здесь обнаружились разногласия между правой революции, стоявшей за конституционно-монархическую Германию, и центром, который устами Струве и Геккера отстаивал республику. Вопрос был отложен решением до учредительного национального собрания. Предварительный парламент постановил созвать такое собрание на основе всеобщего избирательного права, по одному депутату на каждые 50 тысяч жителей. Но прямые или двухстепенные выборы должны быть,—этопредоставлено было усмотрению отдельных немецких правительств[2]). Вместе с тем отвергнуто было предложение Геккера, чтобы предварительный парламент заседал непрерывно до начала действий учредительного собрания, и принято предложение Гагерна о выборе особой комиссии 50-ти, которая „должна вступить в соглашение с союзным сеймом и вместе с ним обсуждать вопросы о защите интересов нации“ [3]). В конце-концов 79 республиканцев и демократов даже оставили предварительный парламент, когда он не принял предложения об исключении из сейма всех его членов, голосовавших за калсбадские и им подобные реакционные постановления. Это был уже признак первого конфликта между революционным центром и правой. Впрочем, Ицштейну удалось вернуть протестантов и поддержать на время единый революционный фронт. Однако, предварительный парламент, по настоянию либералов, боявшихся, что их обвинят в при-

---

[1]) Там же, стр. 183—184.
[2]) Там же, стр. 195—196, 199.
[3]) Там же, стр. 201.

тязании на роль временного правительства, не устачовил немедленно всенародной милиции, т.-е. не создал революционной армии, а поручил комиссии пятидесяти позаботиться об ее осуществлении. В комиссии 50-ти большинство—38—принадлежало либералам, радикалы и республиканцы получили только 12 голосов [1]).

---

[1]) Там же, стр. 202—205.

III.

Первый конфликт революционного центра и левой с революционной правой.

Предварительный парламент разочаровал республиканский центр и заставил некоторых вождей республиканцев поднять восстание. В приозерной области Бадена вождем восстания должен был явиться Фикер, но он был арестован при выезде на место восстания либеральным депутатом Мати. Его сменили там Геккер, Струве и Меглинг. Они выехали в Констанц, откуда 13 апреля 1848 года Геккер выступил во главе всего 57-ми человек. При дальнейшем движении его отряд возрос до 900 человек. В то же время к восстанию с опозданием решила присоединиться часть гражданской милиции города Констанца под предводительством Зигеля. Наконец, поэт Гервег с легионом, состоявшим из немецких рабочих в Париже и нескольких десятков французов стоял на Рейне, и его жена явилась и Геккеру с предложением соединиться. Если бы это случилось, и все указанные сейчас силы составили одно целое, получился бы отряд тысяч в шесть человек. Тут была мелкобуржуазная молодежь, рабочие, небольшое число крестьян, вооруженных косами.

Это состояние сил восставших очень показательно: республиканский центр революции был слаб; крестьяне не пошли за ним, потому что с отменой повинностей и остатков крепостничества в массе своей стали контр-революционными; поддержка рабочих была отвергнута самим Геккером: он отказался соединиться с Гервегом. Таким образом, революцонные центр и левая действовали разрозненно. Да и отдельные отряды центра не

соединились и были разбиты баварскими, баденскими, вюртембергскими, гессенскими и нассаускими войсками по частям. Отряд Геккера был разбит под Кандерном, Зигель и Струве потерпели поражение под Фрейбургом, причем во Фрейбурге было подавлено восстание рабочих и студентов, Гервег был разбит при Нидердоссенбахе. Восстание было в Мангейме, рабочие также были усмирены баварскими войсками [1]). Этим кончен был первый конфликт левой и центра революции с правой в западной и южной Германии. Он ознаменован был тем, что, во-первых, левая и центр не объединились, во-вторых, они были слабы и плохо организованы, в третьих, по этим причинам потерпели поражение.

Чем объясняются все эти особенности?

В конечном счете их следует объяснять тем, что немецкая революция была поздней, чем французская, и вместе с тем не настолько поздней, чтобы создать организованную и сильную социалистическую левую.

В самом деле: более ранняя великая французская революция имела мощную и диктаторски-организованную мелкобуржуазную якобинскую левую, к которой сначала безраздельно (вследствие того опять-таки, что революция была ранняя) примыкала рабоче- и интеллигентски-социалистическая крайняя левая; якобинцев не было в немецкой революции: Геккер, Струве и их единомышленники были похожи более на жирондистов, чем на якобинцев, и потому не пошли на союз с рабочими и социалистами; в свою очередь и крестьяне почти не оказали поддержки восставшим: поздняя немецкая революция застала уже гораздо меньше феодально-крепостнических остатков в деревне, чем то было во Франции конца XVIII в., и крестьяне после отмены их удовлетворились; наконец, рабочие и социалистическая интеллигенция, будучи сильнее, чем в великую революцию во Франции, тем самым вызывали опасение в мелкой буржуазии типа Геккера и Струве и в то же время не были достаточно сильны, чтобы самостоятельно выступить и победить по-якобински: для этого Германия 1848 г. была еще

---

[1]) *Базаров и Степанов,* Оч. по ист. Герм., I, стр. 209—222.

недостаточно капиталистической страной, революция в ней наступила недостаточно поздно.

Весь этот причинный анализ первого конфликта революционных сил в южной и западной Германии подтверждается и историей такого же конфликта их в Австрии и Пруссии того времени.

В Вене первый конфликт революционных сил произошел в мае 1848 года. У власти тогда находилась революционная правая, министром которой был либерал Пиллерсдорф. Революционный центр имел представителем центральный комитет национальной гвардии. Левая слагалась из студенчества, организованного в академический легион во главе со студенческим комитетом, и рабочих, которые никакой организации не имели, страдали от безработицы, работали в значительной мере на общественных земляных работах и только на железных дорогах и некоторых фабриках добились 10-часового рабочего дня, прибавки заработной платы в 10% и проч.

26 апреля была сделана попытка дать сверху, октроировать конституцию, выработанную Пиллерсдорфом, с аристократической верхней палатой и абсолютным вето императора, а также с сохранением старых провинциальных собраний. Революционная правая вполне была довольна этой конституцией, но центр и левая ее отвергли: центральный комитет национальной гвардии и студенческий легион начали против нее агитацию. Тогда 13 мая начальник национальной гвардии граф Гойос закрыл центральный комитет. Вечером 14 мая центральный комитет, поддержанный студентами, решил не расходиться, требовать всеобщего избирательного права и, в случае отказа, обратиться с „петицией натиска“. Академический легион с поддержкой 10 тысяч рабочих вышел 15 мая на улицу. Тогда Пиллерсдорф уговорил императора Фердинанда уступить: конституция 26 апреля объявлена была лишь проектом, заявлено что рейхстаг, собранный на основе всеобщего избирательного права, установит конституцию окончательно.

Население успокоилось. Тогда Пиллерсдорф провел по крайней мере двухстепенные выборы в рейхстаг и во франкфуртский парламент от Австрии: австрийская крупная буржуазия не хуже французской при Наполеоне по-

нимала огромные для нее выгоды от непрямых выборов. Кроме того, революционная правая по соглашению с реакционерами допустила отъезд императора Фердинанда из Вены в Тироль—в Инспрук. Два журналиста Гефнер и Тувора попытались 17 мая провозгласить республику, но были арестованы, как и многие студенты и рабочие. Отъезд императора повел к падению всех ценностей на бирже, к массовым требованиям вкладов из банков.

Тогда революционный мелкобуржуазный центр сдал все позиции, и центральный комитет национальной гвардии распустил себя сам.

Студенческая и рабочая левая революции оказалась одинокой. Этим решило воспользоваться правительство крупной буржуазии, осоюзившееся с реакцией, и 26 мая издано было распоряжение о роспуске академического легиона. Тогда рабочие, студенты и часть национальной гвардии вооружились, и 160 баррикад покрыли Вену 26 мая.

Правительство отменило приказ о роспуске академического легиона, освободила, по требованию рабочих, Гефнера и Тувору и согласилась на учреждение комитета безопасности из студентов и граждан, для заведывания общественными делами Вены и для наблюдения за тем, чтобы права народа не подвергались нарушению [1]).

Первый кофликт революционных сил в Вене привел таким образом к компромиссу, к соглашению их всех. Причина лучшего, чем в западной и южной Германии, исхода заключалась в большей силе революционной левой — студентов и рабочих: Вена была более индустриальным городом, чем небольшие города Бадена и Вюртемберга.

Еще шаг вперед в индустриальном развитии сравнительно с Австрией сделан был Пруссией. И потому рабочая и социалистическая левая имела здесь некоторые, хотя и слабые, зародыши организации и программы. В Берлине и центр и правая революции были более организованы, чем где-либо. Правая имела „конституционный клуб“ во главе с Летте, центр „политический“ или „демократический клуб“, председателем которого был Юнг, и некоторые члены которого имели связь с ра-

---

[1]) Там же, стр. 261—271.

бочими. Берлинские рабочие 26 марта собрались на площади у Шенгаузских ворот в количестве 20 тысяч человек и выставили следующую программу: 1) министерство труда, составленное из работодателей и рабочих; 2) сокращение численности постоянного войска; 3) народное образование; 4) призрение инвалидов труда; 5) удешевление правительства; 6) созыв нового ландтага на основе всеобщего и прямого избирательного права. Часть рабочих организована была 19-летним Шлеффелем. „Народный ферейн" с его председателем Шаслером стремился в основу своего состава положить именно рабочих, но программа его—„истинно-народное ополчение, народное представительство и народное образование"—была слишком узка.

2-го апреля в Берлине собрался соединенный ландтаг и постановил двухстепенные выборы в будущее национальное собрание, которое должно было по соглашению с королем, т.-е., не будучи полновластным учредительным собранием, установить новый государственный строй Пруссии. Затем ландтаг проголосовал „закон шести параграфов", о свободе печати, суде присяжных по делам печати и политическим преступлениям, независимости судей, свободе союзов и собраний, религиозной свободе, наконец, о том, что впредь без согласия народного представительства невозможно издание законов, производство расходов и сбор налогов. Ландтаг разрешил также заем в 40 миллионов, из которых 25 назначены на армию, а 15 на меры к устранению тяжелого положения в торговле и промышленности. Он попробовал было сам назначить представителей Пруссии в будущий общегерманский перламент во Франкфурте, но, когда и массы демократии и Франкфуский комитет пятидесяти отвергли это, ограничился тем, что и выборы в общегерманский парламент от Пруссии установил двухстепенные.

Уже 2-го апреля большое народное собрание, созванное народным ферейном Шаслера под палатками в Тиргартене, потребовало прямых выборов для всех мужчин с 21 года и пассивного избирательного права с 24-х лет. „Политический клуб" революционного центра также стоял за прямые выборы. Но правая, ее „конституционный клуб", стояли за выборы двухстепенные. 10 апреля

на новом огромном собрании было решено отстаивать прямые выборы и организовать с этою целью грандиозную демонстрацию; выбран был народный избирательный комитет, олицетворявший собою союз центра и левой. В него вошли, между прочим, литератор Борн, последователь научного социализма Маркса, член общества коммунистов, Шаслер, Шлеффель, Юнг, несколько студентов и рабочих, между которыми был и машиностроительный рабочий Зигерист. Рабочие добились того, чтобы поурочная плата на общественных работах для безработных была заменена платой за рабочий день. Стефан Борн [1]) делал почти бесплодные пока усилия создать совершенно самостоятельную рабочую организацию. С этою целью он устроил „центральный комитет рабочих“, председателем которого был выбран он сам.

Предположенная демонстрация грозила столкновением с гражданским ополчением, и потому Борн высказался против нее, боясь сыграть в руку реакции; он вышел из народного избирательного комитета, за ним вышли многие другие видные демократы. Но Шлеффель упорствовал и, когда 20 апреля демонстрация не удалась, так как вооруженное гражданское ополчение ей помешало, был арестован, предан суду по обвинению в сочувствии восстанию и призыве к демонстрации перед дворцом и осужден на шестимесячное заключение в крепость и лишение гражданских прав.

Двухстепенные выборы повели к победе либералов и реакционеров; лишь немногие отдельные демократы прошли в Прусское национальное собрание и во франкфуртский парламент [2]).

Так уже при первом конфликте революционных сил определилось из взаимоотношение, продиктованное уровнем экономического развития.

---

[1]) Это был его литературный псевдоним, настоящая его фамилия была Буттермильх.

[2]) Там же, стр. 236—256.

IV.

Третий момент: революционная правая у власти.

Крупная и средняя буржуазия во время германской революции была сильнее, чем так же конституционно-монархически настроенная крупная и средняя буржуазия великой французской революции, потому что Германия половины XIX в. была более капиталистической страной, чем Франция конца XVIII в., или, другими словами, вследствие сравнительной запоздалости немецкой революции. Но это не значит, что немецкая крупная и средняя буржуазия была сильнее в немецкой революции, чем соответствующая группа в революции французской. Прежде всего не надо забывать, что именно вследствие запоздалости революции в Германии классовые противоречия буржуазии и пролетариата были в ней значительнее, чем во Франции, и тем отбрасывали сельскохозяйственную, по крайней мере, часть буржуазии в лагерь контр-революции: многие дворяне-землевладельцы уже переродились в буржуа, но из опасения красного призрака стояли за абсолютизм или полуабсолютизм. А затем конституционно-монархическая, либеральная партия крупной и средней буржуазии ослаблялась и тем, что сильна сравнительно с французской революцией и относительно более организована была рабочая и социалистическая левая, что пугало и либеральную буржуазию, заставляло ее бояться масс, отказываться от опоры на них, жить чисто конституционными иллюзиями.

По всем этим причинам революционная правая в Германии хотя и получила доступ к власти в национальных собраниях и мартовских либеральных министерствах, но, во-первых, она, как только что сказано, страдала конституционными иллюзиями, парламентским кретинизмом,

а во-вторых, она делила эту власть с контр-революционными силами, лишь частично переродившимися в буржуазию или оставшимися старо-дворянскими.

Этими чертами и характеризуется третий момент немецкой революции—пребывание у власти революционной правой.

Мелкие германские государства жили в 1848 году при той конституции, которую они установили в марте и при либеральных мартовских министерствах. Участь их всецело зависела от имперской конституции, от результатов работы франкфуртского парламента.

Франкфуртский парламент собрался 18 мая 1848 г., и большинство в нем, несомненно, принадлежало либерально-буржуазной правой революции, почему и председателем его был выбран Генрих фон-Гагерн, главный вождь либералов. Левая парламента была в сущности революционным центром, мелкобуржуазной демократией в стиле жирондистов. Она возглавлялась Робертом Блюмом. Были тут и элементы крайней левой, с якобинским оттенком, как Шлеффель (отец молодого Шлеффеля, известного нам по Берлину), Трюцшлер, Циц, Симон и Арнольд Руге, но они были очень слабы.

Сообразно своему преобладающему составу франкфуртский парламент не озаботился и не мог озоботиться созданием своего самостоятельного войска, реальной опоры его власти: это повело бы к его столкновению с немецкими правительствами, что вовсе не входило в планы крупной буржуазии. Поэтому же франкфуртский парламент не создал и исполнительной власти, вполне от него зависящей и столь же сильной, как якобинский комитет общественного спасения. Приходилось считаться с соперничеством двух больших немецких держав—Пруссии и Австрии. И большинство парламента склонялось к тому, чтобы учредить временную центральную власть из неответственного имперского правителя и ответственного министерства, им назначенного. Центральная власть должна была „входить, насколько возможно, в соглашение с уполномоченными союзных правительств“. Имперским правителем был избран австрийский эрцгерцог Иоганн. Он составил министерство смешанное из умеренных либералов с старыми реакционерами и бюрокра-

тами. Во главе министерства стоял сначала князь фон-Лейнинген, потом барон фон-Шмерлинг.

Затем франкфуртский парламент занялся выработкой проекта основных прав немецкого народа и занимался этим целых пять месяцев. Когда парламент согласился на перемирие с Данией, с которой шла борьба из-за Шлезвига и Голштинии, то этим было вызвано сентябрьское восстание во Франкфурте, но оно было подавлено прусскими, австрийскими и гессен-дармштадтскими войсками. В то же время Струве провозгласил в Леррахе немецкую республику, но его бунт был подавлен баденскими войсками. Бесплодны были происшедшие тогда же волнения в Вюртемберге и в Кёльне. Все эти движения указывали только на слабость мелкобуржуазной демократии, на невозможность якобинской диктатуры в германской революции.

Наконец, зимой 1848 года франкфуртский парламент принялся за выработку имперской конституции. Но это было уже время, когда в Пруссии и Австрии революция была разгромлена. Характер и судьбы этой конституции связаны таким образом с другим периодом в истории немецкой революции и о них у нас пойдет речь впереди в свое время.

Теперь посмотрим, что делала, находясь у власти, революционная правая в Австрии и Пруссии.

Прусское национальное собрание выработало конституцию, по которой провозглашено было равенство всех перед законом (уничтожение сословий), свобода личности, передвижения, собственности, совести, обучения, печати, собраний, союзов, петиций, уничтожены были остатки феодальных повинностей, вотчинная юстиция и полиция; учреждена была двухпалатная система, двухстепенные выборы на основе всеобщего избирательного права, ответственное министерство.

Австрийский рейхстаг так и не успел выработать конституцию. Единственным крупным результатом его деятельности была отмена остатков феодальных повинностей, вотчинной юстиции и полиции, произведенная на основе выкупа, хотя и невысокого.

Все конституционные проекты либерального большинства немецкой революции так и остались без выпол-

нения, без применения в действительности хотя бы на время. Их поглотила и аннулировала реакция.

Мы знаем уже отчасти причины этого: относительную слабость и правый уклон крупной и средней буржуазии, слабость буржуазии мелкой и почти полное отсутствие в ней вследствие этого якобинской революционности, сравнительно довольно ясно обозначавшуюся опасность со стороны рабочей социалистической левой. Эту картину, для понимания последовавших затем событий хода и исхода немецкой революции, необходимо еще дополнить фактами, характеризующими другую сторону в положении левых: их слабую организованность и внутренние противоречия. То и другое объясняется, как сейчас будет видно, тем, что, хотя капитализм в Германии и развивался уже, но он не достиг такого уровня, при котором рабочая и социалистическая левая могла бы захватить власть.

Здесь обращает на себя внимание прежде всего большое число мастеров-ремесленников и ремесленных подмастерьев. 2-го июня 1848 года в Гамбурге состоялось „собрание делегатов северо-германского ремесленного и промышленного сословия". Это собрание высказалось экономически-реакционно за цеховой строй, против свободы промышленности и решило на 15 июля созвать во Франкфурте на Майне съезд представителей „ремесленного сословия" для выработки ремесленного и промышленного устава. На этот съезд собралось 166 делегатов, в том числе 10 подмастерьев, остальные мастера. Мастера сначала не допустили подмастерьев, потом допустили их только с совещательным голосом, но было уже поздно; подмастерья составили свой особый съезд. Комитет съезда мастеров заседал вместе с народно-хозяйственной комиссией франкфуртского парламента, но ни съезд, ни эти совместные заседания ни к чему не повели, потому что мастера были противниками капитализма, сторонниками экономической реакции. Им, за небольшими исключениями, вторили и подмастерья на своем съезде. И в то же время мастера шли и против интересов пролетариата, и даже ремесленные подмастерья со своей старой цеховой психологией вносили рознь в ряды рабочего класса.

Но этого мало: и фабричные рабочие Германии были отсталыми и дезорганизованными. Часть из них шла за утопизмом Вейтлинга, который появился в Берлине в июле 1848 г., но скоро был оттуда выслан. Он уехал в Гамбург и Альтону, где основал секцию своего „Союза освобождения“, который был им организован в Америке. Впрочем, и оттуда он был выслан и уехал в Америку.

Несколько иной характер имела другая организация, руководителями которой были Борн и Эзенбек. Они и их единомышленники созвали на 23 августа 1848 г. в Берлин рабочий конгресс всей Германии для решения вопросов, „касающихся освобождения рабочих от цепей капитала, личной зависимости и материальной нужды“, и для составления „братского союза“. Борн был членом „общества „коммунистов“ и последователем Маркса и Энгельса, но в значительной степени также отклонялся на путь Луи Блана, говоря о гарантии труда, государственной поддержке самостоятельных промышленных организаций рабочих, государственном призрении всех неспособных к труду, учреждении свободно избираемого министерства труда; к этому он прибавил ограничение рабочего времени, высокий прогрессивный подоходный налог, даровое обучение и даровой суд. Конгресс состоял из 40 делегатов, и главным его делом было создание обще-германского „Братства рабочих“ с центральным комитетом в Лейпциге, куда переехал в качестве председателя центрального комитета и Борн. Цели организации были профессиональные и политические. Имелось в виду и учреждение кредитного банка всех ассоциаций, входивших в состав Братства. Требовалась помощь государства машинами производительным рабочим ассоциациям, 10-ти часовой рабочий день. Все это конгресс просил Франкфуртский парламент внести в имперскую конституцию. Франкфуртский парламент не выполнил этой просьбы. После того в начале 1849 г. заседали рабочие конгрессы в Тюрингене и в Гамбурге и баварский рабочий конгресс в Нюренберге. Маркс работал в кёльнской секции Братства; он созвал на 6 мая местный рейнско-вестфальский съезд, но он уже не мог состояться: началось торжество реакции. Маркс в своей кёльнской „Новой Рейнской Газете“ хотел углубить движение, внести в него макси-

мум социалистической сознательности, дал популярный трактат об отношении заработной платы к капиталу, но среди рабочих преобладали утопические настроения [1]).

Таким образом в Германии даже передовые рабочие организации охватывали сравнительно небольшое меньшинство рабочих и притом возникли поздно, оформились лишь к концу революции, да и в общем проникнуты были утопическими иллюзиями, сквозь которые лишь частично пробивались новые воззрения, единственно способные дать настоящую организованность и сознательность и открыть возможность победы. Тем не менее немецкие рабочие, как скоро увидим, приняли активное участие в революционной борьбе, сделали все от них зависящее, чтобы спасти революцию.

И в Австрии была сделана попытка рабочей организации в тот же момент течения революции. В Вене Хассе организовал союз фабричных рабочих. Демократический комитет—организация революционного центра—выделил из своего состава особый рабочий комитет, который, желая помочь безработным, выхлопотал у венской думы средства на землекопные работы. Но справиться с этим делом ни дума ни комитет не могли, и дело перешло к министру труда Шварцеру. Организации венских и вообще австрийских рабочих были таким образом несравненно еще слабее прусских [2]).

В общем можно сказать, что та степень участия во власти, какую имела революционная правая, не обеспечила прочных конституционных приобретений и не дала сильных рабочих организаций. Единственный положительный результат этого времени — удовлетворение крестьянства. Но крестьянство, удовлетворенное достигнутым, сразу отошло от революции. Соотношение сил революции и контр - революции оправдалось тем яснее и сильнее в пользу второй, что вскоре центр и левая разорвали окончательно с правой: их классовые интересы исключали возможность дальнейших совместных действий, так как в области социальных вопросов правая в сущности бездействовала. Все эти обстоятельства только ускорили конечную катастрофу.

---

[1]) *Базаров и Степанов*, Очерки по истории Германии.

[2]) Там же, стр. 367—372.

V.

Разгром революции.

Окончательному разгрому революции предшествовал и его подготовил разрыв центра и левой с либерально-буржуазной правой революции. Этот разрыв прежде всего обнаружился в Чехии, потом в Австрии.

Мы до сих пор почти не говорили о ходе революции в Чехии, чтобы не отвлекать внимания от основного процесса немецкой революции. Но теперь своевременно и на ней остановиться.

Волнения чехов в Праге начались с конца мая 1848 года, и у власти при наместнике Чехии графе Туне встало временное чешское правительство из шести лиц—Палацкого, Ригера, Борроша, Браунера, Штробаха и графа Ностица. Это были представители революционной правой—крупной и средней буржуазии. 2 июня временное правительство созвало в Праге славянский конгресс, на котором, между прочим, присутствовал и Бакунин, и который провозгласил равноправие всех национальностей. Немецкие бюргеры образовали в Праге особый комитет. Студенты пражского университета были недовольны этим и устроили по поводу этого 12 июня демонстрацию с требованием от князя Виндшигреца, начальника войск в Праге, вооружения студенческого легиона. Но войска сделали по демонстрации несколько выстрелов. Тогда мелкая буржуазия, студенты и рабочие начали восстание. Виндшигрец не мог с ним справиться путем уличной борьбы войск с восставшими, вывел войска в окружавшие Прагу укрепления и оттуда бомбардировал город. 17 июня восстание прекратилось, демократия была разбита, но вместе с тем потеряло власть и временное правительство: чеш-

ская революция погибла; Виндшигрец был защитником политики австрийского централизма. Ригер и Палацкий были членами австрийского рейхстага и занимали там правую позицию, боролись против развития революции в демократическую сторону.

В Австрии разрыв мелкобуржуазного центра революции и ее рабочей левой с революционной правой произошел в конце августа. Он вызван был тем, что министр Шварцер сбавил плату рабочим, занятым на общественных землекопных работах. Рабочие устроили враждебную министру демонстрацию, и произошло столкновение их с полицией и гражданским ополчением. Рабочие были разбиты.

В октябре, когда император Фердинанд, назначив хорватского бана Еллачича главнокомандующим, направил австрийскую армию для подавления венгерской революции, венская буржуазная демократия и рабочие подняли опять восстание, чтобы поддержать Венгрию. Восстание разгорелось 6 октября. К утру следующего дня студенты и рабочие взяли арсенал; убит был военный министр генерал Латур. Восставшие отправили к императору Фердинанду, вернувшемуся из Инспрука и жившему в Шенбрунне, депутацию с просьбой назначить дружественное народу министерство. Император обещал, но утром 7 октября издал грозный манифест и уехал в Ольмюц. Императорские войска под командой Виндшигреца взяли Вену, причем был расстрелян депутат франкфуртского парламента Блюм, отправленный в Вену парламентской левой. Венгры, по настоянию Кошута, пришли на помощь Вене, но слишком поздно, потому что самый выдающийся из венгерских полководцев Гергей был против этого похода, считая победу невозможной в виду огромного перевеса сил у австрийцев.

22 октября венский рейхстаг был закрыт декретом императора, и заседания его перенесены в Кремзир. Рейхстаг собрался в Кремзире 22 ноября 1848 г. и в течение ряда месяцев вырабатывал здесь конституцию. Его работа была почти уже закончена, когда 6 марта 1849 г. явился в Кремзир министр Стадион и предложил принять выработанную правительством конституцию. Депутаты рейхстага протестовали. Тогда рейхстаг был распущен,

а зал заседаний занят войсками. Народам Австрии возвещена была новая конституция, которая так и не применялась на деле. Конституция эта была централистской, не федеративной, рейхстаг по ней состоял из аристократической верхней палаты и из нижней палаты, составленной на основе очень высокого избирательного права.

В Берлине разрыв центра левой с правой произошел 14 июня 1848 г. Тогда берлинская демократия потребовала очищения арсенала от солдат, начались ее стычки с гражданским ополчением, гражданское ополчение стало стрелять. Тогда построены были баррикады, и арсенал осажден. Войска, там находившиеся, ушли, и народ вооружился было, но был обезоружен гражданским ополчением, которое и заняло арсенал. Столкновение революционных сил было очевидным, разрыв их совершился. 16 октября произошло другое столкновение рабочих с гражданским ополчением, снова сопровождавшееся постройкой баррикад и кровопролитием.

Этим было изолировано от масс национальное собрание. Между тем, между ним и королем начались резкие разногласия: король недоволен был установленной собранием отменой смертной казни; еще более его раздражило то, что собрание вычеркнуло из проекта конституции в титуле короля слова „божиею милостию“. Уже после штурма арсенала Кампгаузен вышел в отставку, первым министром был назначен старый генерал Пфуль, но душой министерства попрежнему оставался Ганземан. Теперь, подчиняясь влиянию реакционеров, главным образом Герлаха, король решил заменить Пфуля Бранденбургом, составить министерство государственного переворота. 2 ноября министерство Пфуля вышло в отставку, и Бранденбург возвестил о своем назначении. Собрание приняло адрес королю против перемены министерства. Адрес не имел на короля действия, 9 ноября Бранденбург объявил в национальном собрании, что его заседания переносятся в город Бранденбург, где оно должно собраться 27 ноября. Палата постановила не расходиться и заседать в Берлине. Гражданское ополчение и Братство рабочих обещало ему поддержку. Но председатель собрания Унру провел „пассивное сопротивление“ и тем отклонил всякие новые

уличные выступления. Тогда Бранденбург ввел в Берлин войска, которые и заняли зал заседаний собрания. Гражданское ополчение было обезоружено, все заседания собрания в Берлине разгонялись войсками. Собрание вотировало отказ в платеже налогов, но в конце-концов 27 ноября собралось в Бранденбурге. 5 декабря 1848 г. оно и здесь было распущено, и король октроировал конституцию, выработанную Мантейфелем: установлены две палаты, но сохранено всеобщее избирательное право. Однако, правительство оставило за собой право пересмотра конституции и воспользовалось впоследствии этим правом. В защиту распущенного собрания кое-где, напр., в Эрфурте, произошли волнения, кёльнский демократический комитет, где заседал и Маркс, призывал народ к вооруженному сопротивлению сбору налогов. Все было напрасно. Прусская революция окончательно подверглась разгрому.

Тогда наступила очередь франкфуртского парламента.

Этот парламент перешел к выработке имперской конституции в конце 1848 года, как раз тогда, когда австрийская и прусская революции подверглись уже в сущности разгрому, и старые правительства Пруссии и Австрии могли с уверенностью в своей силе распорядиться судьбой Германии, не считаясь с волею франкфуртских депутатов. Во Франкфурте определились две основные точки зрения—великогерманская, включившая в состав будущей Германской империи и Австрию, и малогерманская, по которой Австрия исключалась, и возглавлять Германскую империю должен был прусский король. За первую стоял Шмерлинг, за вторую Гагерн. Шмерлинг оставил пост первого министра в ноябре 1848 г., и его на этом посту заменил Гагерн.

Парламент установил империю и решил, что императорский титул будет носить один из немецких государей. Начались переговоры с немецкими государствами. Австрия стояла за центральную директорию из семи князей, Пруссия требовала точного ограничения центральной власти, Саксония стояла за прусского короля в качестве германского императора, Ганновер и Бавария склонялись к австрийской ориентации. 28 марта 1849 г., наконец, выработана была имперская конституция, по которой во главе

13*

Германии поставлен неответственный наследственный император; имперский парламент должен состоять из двух палат—палаты государств, члены которой назначаются местными палатами и правительствами, и народной палаты, основанной на всеобщем избирательном праве. В императоры был выбран король прусский Фридрих Вильгельм IV. Но король поставил свое согласие в зависимость от решения всех немецких князей. Австрия отозвала своих представителей из франкфуртского парламента, выразив недовольство его работой. Тогда король прусский отказался быть германским императором. После этого парламент стал умирать: многие его члены начали разъезжаться по домам.

Демократы и республиканцы хотели поднять народное движение в пользу имперской конституции. Активная часть рабочих шла по этому же пути. В Саксонии, в Дрездене, в начале мая 1849 г. началось действительно демократическое восстание в защиту конституции, король бежал, и было выбрано временное правительство. Восставшими руководил Бакунин. Но с помощью прусских войск восстание было подавлено. То же самое произошло в Бреславле. Волнения—и столь же бесплодные—были также на Рейне,—в Эссене, Дюссельдорфе и в Эльберфельде. Наконец, и в Вестфалии—в Гагене и Изерлане—восстали рабочие, но были усмирены войсками.

Гораздо ближе к сердцу принято было дело имперской конституции в южной Германии. Здесь восстания имели более массовый и единодушный характер и произошли также в мае 1849 года. Пфальц, недовольный тем, что баварское правительство не признало имперской конституции, отделился от Баварии, выбрал временное правительство и потом соединился с Баденом. В Бадене началось республиканское восстание во главе с Брентано и Гёггом, и великий герцог бежал. Восстание поддерживали левые депутаты франкфуртского парламента Трючшлер, Эрбе и Раво. Пришел ему на помощь и Струве. 10 июня в Карльсруэ было собрано учредительное собрание, провозгласившее Баден республикой. Но и здесь военная сила, главным образом прусская, положила конец восстанию.

Между тем франкфуртский парламент продолжал заседать, теряя постепенно свой состав. 10 мая он постановил протест против вступления прусских войск в Саксонию, и тогда прусские депутаты были из него отозваны. Парламент не поддержал восстания, поднятые в защиту имперской конституции, и 30 мая переселился в Штутгарт, где выбрал регентство из пяти лиц. Число членов франкфуртского парламента сократилось уже до 105. Наконец, вюртембергское правительство военной силой разогнало остатки парламента в июне 1849 года.

В предшествующем изложении мы лишь попутно и слегка упоминали о революции в Венгрии. Теперь следует дать сжатое изображение ее хода. Мы видели, что венгры получили национальное правительство. Оно находилось под председательством графа Баттиани, в нем принял участие и вождь республиканцев Кошут. Это правительство представляло собою коалицию венгерской крупной и мелкой буржуазии. Но потом власть вся перешла к буржуазной демократии, Кошут стал диктатором, и только в армии один из главных ее вождей Гёргей стоял за монархию. Венгерская демократия сыграла роль якобинцев: Венгрия была по своему развитию не выше Франции конца XVIII в. Между Гёргеем и Кошутом была большая рознь. Поэтому Гёргей почти не преследовал разбитых австрийцев под начальством Виндшигреца и не взял Вены, как того требовал Кошут, а освободил от австрийского гарнизона Офен и тем потерял драгоценное время. Между тем новый император Франц-Иосиф, сменивший отрекшегося 2 декабря 1848 г. Фердинанда, имел свидание с Николаем I, и русская армия под начальством Паскевича вошла в пределы Венгрии. Кошут призывал народ к массовому восстанию, но хотя его агитация и имела успех, сила солому сломила, и после упорной борьбы Гёргей сдался Паскевичу при Вилагоше. Венгерская революция была таким образом также разгромлена [1]).

---

[1]) *Базаров и Степанов,* Очерки по истории Германии в XIX в., том I.

VI.

Реакция в Германии и Австрии.

Наибольшей силы реакция после революции 1848 года достигла в Австрии. Здесь 31 декабря 1851 года был издан императорский указ, которым конституция, объявленная правительством 4 мая 1849 г. в Кремзире, была отменена, и Австрия превратилась в страну старого абсолютизма. Но крестьянство сохранило приобретения революции, уцелело и равенство всех перед законом, дворянство как сословие исчезло. Правительство в своей реакционно-самодержавной политике хотело опираться на духовенство, и потому в 1855 г. был заключен новый конкордат с папой, по которому зависимость церкви от государства, установленная Иосифом II, была уничтожена; духовенство объявило принцип самоуправления национальностей и представительные учреждения противными религии и таким образом освятило клерикальным авторитетом централистско-самодержавный режим Австрии. Епископам предоставлено было наблюдение за школами.

Австрия воспрепятствовала Пруссии встать во главе объединенной Германии и достигла восстановления старого Германского союза и сейма из послов немецких государств.

Беспросветная реакция длилась в Австрии до 1859 года. В то же время развивалась и реакция в Пруссии. Созванные на основании октроированной конституции палаты оказались в конфликте с правительством: они желали принятия королем титула и положения германского императора и требовали отмены осадного положения в Берлине. Поэтому они были распущены, и в 1850 г.

правительство произвело пересмотр конституции. Вследствие этого пересмотра нижняя палата стала составляться на основании трехклассной избирательной системы. Все избиратели разделены на три класса: первый класс составляли богатые граждане, платившие треть всех прямых налогов, поступавших с данного избирательного округа, второй класс средне-состоятельная буржуазия, платившая вторую треть тех же налогов; малоимущая и неимущая масса составляла третий класс: она платила третью треть прямых налогов. Каждый класс выбирал одинаковое количество выборщиков, так что депутаты выбирались двухстепенной подачей голосов, и большинство было обеспечено за крупной и средней буржуазией. При этом выборы были открытые. Восстановлены были штемпельный сбор и залоги для периодических изданий, отменена присяга конституции со стороны армии, политические преступления подчинены особому суду, старые налоги были изъяты из ведения палат,—они утверждали только налоги новые. Относительно состава верхней палаты долго не могли сговориться. Наконец, в 1854 г. была утверждена палата господ, состоявшая из принцев, наследственных высших дворян и пожизненных членов, назначаемых королем по его усмотрению или по представлению крупных землевладельцев, университетов и городов. Но силезские крестьяне получили освобождение от остатков феодальных повинностей—частью без выкупа, частью с выкупом.

Пруссия укрепила и расширила в 1853 году таможенный союз германских государств. Австрия в 1850 году пыталась было оторвать от Пруссии немецкие государства, входившие в этот союз, и составить таможенный союз около себя, но экономическое единство юга и запада Германии с Пруссией было слишком сильно, чтобы можно было его нарушить. Поэтому австрийский союз не удался, и Пруссия сохранила и в годы реакции свою экономическую гегемонию в Германии, что предвещало в будущем и ее окончательную политическую гегемонию.

VII.

1859—1866 годы.

И в Австрии, и в Пруссии, и в Германии в том виде, как она окончательно сложилась, завершением буржуазно-демократической революции была не новая революция, как в Англии и во Франции, а война Австрии с Пруссией в 1866 году. Война эта, представляющая начало единства Германии, была подготовлена целым рядом явлений внутренней жизни этих стран.

Начало окончательного установления новых буржуазных порядков в Австрии относится к 1860 году и было вызвано поражением, которое Австрия потерпела в войне с Италией и Францией 1859 года. Казнокрадство высшей аристократии и бюрократии, обнаружившееся во время войны, постоянные огромные дефициты по государственному бюджету, наконец, полная неудача займа 1860 г. и требования буржуазии (торговых палат) были ближайшими поводами поворота Австрии на конституционный путь.

В 1860 году Франц-Иосиф созвал усиленный государственный совет, присоединив к обычному его составу нескольких сановников и 38 крупных землевладельцев из разных частей страны. В Венгрии при этом восстановлены были должность наместника и комитатские собрания,—собрания представителей населения по комитатам—провинциям Венгрии.

В усиленном государственном совете нашли себе выражение два течения, существовавших в стране: централистское и федералистическое. За централистское была немецкая буржуазия и мелкие народности Австрии, за федерализм сельскохозяйственная буржуазия крупных народностей—Австрии, Венгрии, Чехии, Хорватии, Гали-

ции. Федералистическое течение преобладало в усиленном государственном совете, и император 20 октября 1860 г. издал указ с признанием федерализма, законодательной власти местных сеймов. В центре должен был существовать имперский совет (рейхсрат) из 100 членов, выбранных местными сеймами. Но венгры фактически восстановили у себя конституцию 1848 г., т.-е. оказались лишь в личной унии с Австрией, а немецкая буржуазия была недовольна федерализмом. И Франц-Иосиф 26 февраля 1861 г. издал „патент", по которому в каждой области сохранялся ландтаг, выбираемый тремя классами избирателей—крупными собственниками, горожанами и сельскими жителями. В центре был рейхсрат из двух палат—палаты господ из сановников и высшей аристократии, назначаемых императором, и палаты депутатов, выбираемых местными ландтагами.

Но венгры, хорваты и венецианские итальянцы отказались послать представителей в рейхсрат. Венгерский сейм представил императору, по предложению Деака, адрес, в котором отстаивалась конституция 1848 года, парламентский режим и ответственное министерство. Потом и поляки и чехи покинули рейхсрат.

Тогда Франц-Иосиф приостановил действие конституции и, по предложению министра графа Бейста, начал переговоры с Венгрией об установлении системы дуализма. Переговоры были закончены после войны с Пруссией в 1866 г. и поражения австрийской армии при Садове. Согласно соглашению 1867 г., Австрия превращена была в дуалистическую монархию—Австро-Венгрию. Установлены были три общих, имперских министерства—иностранных дел, военное и морское. Для обсуждения общих дел и заключения экономических и финансовых соглашений созывались делегации—по 60 человек от Австрии и Венгрии (две трети их в каждом государстве выбирались палатой депутатов каждого государства). Венгрии возвращена конституция 1848 года [1]).

Для того, чтобы понять перемены, совершившиеся в Пруссии с 1859 по 1866 год, необходимо бросить взгляд

---

[1]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., т. II; *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в Новое время, т. V.

на экономическое положение Германии с 1849 по 1866 год. Здесь совершался в то время процесс быстрого развития производственного капитализма в первой его стадии. Учет векселей в Прусском банке вырос с 1849 по 1865 г. почти в 9 раз. Банки стали принимать видное участие в финансировании новых предприятий; так, Учетное общество, основанное в Берлине Ганземаном в 1851 г., основало в 1857 г. одно из крупнейших предприятий немецкой горной промышленности—Дортмундский союз. Контокоррентные операции среди крупных капиталистов увеличились у этого банка между 1856 и 1865 годом вшестеро. Шафгаузеновский банковый союз принял большое участие в Гёрдском союзе горного и плавильного дела и в ряде предприятий рейнской текстильной промышленности. Гамбургские банки имели в 1865 г. обороты, далеко превышавшие 2 миллиарда марок. Ротшильды участвовали не только в постройке железных дорог, но и в эксплоатации горных и горнозаводских предприятий. Банкирский дом Шиклер в Берлине был представителем крупного сахароварения. Железнодорожная сеть Германии с 1850 г. по 1865 г. выросла с 5.822 километров до 13.821, т.-е. на 137,5%. Перевозка железнодорожных грузов увеличилась за то же время в $11^1/_2$ раз. Ценность производства горных предприятий повысилась на 142%, выплавка чугуна и производство стали на 114%. До 1850 г. в Германии основано было только 38 акционерных обществ, с 1850 по 1870 г. 253; замечательно при этом, что еще до 1850 года возникло пять машиностроительных обществ, а между 1850 и 1870 годами к ним прибавилось еще 18: производство средств производства—признак высшего развития капитализма—стало заметным в Германии после революции. Понятно, что начинался уже и ввоз хлеба в Германию: собственного хлеба вследствие развития индустрии стало не хватать. Цены на хлеб росли, а рента землевладельцев между 1849 и 1867 годами увеличилась почти на 28% [1]).

При таком развитии германского капитализма и при экономической гегемонии Пруссии в таможенном союзе

---

[1]) *Бернштейн*, Индустриализация Германии; „Энцикл. Словарь“ изд. бр. Гранат, изд. 7-е, том XIV, столбцы 83—101.

было ясно, что ближайшей задачей является объединение Германии под главенством Пруссии. С этою целью в 1859 году во Франкфурте на Майне было образовано умеренно - либеральное крупно - буржуазное общество „Немецкий Национальный Союз“. Германский парламент на основе всеобщего избирательного права и прусский король в качестве германского императора—вот основы объединения Германии, на которых настаивал Национальный Союз. В противовес ему за Австрию и за представительство ландтагов и правительств стоял „Союз реформы“. Бисмарк встал впоследствии на точку зрения Национального Союза, и ему удалось объединить Германию, подчинив ее прусской гегемонии. Социалисты, как, напр., Маркс и Энгельс, предвидели это и боялись этого, мечтали о новой революции, которая довершила бы дело 1848 года и создала германскую республику, но соотношение общественных сил дало перевес планам Бисмарка.

Для осуществления их необходимо было вести войну с Австрией и победить ее, а для этого нужна была реформа армии и увеличение военного бюджета на $9^1/_2$ миллионов талеров в год. Король Вильгельм I назначил военным министром инициатора военной реформы генерала Роона. В 1860 г. ландтаг согласился дать на один год требуемую сумму. Это же повторено было и в 1861 г.

Но в это время в Пруссии образовалась партия прогрессистов—либерально-буржуазная, объединявшая мелкую и среднюю буржуазию, противившаяся военной реформе. Вождями ее были профессора Вирхов и Моммсен. Новые выборы дали этой партии большинство в ландтаге, и она отвергла реформу и увеличение военного бюджета. Тогда в 1862 г. палата была распущена. Новые выборы дали еще большее преобладание прогрессистам. Тогда Вильгельм I назначил министерство конфликта во главе с Бисмарком. Бисмарк четыре года производил „временные“ расходы на армию, вопреки парламенту, и четыре года—до 1866 года—длился конфликт. Бюджет проводился правительством только через палату господ. Вопреки палате были также ведены две войны—с Данией из-за Шлезвига и Голштинии в 1864 г. и с Австрией в

1866 г. Обе войны были победоносны, вторая исключила Австрию из Германского союза, увеличила владения Пруссии Шлезвигом и Голштинией, Ганновером, Кургессеном и Франкфуртом на Майне и открыла возможность для проведения объединительных планов Бисмарка. Чтобы укрепить свое положение, Бисмарк уговорил Вильгельма I примириться с нижней палатой прусского ландтага: внесен был проект индемнитета за безбюджетное управление. В прогрессивной партии произошел раскол, из нее выделились национал-либералы, и индемнитет прошел огромным большинством.

В 1867 году созван был учредительный рейхстаг Северо-германского союза, и была принята предложенная Бисмарком союзная конституция. Право вотировать законы и утверждать бюджет получил рейхстаг, выбираемый всеобщей подачей голосов по одному депутату на 100 тысяч жителей. Кроме рейхстага, существовал еще союзный совет, состоявший из послов от отдельных государств: всего их было 43, из них 17 принадлежали Пруссии, 4 Саксонии. Председательствовал в союзном совете союзный канцлер, назначаемый президентом союза—прусским королем. Президенту была дана огромная власть: он ведал внешние сношения, объявлял войну и заключал мир, начальствовал над армией и флотом, назначал канцлера, всех чиновников и военачальников. Ответственности канцлера перед рейхстагом не было, Германский союз был союзным государством не парламентарным, а конституционным с разделением властей. Союзное правительство, кроме внешней политики и военной силы, ведало торговлей и транспортом—таможнями, почтой, телеграфом, монетой, весом, мерой, железными дорогами, союзным центральным банком,—судом и правом.

Так как по договору с Францией Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт не должны были входить в союз, то союз назывался Северо-германским. Но Бисмарк заключил с этими государствами тайные договоры об оборонительно-наступательном союзе. Кроме того, собирались таможенные парламенты, состоявшие из рейхстага Северо-германского союза и из представи-

телей южно-немецких государств, выбранных на тех же основах, как члены рейхстага [1]).

Таким образом, период времени с 1859 по 1866 г. сыграл в истории Германии и Австрии такую же роль, как революция 1688 г. в Англии и июльская революция во Франции: осуществлены были главные задачи и приобретения революции 1848 г., поскольку это было необходимо для создания буржуазной государственности.

Но эти годы в истории Германии замечательны еще созданием рабочих организаций—экономических и политических. Этим подготовлено было скорое превращение Германии в страну культурного капитализма с утонченными приемами эксплоатации наемного труда. Необходимо в главных чертах обрисовать и этот процесс.

Началом его можно считать образование обществ взаимного кредита в Германии 1850 года. Братство рабочих Борна было погублено властями в 1849 году. Но оно оставило свой след в пропаганде учреждения закупочных товариществ и потребительной кооперации. В связи с этим в 1850 г. в городе Деличе прусской провинции Саксонии возникло Вольное товарищество ремесленников для вклада сбережений из процентов и для выдачи ссуд. Шульце-Делич, бывший депутат, внушил членам товарищества принцип круговой ответственности для поднятия кредита и самодеятельности и активности членов в общем деле. По примеру этого деличевского товарищества мелких мастеров возникли другие организации того же типа, и в 1864 г. под председательством Шульце-Делича окончательно образован был „Всеобщий союз основанных на взаимопомощи промышленных и хозяйственных товариществ“. Начало его деятельностн относится еще к 1859 г., когда к нему примкнуло 80 товариществ из существовавших тогда в Германии 190. В 1865 г. всех кредитных товариществ было в Германии уже 961, из них 498 принадлежали к союзу. Таким образом, число их увеличилось вшестеро; в то же время число членов увеличилось в 9 раз, а обороты в 18 раз [2]).

---

[1]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., II; *Кареев*, Ист. Зап. Евр., V.

[2]) *Бернштейн*, в „Словарс“ Гранат, т. XIV, столбцы—93—95; *Меринг* Ист. герм. соц.-дем., т. I.

Шульце-Деличевские организации имели главным образом мелкобуржуазный характер, но и они простирали частично свое влияние на рабочих. Такой же неклассовый или не чисто-классовый характер имели первые просветительные и профессиональные союзы в Германии. Таковы были, напр., ферейны для образования рабочих, основанные либеральным „Национальным союзом". Их было в 1863 г. более 100 и в них особенно выдающуюся деятельность развивали Фридрих Альберт Ланге, известный автор „Истории материализма", и Россмесслер. В то же время возникли либеральные профессиональные рабочие организации, основанные Гиршем и потом развитые Дункером,—так называемые гирш-дункеровские,—и общества католических союзов в Германии; боевого значения и характера эти организации не имели.

В 1862 г. упомянутый выше либеральный Национальный союз послал 12 немецких рабочих на всемирную выставку в Лондон. Когда эти делегаты оттуда вернулись, они дали отчет о вынесенных впечатлениях на собрании берлинских рабочих, и здесь возникла мысль о созыве рабочего съезда. После ряда собраний для созыва этого съезда выбран был комитет из 25 человек под председательством маляра Эйхлера. Комитет получил от саксонского правительства разрешение на устройство рабочего съезда в Лейпциге. Программа съезда была довольно проста и невинна: в ней значились вопросы о промышленной свободе и свободе передвижения, о всемирной выставке в Берлине, сообщения лондонских делегатов и, что всего важнее, вопрос о рабочих ассоциациях и инвалидных кассах для рабочих. В Лейпциге с 1861 года существовал промышленно-образовательный ферейн, правление которого составляли Вальтейх, Фрицше и Бебель. В нем в 1862 г. произошел раскол: Фрицше и Вальтейх высказались за отделение от буржуазии и составили союз „Вперед". Бебель пока держался союза с либералами.

Много нового в германское рабочее движение этого времени внесла деятельность Лассаля. Когда образовался в Лейпциге центральный комитет для созыва рабочего съезда, то он обратился за советом к Лассалю, и Лас-

саль написал свое „Открытое письмо центральному комитету". Здесь Лассаль категорически высказался за самостоятельную позицию рабочего класса по отношению к либеральной буржуазии, изложил свою теорию железного закона заработной платы, подвергшуюся потом справедливой критике Маркса, и, главное, сделал ряд практических выводов первостепенной важности: он указал на первостепенное значение для рабочих кооперативных ассоциаций с помощью демократического государства и, следовательно, образования такого государства, первым шагом к которому является всеобщее избирательное право,—основной лозунг необходимого, по Лассалю, рабочего союза в Германии. После этого „Открытого письма" большинство центрального комитета отказалось от созыва съезда по берлинской программе, высказалось за программу Лассаля и центральный комитет распустил себя. По просьбе комитета Лассаль составил программу союза и доложил ее собранию лейпцигских рабочих. Потом произошел западно-германский съезд рабочих во Франкфурте на Майне, куда был приглашен Лассаль, и где он имел огромный успех. Наконец, 23 мая 1863 г. в Лейпциге Лассаль основал Всеобщий германский рабочий союз. Устав этого союза определил его цель—мирным и законным путем добиваться всеобщего избирательного права и снабдил очень широкими полномочиями президента, которым был выбран Лассаль. Осенью 1864 г. число членов союза достигло 4.610. Но скоро Лассаль был убит на дуэли. Перед смертью он завещал союзу выбрать президентом Беккера, что и было исполнено. Редактором органа союза „Социал-Демократ" был Швейцер, который привлек в редакцию Вильгельма Либкнехта, а в сотрудники Маркса и Энгельса. Но Швейцер признавал политику Бисмарка „значительной", восхвалял „могучий гений" Фридриха Великого и полагал, что, хотя Бисмарк хочет сделать из всеобщего избирательного права западню, но оно может превратиться в орудие в руках рабочих в их классовой борьбе. Тогда Маркс, Энгельс и Либкнехт прекратили свое сотрудничество в „Социал-Демократе".

Между тем Беккер рассорился с графиней Гацфельд, которая хотела им руководить. В 1865 г. президентом

союза был выбран Тельке. Когда произошел конфликт между Австрией и Пруссией в 1866 г., графиня Гацфельд встала на сторону прусской политики, и это привело к расколу: союз распался на два новых—во главе одного встал Швейцер, президентом другого была графиня Гацфельд. Швейцер был депутатом рейхстага Северо-германского союза. Там он защищал необходимость практической работы, а выбранные в Лейпциге кандидаты саксонской народной партии Гетц, Шрапс, Бебель и особенно Либкнехт стояли за решительную революционную борьбу против Бисмарка [1]).

В таком положении находилось германское рабочее движение в 1867 году. Оно вышло из стадии предварительного развития, приобрело во всяком случае классовую, социально-политическую почву. Это было важным залогом будущего.

---

[1]) *Меринг*, История германской социалдемократии.

VIII.

Духовная культура Германии с 1848 по 1866 год.

Духовная культура Германии с конца 40-х и до конца 60-х годов отразила на себе ясно влияние происшедшей буржуазной революции.

В области общего мировоззрения популярность среди буржуазной интеллигенции приобрела пессимистическая философия Шопенгауэра, при своем появлении незамеченная читающей публикой. Пессимизм Шопенгауэра отрицал самоубийство, а проповедывал жизнь для всеобщего уничтожения, для пропаганды гибели всякой жизни и для содействия этой гибели. Радикально-буржуазная интеллигенция, разочарованная в исходе революции, нашла в философии пессимизма обоснование своего разочарования.

Другая часть интеллигенции направила силы своего ума на естествознание. Здесь особенно замечательны работы Кирхгофа, Бунзена, Майера, Кренига, Клаузиуса и Гельмгольтца. В 1861 г. Кирхгоф и Бунзен открыли спектральный анализ,—способ определения химического состава планет посредством изучения их спектров. Майер в начале 40-х годов открыл механическую теорию теплоты. Крениг и Клаузиус в 50-х годах много сделали для кинетической теории газов. Гельмгольтц развил принцип сохранения энергии, давший возможность подводить количественный баланс явлений, устанавливать математически-выраженные закономерности в природе. В биологии и медицине важное значение имели работы Вирхова.

Естественно - научный материализм популяризовали в своих трудах Фогт, Бюхнер и Молешотт.

В политической экономии Рошер и Бруно-Гильдебранд были основателями исторической школы, которая

направила все свои усилия на изучение конкретного историко-экономического материала отдельных эпох.

На-ряду с этим немецкая экономическая мысль нашла себе блестящее выражение в глубоких исторически и теоретически разработанных трудах Маркса, особенно в его „Критике политической экономии“ (1859 г.) и „Капитала“ (I том появился в 1867 г.). Но деятельность Маркса и Энгельса по своему происхождению связана не с одними условиями немецкой жизни, а и с судьбами капитализма вообще и в частности особенно английского капитализма, и потому о ней удобнее говорить в другой связи, при изучении капитализма в полном его развитии.

В области истории Ранке и его школа поставили на очередь разработку источников и детальное изучение событий и учреждений. Ученики Ранке Гизебрехт и Зибель отразили в своих исторических работах и тот интерес к объединению Германии, который тогда выступил на первый план.

В немецкой художественной литературе замечателен реализм буржуазных драм Геббеля, изящное мелкобуржуазное творчество мюнхенской школы—Гейбеля, Гейзе, Боденштедта. Затем выступает тенденциозный радикально-революционный, отчасти даже социалистический роман Шпильгагена („Загадочные натуры“, „Один в поле не воин“ и пр.) и крупно-буржуазный роман Фрейтага, восхваляющий буржуазию в ее новой общественной и хозяйственной работе. Юмористическое изображение буржуазии всех разрядов дано в романах Рейтера и Раабе. Психологический реализм ярче всего выразился в это время в литературной деятельности Келлера,—в его романах и повестях 50-х годов.

В общем и бури революции и последующее разрешение кризиса и удовлетворение по преимуществу крупной буржуазии определились в немецкой духовной культуре с вполне достаточной определенностью. Немецкое, теперь уже капиталистическое, буржуазное хозяйство, общество, государство, культура расправили свои крылья и готовы были лететь вперед со стремительной быстротой и силой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Буржуазно-демократическая революция в Италии.

I.

Подготовка революции.

Италия XVIII века, как нам известно, не была ни экономически, ни политически единой страной. Она состояла из Сардинского королевства, республик Генуи и Венеции, герцогств Тосканы, Пармы и Модены, Церковной области и Неаполитанского королевства. Владычество Наполеона внесло упрощение в эту дробность: остались королевство Италия, Неаполитанское королевство и части Аппенинского полуострова, непосредственно присоединенные к Французской империи: Пьемонт, Генуя, Церковная область. Реставрация снова принесла большую дробность, восстановив все старые государства, кроме республик Генуи и Венеции, но подчинив Венецию и Ломбардию австрийскому императору под названием Ломбардо-венецианского королевства.

Эта дробность и ее изменчивость сильно затрудняют изучение хозяйственной подготовки итальянской революции, тем более, что вопрос об истории хозяйства в Италии XIX в. принадлежит к числу весьма мало разработанных. Только в последнее время появилось богатое материалом исследование проф. Тарле, но оно касается лишь наполеоновской Италии и притом только той ее части, которая входила тогда в состав так называемого королевства Италии[1]). Специальная цель, которою за-

[1]) *Е. В. Тарле,* Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I, Юрьев, 1916.

14*

давался проф. Тарле в своей книге,—изучение влияния континентальной блокады,—нас в данном случае не интересует. Нам важно не это, а то, какие зародыши производственного капитализма имелись налицо в Италии первой половины XIX века.

Каковы бы ни были здесь влияния континентальной блокады, — более, попутно сказать, отрицательные, чем положительные для Италии, — как бы ни тяжело отзывалось отношение Наполеона к Италии, как к колонии Франции, нет все-таки сомнения, что зародыши производственного—сельскохозяйственного и промышленного—капитализма в Италии имелись уже в начале XIX века, а также, что они не сильно, большею частью, и, во всяком случае, ненадолго пострадали от континентальной блокады.

Не только в королевстве Италии в наполеоновском смысле этого слова, но и, с одной стороны, в присоединенном к Франции Пьемонте, с другой, на юге—в Неаполитанском королевстве, — словом, во всей Италии земледелие играло в первой половине XIX в. главную хозяйственную роль. Зерновые хлеба, лен, конопля, фрукты — особенно апельсины и лимоны — оливковое масло—вот главные земледельческие продукты, которые в большом количестве давала страна. И континентальная блокада здесь почти совсем не повлияла ни в каком направлении—ни в положительном, ни в отрицательном. Земля находилась большею частью в руках крупных собственников — светских и духовных. Крестьяне очень мало увеличили свои земельные владения и оставались, главным образом, мелкими зависимыми арендаторами или батраками. Только некоторые зажиточные буржуа, по преимуществу горожане, реже деревенские, успели и сумели приобрести свою долю земли. Страна ежегодно вывозила зерновые продукты, овощи и травы на десятки миллионов лир, главным образом, во Францию и Швейцарию. И земледелие в некоторых местах страны имело уже зародыши капиталистического предпринимательства и в формах и в технике производства. Эксплоатация батрацкого труда—такая форма. В технике важно искусственное орошение, особенно в Ломбардии: оно поставлено было „на широкую ногу и на чисто-предприни-

мательских, капиталистических началах". Одним из признаков развития капиталистического сельского хозяйства является также замена скотоводческого хозяйства культурой риса в области города Болоньи еще со второй половины XVIII в. Пьемонт был местностью, где издавна процветало крупное скотоводство.

Капиталистически ставилось виноделие, особенно на юге, в Неаполитанском королевстве, где с ним делило значение плодоводство и овцеводство.

Всего сильнее пострадало от континентальной системы высоко стоявшее во всей Италии шелководство, особенно шелковая индустрия—шелкопрядение и шелкоткачество. Шелкопрядильное производство, как и пряжа льна, пеньки и хлопка, было построено по преимуществу на кустарных основах, отливалось в формы домашней индустрии, торгово-, а не производственно-капиталистические. Но производство шелкоткацкое сосредоточивалось в крупных городах и имело очень крупные предприятия. В Болонье шелкоткацкие и канатные фабрики имели по несколько сот рабочих. Существовало на итальянских фабриках и машинное производство. Проведение дорог и каналов, вообще улучшение сухопутных и речных путей сообщения, уничтожение цехов, введение буржуазного торгового права, равенство всех перед законом, решительная борьба с разбойничеством, улучшение полицейских порядков,—все это способствовало буржуазно-капиталистическому хозяйству, по крайней мере, создавало широкие для него возможности [1]).

Эти возможности остались и потом, когда наполеоновский режим пал, и, следовательно, зародыши капиталистического развития Италии сохранились и позднее.

Одним из последствий французской революции и владычества Наполеона было уничтожение остатков крепостничества в Италии. Сардинский король еще в конце XVIII века провел у себя это уничтожение, придав, впрочем, ему характер постепенности и установив выкуп повинностей. Французы при Наполеоне отменили во всей Италии все остатки крепостничества. Но подавляющее большинство крестьян остались безземельными [2]).

---

[1]) *Тарле*, Экономич. жизнь кор. Италии.

[2]) *Кареев*, История Зап. Евр. в Нов. вр., т. IV, стр. 533—534.

Начавшаяся после низложения Напюлеона реакция вызвала в Италии революционные движения, в которых видную роль играло мелкобуржуазное тайное революционное общество карбонариев, по тактике своей имевшее якобинский характер и целью своей ставившее объединение Италии и превращение ее в республику.

Первой из таких революционных попыток, подготовлявших будущий переворот, было восстание военных школы Мюрата, занимавшего при Наполеоне неаполитанский престол, и карбонариев в Неаполитанском королевстве в 1820 году. Во главе восстания встал генерал Пепе. Посланное королем Фердинандом против восставших войско перешло на их сторону. Начались волнения и в самом Неаполе, и 13 июля 1820 года корсль присягнул на верность демократической конституции, составленной по образцу провозглашенной тогда конституции 1812 года в Испании. В Сицилии сначала сделана была попытка принять самостоятельную конституцию и остаться лишь в личной унии с Неаполем, но эта попытка кончилась неудачей, и 1 октября 1820 г. в Неаполе открылись заседания парламента, выбранного на основе новой конституции. Европейский конгресс в Троппау-Лайбахе поручил Австрии своей военной силой восстановить старый порядок и короля Фердинанда в королевстве обеих Сицилий, как называлось тогда Неаполитанское королевство, что и было исполнено [1]).

В 1821 году майор граф Санта-Роза поднял в Пьемонте или Сардинском королевстве восстание под лозунгом объединения всей Италии под властью сардинского короля, с испанской конституцией 1812 г. Санта-Роза объявил, что он идет освобождать короля от влияния австрийцев и спасать свободу в Неаполе, и двинулся с гарнизоном Алессандрии на столицу государства Турин. Туринский гарнизон также восстал и угрозой бомбардировки потребовал от короля Виктора-Эммануила согласия на требования Санта-Розы — принятия конституции и войны с Австрией. Король отказался от престола в пользу своего брата Карла-Феликса, бывшего тогда в Модене,

---

[1]) *Сеньобос,* Пол. ист. совр. Евр., I, стр. 280—282; *Кареев,* Ист. Зап. Евр. в Нов. вр., IV, стр. 325—326.

и назначил регентом принца Карла-Альберта Кариньянского, слывшего либералом и знавшего о заговоре. Но Карл-Феликс отказался признать конституцию и просил помощи Александра I, русского императора. Александр двинул ему на помощь 100 тыс. войска, но еще раньше принц Кориньянский уехал из Турина и сложил с себя регентство по требованию Карла-Феликса, а революционные войска Сардинии были разбиты австрийцами при Наваре. В Сардинии был восстановлен абсолютизм.

В Милане в 1820 г. против австрийцев, владевших Ломбардией, был составлен заговор группой либерально-буржуазной молодежи, в числе которой находился Сильвио Пеллико. Заговор был раскрыт и участники поплатились многолетним тюремным заключением.

После июльской революции во Франции началось движение и в Италии—в Модене, Парме и в Церковной области в 1831 г. Всюду были учреждены временные правительства. Но австрийские войска восстановили старую правительственную власть во всех трех государствах.

В тридцатых годах XIX века началось политическое воскресение (Risorgimento) Италии: вопрос об освобождении и объединении Италии вышел из узкого круга мелких местных кружков и получил широкую организацию, тщательную и глубокую подготовку. В двух направлениях слагалась эта подготовка: первым было мелкобуржуазно-интеллигентское республиканское движение, возглавляемое Маццини, который основал организацию под названием „Молодая Италия“; вторым явилось крупно- и среднебуржуазное монархическое течение. В монархическом течении были разные струи: Джоберти и Бальбо стояли за федерацию итальянских государств, с папой во главе, причем Австрия должна была получить за свои итальянские владения вознаграждение на Балканском полуострове на счет Турции; Массимо д‘Азелио полагал, что Италию должно объединить в Сардинское королевство, и австрийцы должны быть выгнаны из Италии силой, войной.

Оба течения этого движения—республиканское и монархическое—развивались все шире. Они подчинили своему влиянию все явления итальянской духовной куль-

туры. Итальянская литература, начавшая еще в XVIII в. выражать просветительное направление в трудах Беккариа и Филанджиери, в деятельности Альфиери, приобретает в 30-х годах XIX столетия определенно освободительный характер. Еще раньше у Верри, Пинедемонте, Фосколо видна была любовь к родине, тоска по ее порабощении, пессимизм от реставрационной реакции. Этот пессимизм достиг высшей художественной выразительности в поэзии Леопарди, одинаково отрицательно относившегося и к старому порядку и к зародышам буржуазной культуры и провозглашавшего праздностью жизни страдание и скуку. В поэзии Манцони получил свое начало итальянский романтизм—сначала в сентиментальной форме. Впрочем, его роман „I promessi Sposi“ уже проникнут национальными мотивами, в нем есть элементы боевого романтизма. Революционная поэзия Никколини и. исторические романы д'Азели, под видом истории проводящие политические тенденции—борьбу за освобождение и единство Италии,—уже всецело отвечают политическим интересам времени. Политический интерес вдохновлял даже и музыкальное творчество: оперы Верди служили одним из могущественных средств пропаганды национального единства и политического освобождения Италии.

К концу сороковых годов новые общественные течения, подготовлявшие революцию, заставили и некоторых итальянских государей вступить на путь реформы, по крайней мере некоторых уступок новым веяниям, повелительно заставлявшим себе внимать. В 1846 г. папой сделался Пий IX, который усвоил некоторые элементы либеральной политики: он дал амнистию политическим преступникам, смягчил цензуру, учредил государственный совет из светских лиц по одному на каждую провинцию Церковной области по назначению папского правительства, дал самоуправление городам и допустил даже учреждение национальной гвардии или гражданского ополчения. Пий IX даже имел в виду составить единый итальянский таможенный, а потом и политический союз. В Риме при нем появился политический клуб. При всем том Пий IX скоро себя показал как настоящий абсолютист

Великий герцог тосканский в 1847 году пошел по стопам Пия IX: смягчил цензуру, ввел совещательный государственный совет, учредил национальную гвардию.

То же после ряда колебаний сделал и король сардинский Карл-Альберт, бывший герцог Кариньянский, занявший престол в 1831 г. и много заботившийся об увеличении армии.

Было ясно, что революция в Италии назрела и готова была разразиться. Она и разразилась, причем даже раньше февральской революции в Париже, сыгравшей, как мы видели, роль последнего толчка в происхождении революций германской и австрийской.

II.

Первый момент итальянской революции 1848 года.

Особенностью итальянской революции было то, что рабочие и социалисты не играли в ней никакой самостоятельной роли. Только в ходе революции, в 1848 г., вождь республиканцев Маццини основал первые итальянские рабочие общества на основе взаимопомощи[1]), и рабочая масса, поскольку она существовала в Италии, держала сторону мелкой буржуазии, республиканской демократии, революционной левой. Эта левая была поэтому сильнее там, где было больше рабочих. Всего меньше их было в Пьемонте или Сардинском королевстве, откуда и происходила здесь слабость революционной левой и относительная сила правого крыла революции, крупно-и средне-буржуазного, настроенного конституционно-монархически. В других частях Италии соотношение двух главных революционных сил было обратным: левая была сравнительно сильнее, чем в Пьемонте, правая сравнительно слабее. Но в этих частях Италии, если их взять самих по себе, без сравнения с Пьемонтом, обе эти общественио-революционные группировки были между собою приблизительно равносильны, с тем или другим отклонением от этого равновесия по разным местностям.

Революционные вспышки начались в первых числах января 1848 г. в той части Италии, которая принадлежала тогда Австрии,—в так-называемом Ломбардо-венецианском королевстве. Австрийское правительство ввело здесь табачную монополию. Тогда жители отказались

[1]) *Зомбарт*, Социализм и социальное движение.

от курения сигар. Кто закуривал сигару, у того ее отбирали и уничтожали. Когда австрийские солдаты намеренно в виде вызова стали курить сигары на улицах Милана, в них стали бросать камнями. Тогда драгуны разогнали толпу и убили несколько человек. Уже это подняло настроение и вызвало большое раздражение. Подобная же вспышка была в другом городе, принадлежавшем Австрии,—в Падуе; там пострадали студенты.

Настоящая революция началась в Сицилии, составлявшей часть Неаполитанского королевства или королевства обеих Сицилий, где царствовал тогда Фердинанд II. Там подняли восстание либералы - конституционалисты, призвали к оружию народные массы в Палермо. 12 января построены были баррикады, произошли столкновения с войсками. Восстание и борьба с войсками длились на улицах города с 12-го по 27 января с перерывами в некоторые дни. Войска бомбардировали город, потом отступили. Был образован главный комитет, т.-е. временное правительство, из высшей буржуазии. Он был монархически настроен, хотел сохранить королевскую власть, но с испанской конституцией 1812 года, свободой печати, гражданским ополчением и введением самоуправления, автономии всего острова. Дипломатические представители всех европейских держав и Соединенных Штатов Америки протестовали перед правительством Фердинанда II против бомбардировки Палермо. Король, его войска и администрация не могли таким образом справиться с воставшими сицилийцами.

Дело осложнилось еще тем, что 27 января началось движение в столице королевства — Неаполе: толпа, собравшись перед королевским дворцом, кричала: „да здравствует король и конституция!“. Фердинанд II, видя колеблющееся настроение войск, 29 января призвал к власти либерально-буржуазное министерство и обещал дать конституцию, которая и была опубликована 10 февраля 1848 года. Она оказалась сколком с французской хартии Людовика XVIII с теми изменениями, которые внесены были в хартию в 1831 г., после июльской революции, даны были две палаты, верхняя по назначению короля, нижняя выборная на основе высокого имущественного

ценза, так что избирательные права получила только одна крупная буржуазия.

В королевстве Сардинии или Пьемонте движение началось в Генуе, как только пришли туда известия о событиях в Сицилии и Неаполе: генуэзцы потребовали удаления иезуитов и учреждения национальной гвардии. Это заставило интеллигенцию Турина, столицы королевства, созвать собрание для обсуждения вопроса о реформах. 6 января выступил богатый дворянин-буржуа, настоящий новый сельскохозяйственный предприниматель, хорошо поставивший хозяйство в своем имении, давно известный своим либерализмом Кавур: он прямо предложил требовать от короля конституции. Городская дума Турина под впечатлением революционных событий в Неаполе представила королю Карлу-Альберту петицию о конституции и учреждении национальной гвардии. 8 февраля Карл-Альберт дал конституционный статут, более либеральный, чем французская хартия: система была двухпалатная, причем верхняя палата—сенат—состояла из пожизненных сенаторов, назначаемых королем, а нижняя—палата депутатов—выбиралась гражданами, платившими минимум от 20 до 40 лир (смотря по местности) прямых налогов, так что к выборам фактически допускались крупная, средняя и верхи мелкой буржуазии. Учреждено было министерство, формально ответственное перед палатами, но ответственность эта на деле не была строго и точно установлена.

В Церковной области папа Пий IX, после того как в Париже восторжествовала в конце февраля революция, дал 14 марта 1848 г. „основной статут светского правительства Церковной области". По этому статуту учреждены были два совета: один из ста депутатов, выбираемый крупной и средней буржуазией на основе имущественного ценза, другой—совет пэров, назначаемых папой; кроме того, при папе состояли государственный совет и министерство из светских лиц, назначение которых в оба учреждения зависело от папы; однако, ни один закон не получал силы без утверждения коллегии кардиналов.

В Тосканском великом герцогстве еще раньше — 17 февраля—дана была конституция по образцу французской хартии.

Наконец, когда произошла мартовская революция в Вене—и в австрийской Италии напряженное состояние, раньше там, как мы видели, существовавшее и выливавшееся в отдельные вспышки, разрешилось в революцию. Восстание Милана в дни с 18 по 22 марта принудило австрийцев оставить эту столицу Ломбардии. В то же время поднялась и Венеция и заставила австрийский гарнизон 22 марта оставить город. Бежали и герцоги пармский и моденский. Австрийский главнокомандующий генерал Радецкий заперся в четыреугольнике крепостей Брешия, Верона, Пескиера и Мантуя.

Тогда Кавур в умеренно-либеральной газете„ Воскресение“ („Risorgimento“) потребовал, чтобы Сардиния объявила Австрии войну. Карл-Альберт, под влиянием либеральной буржуазии, начал эту войну. На помощь сардинцам явились войска тосканские, неаполитанские и папские. Радецкий попытался было разбить итальянцев, и это ему частично удалось, но при Гойто он потерпел поражение от Карла-Альберта и потерял Пескиеру. Тогда Ломбардия и Венеция в мае 1848 г. присоединились к Сардинии, и Карл-Альберт был провоглашен королем объединенной Италии. Но это заставило папу и неаполитанского короля отозвать свои вспомогательные войска [1]).

Этим кончился первый момент итальянской революции: на пространстве всей политически-раздробленной страны торжествовала правая революции — крупная и средняя буржуазия; на севере Италии забрежжил свет политического единства.

---

[1]) *Сеньобое,* Пол. ист. совр. Евр., I; *Кареев,* Ист. З. Евр. в Нов. вр., V; *Базаров* и *Степанов,* Оч. по ист. Герм.

III.

Конфликт революционных сил.

Либеральная крупная и средняя буржуазия всей Италии, не только одной северной ее части, стояла за единство Италии и возлагала свои надежды на сардинского короля. Поэтому, когда Фердинанд II, завидуя Карлу-Альберту и опасаясь потери своей власти в его пользу, отозвал свои вспомогательные войска против Австрии, это вызвало большое недоверие среди крупной и средней буржуазии Неаполитанского королевства тем более, что Фердинанд II 15 мая 1848 года еще раньше отзыва своих войск с севера распустил либерально-буржуазную палату в Неаполе. Король допустил к участию в новых выборах только часть избирателей, но, несмотря иа это, палата, собравшаяся в июле 1848 года, оказалась настроенной против королевской политики и выразила сожаление по поводу того, что войска были отозваны, так как „воскресение Неаполя не может быть полным без независимости и восстановления итальянской нации". Кроме того, палата требовала, чтобы все избиратели были допущены к выборам, и чтобы правительство представило на утверждение ее бюджет. Тогда 5 сентября король прервал заседание палаты.

Между тем и Сардиния временно была устранена из борьбы. Радецкий завоевал всю венецианскую область, кроме самой Венеции, 25 июля 1848 г. разбил Карла-Альберта при Кустоцце, 4-го августа под Миланом, занял Милан и восстановил герцога моденского. 9 августа Карл-Альберт заключил с Австрией перемирие с обязательством не выходить из пределов своего королевства.

Все эти обстоятельства, указывавшие на начало потери власти и поражения либеральной буржуазии, возбудили активность республиканской партии. Раньше всего, еще до поражения Карла-Альберта и до неаполитанских событий, сейчас рассказанных, поднялись республиканцы в Неаполитанском королевстве: это произошло в мае 1848 г. Но их восстание тогда было подавлено.

Теперь, после выхода из строя Сардинии и после конфликта неаполитанского короля с палатой, показавшего бессилие последней, республиканцы выступили с решительными попытками с целью спасти революцию, что, конечно, столкнуло их с либеральной буржуазией, как еще в мае столкнуло их с ней в Неаполе.

В Риме папа высказался против демократии и объединения Италии и призвал министерство умеренных либералов во главе с Росси. Росси пытался бороться и против республиканцев и против клерикалов-реакционеров. Тогда 15 ноября Росси был убит. Народные массы в Риме, под руководством республиканцев, начали восстание и потребовали учредительного собрания. 24 ноября папа бежал. Напрасно либералы пытались примириться с ним. Учредительное собрание 9 февраля 1849 г. объявило папу лишенным светской власти и провозгласило в Риме республику. Правление было передано триумвирату, во главе которого был поставлен Мациини. Он призывал всю Италию к выборам в демократическое учредительное собрание для создания республиканского объединения всей страны.

В Тоскане на основании цензовой конституции, данной великим герцогом, собралась палата, в которой господствовала всецело либеральная крупная и средняя буржуазия. Но республиканцы заставили ее после восстания в Ливорно и волнений во Флоренции провозгласить под давлением народных масс учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. Тогда великий герцог бежал. 9 февраля 1849 г. учреждено было временное правительство, и затем провозглашена республика.

Еще раньше, 10 августа 1848 г., на другой день после того как Карл-Альберт заключил перемирие с австрий-

цами, была провозглашена республика в Венеции. Во главе правительства там встал Манин [1]).

Таким образом, в разных частях Италии революционные силы — правая и левая — вступили между собою в конфликт, и там, где левая была усилена рабочими элементами, — в Венеции, Церковной области, Тоскане, ей удалось победить и встать у власти. Она тотчас же попыталась создать республикански-демократическое единство Италии. Но попытка кончилась неудачей: для этого левая не была достаточно сильна.

---

[1]) Там же.

IV.

Поражение революции.

Революционно-республиканские перемены в центральной Италии, обнаружившие возможность республиканского объединения всей страны, привели в движение могущественную пьемонтскую крупную и среднюю либеральную буржуазию, которая желала объединить Италию около Сардинского королевства и выработала и ввела у себя конституцию монархическую, вполне соответствовавшую ее интересам; она мечтала так, на этих конституционно-монархических началах устроить и будущую единую Италию и потому побудила Карла-Альберта снова начать войну с Австрией и потом перехватить у республиканцев объединительную инициативу, пресечь им возможность оказаться единственными руководителями борьбы за итальянское единство. 12 марта 1849 года Карл-Альберт нарушил перемирие и начал войну с Австрией. Сардинцев готовы были поддержать республиканцы Тосканы и Рима, но уже 23 марта сардинцы были разбиты Радецким при Наваре, Карл-Альберт отрекся от престола в пользу своего сына Виктора-Эммануила II, а новый король тотчас же заключал перемирие с Австрией. Это была первая победа реакции: сардинская крупная и средняя буржуазия выбита была из революционного строя, удалена из революционной борьбы, Ломбардия и венецианская terra firma (континетальная область Венеции) снова подведены были под австрийский реакционный гнет.

Второй сокрушительный удар итальянской революции нанесен был в Неаполитанском королевстве. Мы видели, что Фердинанд II 5 сентября распустил неаполитанскую палату и запретил либеральные газеты. После этого он направил все свои усилия против восставшей против

него Сицилии. Сицилийский парламент собрался впервые еще 25 марта 1848 года и настаивал тогда на личной унии с Неаполем. Но Фердинанд II требовал унии реальной. Тогда 13 апреля сицилийский парламент объявил династию Бурбонов низложенной и предложил сицилийский престол герцогу генуэзскому, второму сыну сардинского короля Карла-Альберта. Но в августе Карл-Альберт не дал на это согласия. Тогда неаполитанская армия в сентябре 1848 года бомбардировала, взяла и разграбила Мессину, за что Фердинанд II был прозван „королем-бомбой". Потом республиканцы были разбиты на улицах Катании. Вся Сицилия была усмирена. Фердинанд II обещал амнистию, конституцию, вице-короля, национальную гвардию, но в мае 1849 года установил окончательно и в Сицилии полный абсолютизм. Еще до того, 13 марта 1849 г., он распустил палату в Неаполе и там также восстановил старое самодержавие. Начались неистовства реакции: две трети бывших депутатов были приговорены к смертной казни, тюремному заключению и изгнанию.

22 августа 1849 г. вынуждена была к сдаче австрийской армии Венеция, и погибла Венецианская республика.

В Тоскане либеральная буржуазия попыталась примириться с великим герцогом и призвала его обратно, республиканцы удержались только в Ливорно. Но австрийская армия заняла всю Тоскану, и Австрия заставила великого герцога в 1852 г. отменить конституцию 1848 г.

Для борьбы с Римской республикой вооружились на помощь папе Франция, Испания, Австрия и Неаполитанское королевство. Диктатор республики Maциини и главнокомандующий ее армией Гарибальди защищались энергично, с мужеством отчаяния. Гарибальди отбил французов, находившихся под начальством Удино, и нанес поражение неаполитанцам. Но надвигались австрийцы и испанцы, снова и в большем числе пришли французы. Рим был осажден и взят 30 мая 1849 г. Папа вернулся и восстановил власть кардиналов, призвав лишь им для технической помощи совет из светских лиц, назначенных папской властью [1]).

---

[1]) Там же.

V.

Реакция.

Свирепая реакция в прямом смысле этого слова, т.-е. со стремлением вернуться назад в прошлое, повернуть обратно колесо истории, господствовали во всей Италии в течение следующего затем десятилетия—от 1849 по 1859 год. Она вызывала попытки восстаний, руководимых Мадцини, но все эти попытки кончались неудачей.

Исключением являлось одно только Сардинское королевство, представлявшее собою в те годы страну, в которой производилась положительная, органическая работа по усвоению опыта революции и его приспособлению к вновь создавшимся условиям итальянской и международной жизни. Главное значение в этой работе принадлежало таким людям, как Кавур, генерал Ламармора и др. К новой политике примкнули из республиканцев Манин, а потом Гарибальди, до конца ее противником оставался Маццини, попрежнему мечтавший об единой республиканской Италии.

Сардинское королевство прежде всего вело определенно-буржуазную экономическую политику, имевшую целью создание капитализма. Особенно сильно развивалось капиталистическое земледелие, и рос вывоз хлеба. Проводились железные дороги акционерными компаниями с помощью правительства. Заключались торговые договоры. Развивался торговый флот. Уничтожено было 334 монастыря с $5^1/_2$ тысячами монашествующих, и земли их были секуляризованы.

В иностранной политике Сардиния держалась союза с Францией и Англией и потому участвовала в Крым-

ской войне против России. Кавур заключил соглашение с Наполеоном III; он обещал Наполеону Ниццу и Савойю, взамен чего Наполеон обещал ему помочь завоеванию от Австрии и присоединению к Сардинии итальянских владений Австрии—Ломбардии и Венеции.

Пропаганду и подготовку объединения вело особое общество „Национальный союз“, открытое в Сардинии, тайное в других частях Италии. Секретарь этого общества сицилиец Ла-Фарина имел тайные сношения с Кавуром.

VI.

1859—1870 годы.

Так как Сардиния сохранила конституцию 1848 года, дававшую простор развитию капиталистического общества, то расширение территории Сардинского королевства на всю Италию приводило к распространению буржуазных порядков постепенно по всей стране. Вот почему войны, которые вела Сардиния между 1859 и 1870 годами заменили собою революцию.

Первая из этих войн велась Сардинией в союзе с Францией против Австрии. Австрийцы были разбиты при Мадженте и Сольферино, но Наполеон III не исполнил до конца своих обязательств и согласился на уступку Сардинии только одной Ломбардии, без Венецианской области. Но во время войны в Тоскане, Парме и Модене и в Романье (части Церковной области) появились временные правительства, во главе которых оказались члены Национальнго союза, бывшие на службе Сардинии. Эти временные правительства таким образом были связаны с сардинским правительством и действовали по его внушению. По окончании войны население всех трех герцогств постановило присоединиться к Сардинии. Такое же постановление вынесло учредительное собрание в Романье. Кавур уговорил Наполеона III признать эти присоединения, уступив ему Савойю и Ниццу, хотя Венеция и осталась австрийской.

В 1860 году началось восстание в Сицилии. На помощь восставшим явился со своим отрядом добровольцев Гарибальди и очистил от владычества короля Фердинанда всю Сицилию, затем перешел на полуостров и

заставил короля бежать. После этого Гарибальди вторгнулся в Церковную область. В борьбу вмешалась Сардиния, и сардинские войска завладели еще частью папских владений—Марной и Умбрией, которые всенародным голосованием присоединились к Сардинскому королевству. Потом и Неаполь и Сицилия всеобщим голосованием народа приняли такое же присоединение.

В марте 1861 года Виктор-Эммануил II был провозглашен королем Италии божиею милостию и волею народа. Вне объединенной Италии остались только Венеция с ее областью и Рим. Венеция была присоединена в 1866 году, после войны Италии в союзе с Пруссией против Австрии. Рим был занят в 1870 г., когда Наполеон III, занятый войной с Германией, увел оттуда свои войска.

Торжество буржуазии и победа национального объединения нашли себе отражение и в художественной литературе 50-х и 60-х годов. Прогресс техники, промышленности, труда, науки были темами поэзии Регали, Дзанелли, Рanimaписарди. Феррари в своих комедиях изобразил возвышение буржуазии, ее борьбу с дворянством и победу над последними, а также перерождение дворянства в буржуазию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Буржуазно-демократическая революция в Испании.

I.

Подготовка революции.

Элементы буржуазной Испании родились, несомненно, еще в XVIII веке: тогда частично новые начала находили себе проявления в сельском хозяйстве и в индустрии; при Карле III буржуазия получила городское самоуправление; как и во Франции перед революцией, в Испании XVIII века важнейшими, наиболее талантливыми деятелями в политике и администрации были представители буржуазии; наконец, французская просветительная литература XVIII века нашла себе в Испании того времени в высшей степени плодородную почву. В конце XVIII в. в Испании стали появляться газеты радикально-буржуазного направления. Начались республиканские демонстрации, и старое средневековое сословно-представительное учреждение Испании—кортесы—стало идеализироваться; опираясь на него, испанская буржуазия начала строить конституционные планы.

Окончательный толчек росту революционных настроений буржуазии и осуществлению революционных попыток дала война с Наполеоном. Наполеон в 1808 г. заставил Карла IV и его сына Фердинанда отречься от престола и держал их в плену, а испанский престол отдал своему брату Жозефу. Правда, с французами в Испанию пришли некоторые новые буржуазные порядки, но общий смысл французского режима сводился к эксплоатации Испании, как колонии, французским капитализмом, что противоречило интересам уже не только старого дворянства и духовенства, но также и испанской

буржуазии, которая по классовым причинам была, как и всякая буржуазия, националистически настроена. Таким образом и старая Испания и зародыши новой были одинаково заинтересованы в пробуждении и организации национальных сил и национального сознания. Отсюда и вышел компромиссный состав кортесов, которые заседали в Кадиксе с 1809 по 1813 год, во время борьбы с французами: старая Испания была здесь представлена депутатами от городов, имевших право посылать своих представителей в средневековые кортесы, новая—выборными по одному от каждых 50 тыс. человек жителей европейских владений и по одному на каждые 100 тыс. белых жителей американских колоний Испании. Но буржуазия здесь оказалась явно и сильно преобладающей, и ею была выработана важная как знамя борьбы не для одной Испании конституция 1812 года.

По этой конституции Испания должна была быть конституционной монархией. Устанавливались однопалатные кортесы, члены которых выбирались всеобщим голосованием, но не прямым, а двухстепенным. Королю принадлежало право вето, но не абсолютное: если законопроект, два раза не утвержденный королем, принимался картесами в третий раз, он становился законом и без королевского согласия. Установлено было также равенство всех перед законом, и хотя католическая религия провозглашена была господствующей, но была, как и при французах, утичтожена инквизиция.

Эта конституция выработана была главным образом буржуазией более передовых испанских провинций, расположенных по берегам Пиренейского полуострова. Внутренние испанские провинции находились тогда в руках французов и не прислали своих представителей на кортесы в Кадикс. Между тем, эти провинции были настроены консервативно, в интересах старого порядка.

Поэтому. когда в 1813 г. французы ушли, и на престол вернулись Бурбоны в лице Фердинанда VII, то конституция, фактически почти совсем еще не действовавшая, была отменена, восстановлена была инквизиция, вернулся старый порядок, абсолютизм.

В 1820 году началось восстание, подавленное на юге, но вспыхнувшее потом на севере,—в Галисии, в Корунье.

Либеральная буржуазия имела опору в армии, которая отказалась бороться с восставшими, и король вынужден был согласиться на восстановление конституции 1812 г., на основании которой в первый раз собрались в 1820 г. кортесы. Большинство в них принадлежало умеренным, крупной и средней буржуазии, стремившейся к соглашению со старой властью и общественными силами, ее поддерживавшими. Радикальная мелкая буржуазия хотела конфликта со старой властью, развития революции. Тяжелое финансовое положение вызвало секуляризацию монастырских земель, произведенную умеренно-либеральным министерством. Тогда духовенство оказалось уже совершенно непримиримым врагом либералов. На новых выборах в кортесы победили радикалы, и это вызвало восстание сторонников старого режима и вмешательство Европы: Франции было поручено восстановить старый порядок в Испании, что и было сделано французскими войсками в 1823 году. Реакция дошла до крайних пределов. Вождь испанского либерализма Риего был повешен.

Революционные попытки 1812 и 1820 годов отражали собою настроение сравнительно еще очень небольшого слоя в населении Испании; страна была тогда еще слишком мало буржуазной и интеллигентной, а массы населения были слишком темны. Только в 30-х, 40-х и начале 50-х годов подготовляется настоящая революция, слагаются партии и вырабатываются политические программы. Определились три основные партии.

Правую, контр-революционную, непримиримо-абсолютистскую и клерикальную составляли карлисты, сторонники возведения на престол брата Фердинанда VII, Карла или дон-Карлоса.

Центр состоял из умеренно-либеральной крупной буржуазии и верхов буржуазии средней. Она поддерживала на престоле после смерти Фердинанда VII, последовавшей в 1833 г., его дочь Изабеллу, за малолетством которой регентшей была королева Христина, ее мать, вдова Фердинанда VII. Политической программой этой партии был королевский статут, обнародованный Христиной от имени Изабеллы в 1834 году. Для утверждения законов и бюджета должны были по этому статуту существовать генеральные кортесы. Они делились на два штата или

две палаты: палату „proceres" из епископов и наследственных грандов, получающих не меньше 50 тысяч франков годового дохода, и из членов, назначаемых правительством из лиц, имеющих не менее 15 тыс. франков годового дохода, и палату „procuradores"—депутатов, выбиравшихся на 3 года двухстепенным голосованием, причем избирателями были лишь граждане, имевшие значительный имущественный ценз, а выбирать можно было лишь из круга лиц, имевших не менее 3 тысяч франков годового дохода.

Левую партию составляли прогрессисты—мелкобуржуазные радикалы и республиканцы. Идеалом республиканцев была конституция 1812 года, а радикалов та же конституция, но с изменениями, внесенными в нее в 1837 году. По этим изменениям должны были существовать две палаты—сенат из членов, назначаемых пожизненно королевской властью по списку, заполненному избирателями, и конгресс из депутатов, выбираемых на три года.

В тридцатых годах карлисты подняли восстание за своего претендента, причем абсолютистов поддерживали баски, желавшие сохранить самоуправление в своих горных провинциях и опасавшиеся потери этого самоуправления с торжеством либерального централизма. Карлистскую войну закончил генерал Эспартеро, обещавший баскам сохранение самоуправления.

В 1840 году Эспартеро встал на сторону прогрессистов, Христина с Изабеллой уехали во Францию, и три года Эспартеро оставался диктатором в Испании. Но союз умеренных, прогрессистов и республиканцев заставил Эспартеро оставить власть и удалиться из Испании. Изабелла, признанная в 1843 г. совершеннолетней, вернулась в Испанию, и у власти оказались умеренные во главе с Нарваесом.

Но королева и дворянство в 1851 г. заключили союз с духовенством и заняли реакционную позицию, которая должна была свести кортесы до роли простого совещательного собрания и фактически восстановить абсолютизм. Это и было последней каплей, переполнившей чашу и вызвавшей в 1854 г. настоящую революцию [1].

---

[1]) *Сеньобос,* Пол. ист. совр. Евр., I.

II.

Революция 1854 года.

Испанская революция 1854 года началась, как и все буржуазно-демократические революции, на широкой социальной базе: против старого порядка объединилась вся буржуазия, обе ее партии—умеренные во главе с О'Доннелем и прогрессисты под руководством Эспартеро. О'Доннель поднял успешное восстание в Мадриде, Эспартеро в Арагонии. Три дня, в июле 1854 г., на улицах Мадрида происходил баррикадный бой. Христина бежала и оставила в руках восставших Изабеллу. С 1854 по 1856 г. держался союз умеренных или „либерального союза", как они теперь назывались, и прогрессистов; во главе министерства был поставлен Эспартеро, военным министром был О'Доннель.

В 1855 г. созваны были учредительные кортесы, и прогрессисты, оказавшиеся в них в большинстве, осуществили свой политический идеал, превратив и сенат в избирательную палату.

Но в 1856 г. возник и разгорелся конфликт революционных сил. В прибавок к правой революции—либеральному союзу и к центру ее—прогрессистам появилась новая партия—республиканская и социалистическая: пробудилось сознание рабочих масс и низов буржуазной демократии. Поэтому началось республиканское и социалистическое движение, независимое от либерального союза и прогрессистов, враждебное им: республиканцы в северо-восточных провинциях требовали всеобщей подачи голосов, свободы собраний и союзов, уничтожения рекрутских наборов и учреждения вместо армии всена-

родной милиции. В Барселоне рабочие восстали, убили нескольких фабрикантов и завладели городом.

В то же время началось контр-революционное восстание карлистов, сторонников абсолютизма и старого порядка.

Наконец, прогресиссты вступили в конфликт с королевой Изабеллой, не соглашавшейся утвердить закон о продаже государственных и церковных имений, чтобы избавить страну от экономического и финансового кризиса. Королева уволила в отставку Эспартеро и составила министерство О'Доннеля, который отменил конституцию 1855 г., и когда мадридская национальная гвардия подняла восстание, силою оружия подавил его. Восстановлена была конституция умеренных, к которой О'Доннель присоединил „добавочный акт": им гарантировались ежегодный созыв кортесов не меньше, чем на четыре месяца, и представление на их утверждение бюджета в начале сессии [1]).

Революция была побеждена.

---

[1]) Там же.

III.

Реакция.

Как всегда бывает в таких случаях, дело не остановилось на подавлении революционной бури: началась безудержная реакция. Изабелла призвала к власти Нарваеса, и он отменил и дополнительный акт О'Доннеля, и продажу государственных и церковных земель, стал сурово преследовать печать, словом, восстановил полностью старый режим. Однако, чувствовалась потребность в каком-то органическом синтезе между революцией и реакцией, и королева Изабелла снова призвала к власти О'Доннеля. Он был у власти пять лет—с 1858 г. по 1863 г., провел по соглашению с папой продажу церковных земель, разрешив церкви и духовенству также и покупать земли, и вел весьма деятельную колониальную политику, чтобы удовлетворить буржуазию.

Между тем карлисты перешли на сторону Изабеллы и образовали вместе с правыми из умеренных партию абсолютизма и реакции. Во главе ее встал Нарваес, который составил и реакционное министерство.

Возобновилась опять отчаянная, безоглядная реакция. Росла и усиливалась республиканская партия, имевшая свои тайные организации. Прогрессивная партия с 1863 г. стала бойкотировать выборы в кортесы, возложив все свои упования на революцию. Умеренный либеральный союз подвергался преследованиям. Удален был профессор мадридского университета Кастелар, ректор университета был уволен. Студенты произвели сочувственную ему демонстрацию, и это привело к побоищу.

Прогрессистский генерал Прим бежал заграницу и организовал оттуда несколько военных восстаний, но они кончились неудачей. Правительство распустило кортесы и изгнало из Мадрида вождя либерального союза маршала Серрано, председателя сената. Тогда составилась коалиция всех трех оппозиционных партий—либерального союза, прогрессистов и республиканцев. Результатом этой коалиции была революция 1868 года [1]).

[1]) Там же.

IV.

Революция 1868—1874 годов.

Взбунтовался флот в Кадиксе под начальством адмирала Топето. Восстали войска под руководством Прима и Серрано. Лозунги революции были: „долой Бурбонов!“, „да здравствует верховная власть нации“, да здравствует всеобщее избирательное право“. Королева Изабелла бежала во Францию. В Мадриде было учреждено временное правительство из пяти прогрессистов, четырех либералов и одного республиканца.

Революция, таким образом, опять началась на широкой социальной базе. Но в ее ходе есть существенные отличия от хода ей соответствующих моментов процесса буржуазно-демократической революции.

В 1869 году собрались учредительные кортесы, выбранные всеобщим голосованием. Они провозгласили 214 голосами против 71 конституционную монархию и установили кортесы из двух палат—конгресса, избираемого на три года всеобщей подачей голосов, и сената, выбираемого на 12 лет специальными избирателями. Объявлена была впервые в истории Испании свобода вероисповеданий.

Но республиканцы уже откололись от других партий: они заключили в Тортозе специальный договор между одиннадцатью провинциями бывшего Арагонского королевства; тортозский договор требовал федеративной республики.

Королем, после отказа нескольких кандидатов, был выбран принц Амедей Аостский, сын короля Италии Виктора-Эммануила II. Он был кандидатом прогресси-

стов. Но против него были и карлисты, и либералы, и республиканцы. Амедей пытался опереться на прогрессистов, вождем которых был Зорилья, но в конце-концов в 1873 г. отрекся от престола.

Тогда была провозглашена республика. Составилось республиканское правительство, виднейшими членами которого были Кастелар и Пи-и-Маргаль [1]).

Были созваны учредительные кортесы, в которых большинство получили республиканцы-федералисты. Президентом республики был выбран Пи-и-Маргаль, переводчик и ученик Прудона. Федералисты стояли за учреждение республики по образцу Соединенных Штатов Америки, но между ними существовало разногласие по вопросу о том, какова должна быть территория отдельных штатов. За наименьшие размеры штатов, равные кантонам, стояли анархисты-бакунисты, „непримиримые", как они себя называли. Они во имя своей непримиримости и для осуществления анархического идеала Бакунина раскололи федералистов и подняли восстание на юге— в Севилье, Малаге, Кадиксе, Алькое, Картагене. Фабриканты-предприниматели в Алькое подвергнуты были избиению, фабрики сожжены. Фактически анархистская утопия не осуществилась, получилось якобинское поравнение. Началась гражданская война между непримиримыми и отдельными республиканцами. Пи-и-Маргаль в июле 1873 года вышел в отставку. Президентом был выбран Сальмерон, профессор Мадридского университета. Но война с карлистами и бакунистами требовала диктатуры и террора, а Сальмерон был противником этого. Поэтому власть перешла к правым республиканцам, Сальмерон в сентябре 1873 г. подал в отставку, и президентом был выбран Кастелар. Кортесы вручили ему диктаторскую власть и разошлись. Кастелар в январе 1874 г. взял последний оплот бакунистов Картагену. Все это ослабило до крайности республиканскую партию и привело революцию к гибели [2]).

Поэтому в январе 1874 г. совершена была контрреволюция. Тогда собрались вновь республиканские кор-

---

[1]) Там же.
[6]) Ср. *Энгельс,* Бакунисты за работой.

тесы, но они не одобрили диктаторских действий Кастелара, и Кастелар вышел в отставку. Генерал Павия, губернатор Мадрида, разогнал кортесы военной силой и вручил власть коалиционному правительству либералов и прогрессистов во главе с маршалом Серрано. Началась военная диктатура, главной задачей которой стало усмирение карлистского, реакицонного мятежа. Но Серрано не смог справиться с этим мятежом.

Тогда 29 декабря 1874 г. генерал Мартинес Кампос, опираясь на армию, произвел монархический переворот: на престол призван был сын Изабеллы Альфонс XII. У власти стали либералы и во главе их последователь О'Доннеля Кановас дель-Кастильо. Два года он вел борьбу с карлистами, пока, наконец, в феврале 1876 г. они не были окончательно разбиты.

В 1876 г. была принята новая конституция. По ней католическая религия была признана государственной, но остальным вероисповеданиям обещана терпимость. Провинции басков, поддерживавших карлистское движение, были формально лишены автономии. Конгресс—нижняя палата кортесов—выбирался на основе невысокого имущественного ценза, сенат состоял из членов пожизненных, назначенных королем, и из лиц, выбираемых провинциальными советами, т.-е. органами местного самоуправления. Министерство было объявлено ответственным перед кортесами[1]).

Революция в Испании закончилась таким образом в 1876 году. Для буржуазно-капиталистического развития страны ею были открыты все возможности.

---

[1]) *Сеньобос,* Пол. ист. совр. Евр., I.

V.

Духовная культура Испании в первые три четверти XIX века.

В духовной культуре Испании первых трех четвертей XIX века надо различать две эпохи: эпоху подготовки революции, главным образом борьбы с Наполеоном, и эпоху самой революции.

Время борьбы с Наполеоном отличается пробуждением буржуазного и демократического национального сознания, что и оставило яркие и глубокие следы в литературе и искусстве.

В литературе здесь замечательна деятельность горячего патриота и борца против Наполеона Ховельяноса—поэта и ученого. Он имел целый ряд последователей, шедших по его стопам. Из них самым выдающимся был Кинтана, драматург, историк и философ. Пробуждение новой Испании и развенчание духовенства и монашества нашло себе выражение в сатирическом романе иезуита Франсиско де Исла „Отец Герундий", который был в свое время запрещен инквизицией. Виднейшим публицистом 20-х и 30-х годов был Мариано де Ларра, сильно толкнувший вперед общественное сознание своими „Письмами бедного болтуна".

В искусстве Испания наполеоновской эпохи дала исключительного, оригинального гения в лице Гойа: жгучее страдание, негодование, месть, ненависть нашли себе яркое выражение в его реалистически-импрессионистской живописи. По существу Гойа—гениальный борец, романтик в лучшем и высшем смысле этого слова, глядящий не назад, а вперед.

Революция и есть эпоха художественного романтизма, борьбы за новые идеалы. Романтизм был подготовлен в испанской литературе уже де ла Розой в его позднейших трагедиях, где он отошел от классицизма; но настоящим его инициатором был Хозе де Эспранседа, находившийся под влиянием Байрона, а самым ярым и признанным вождем является Хозе Зорилья. Его стихи и драмы выдержаны в хорошем романтическом стиле. „Дон Жуан Тенорио" Зорильи представляет собою уже реалистическое развенчание типа дон-Жуана, который, с точки зрения автора, не более, как вульгарный, беспринципный и бесчестный негодяй.

Зорилья дал толчек развитию романтической драматургии в Испании, особенно в драмах Риваса („Дон Альваро или Сила предопределения"), Арсенбуша („Влюбленный из Теруеля"), Гутиерреса („Трубадур"). У Бретана де лос-Эрэрроса и Вентуры де ла Вега новый господин положения—буржуазия—находит себе реалистическое уже изображение.

Такой же переход к реализму, к изображению нравов отличает романы эпохи испанской революции, точнее ее конца: это выразилось в литературной деятельности нравоописателя Андалузии—Серафина Эстебанеса Кальдерона и у Рамона де Месонеро Романоса, изображавшего старый, уходящий в прошлое перед новой буржуазной культурой Мадрид, вырождающиеся и умирающие типы Испании старого порядка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Общие выводы.

Переход от старого порядка к буржуазному строю совершился не только в тех странах Западной Европы, о которых шла у нас речь в предшествующем изложении: его пережили и Нидерланды, и Бельгия, и скандинавские страны, и страны Балканского полуострова—Греция, Румыния, Сербия, Болгария, Турция. Вне Европы его переживают, не считая Японии, Китай, Индия, Персия, Египет. Но что касается этих последних стран и Турции—там этот переворот только еще совершается, далеко еще не является законченным. Относительно же других упомянутых сейчас политических объединений можно сказать, что он совершился или почти безболезненно, или посредством войн, которые заменили собою революцию. Поэтому изучение механизма победы буржуазного общества над дворянским имеет здесь сравнительно второстепенный интерес. Специальные исследования тут надо будет еще произвести в будущем, и пишущий эти строки надеется еще, если время и силы ему позволят, вернуться к этой теме, но в данной работе своевременно, уместно и целесообразно сделать обобщающие выводы на основании того конкретного материала, какой дают такие типичные, характерные, каждая в своем роде, революции, какими являются буржуазно-демократические революции в Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Германии, Италии и Испании.

Первое, что требует здесь обобщения,—это вопрос о подготовке буржуазно-демократических революций. Несомненно, что в этой подготовке первенствующее зна-

чение имеют те зародыши производственного капитализма, которые внедряются в капитализм торговый, составляющий хозяйственную основу старого порядка, господства дворянства. Эти зародыши наблюдались нами везде, во всех странах, буржуазно-демократическую революцию которых мы исследовали. Но вот, что здесь замечательно: не во всех странах одинаковое количество этих зародышей подготовляло революцию; в одних, как в Англии, достаточно было их в одном почти только сельском хозяйстве, чтобы в конечном счете подготовить и произвести революцию, промышленный капитализм в Англии наступил гораздо позднее, долго спустя после революции; в других, как во Франции, революция произошла на пороге развития и сельскохозяйственного и промышленного капитализма; в третьих, как в Германии, Пруссии, Австрии, Италии, Испании, она была еще более запоздалой, произошла тогда, когда во всех отраслях хозяйства первые шаги по пути производственно-капиталистического хозяйства были уже сделаны. Почему это? Как объяснить эти важные особенности, не прибегая к ничего не объясняющим, а только путающим и затемняющим дело телеологии, мистицизму и метафизике?

Мы думаем, что ответа здесь надо искать в прошлом изучаемых стран.

Мы видели в свое время, что Англия рано, отчасти еще в средние века, в эпоху феодализма, в особенности же в период дворянской революции и старого порядка, оставила за собою позади другие европейские страны: феодализм английский, в силу определенных хозяйственных предпосылок, был передовым; этим облегчен был ход и исход дворянской революции, что в свою очередь ускорило и быстро привело к концу эволюцию старого порядка в Англии, сделало его непрочным и подлежащим крушению уже тогда, когда лишь в сельскохозяйственном, основном тогда, производстве зародыши производственно-капиталистического капитализма наметились с некоторой ясностью и определенностью.

Что касается Франции, ее феодализм, как мы убедились, когда его исследовали, был наиболее ярким, законченным, типичным, классическим. Отсюда вышли и типичные, классические дворянская революция и старый

порядок, столь яркие и выразительные, что имена Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV красноречиво говорят всякому сколько-нибудь исторически образованному человеку о целых эпохах, служивших образцами для подражания во всем европейском мире. Наиболее классической явилась во Франции поэтому и вся подготовка ее революции—не только хозяйственная, социальная и политическая, но и духовно-культурная.

В самом деле: сравним соответствующие явления в Англии и во Франции. В Англии по преимуществу, если не исключительно, в сельском хозяйстве появились перед революцией предприниматели нового типа,—отсюда перерождение джентри и фермеров в сельскохозяйственную буржуазию, социальное новообразование в недрах старой Англии. В политическом отношении это приводило к борьбе с самодержавием, а также с епископами и епископальной церковью, его поддерживавшими. И в силу этой церковной обоснованности абсолютизма, а также вследствие того, что чем раньше развивается идеология, тем больший религиозный отпечаток она имеет,—английская духовная культура, психология и идеология оппозиции и революции приобретает религиозную окраску, форму сектантства, прикрывавшую и выражавшую социальное содержание. Правда, и в эпоху, предшествовавшую революции, в Англии наблюдались зародыши религиозного вольномыслия и рационализма, но они были еще слабы, весьма мало повлияли на революцию и проявили себя во всей полноте только уже в эпоху развития капитализма и буржуазного общества, — в следующий период.

Иное, вследствие более позднего, чем в Англии, наступления революции, наблюдается во Франции Правда, и там социальная подготовка революции происходила больше всего в деревне, потому что сельское хозяйство было важнее индустрии. Но социальные новообразования проникли и в город. И буржуазия, промышленная и финансовая, давала себя чувствовать все сильнее. Правительственный кризис обнаружил также явные признаки насаждения элементов буржуазной государственности и разрушения более сильных, чем в Англии, французских государственных учреждений старого порядка. И все это

сопровождалось культурным разложением старого дворянства, дававшего перед своей исторической смертью пышные и роскошные, но ядовитые, отравленные и отравляющие, болезненные и болезнетворные цветы, и развитием буржуазной психологии и буржуазного миросозерцания — у крупной и средней буржуазии насквозь пропитанного религиозным вольнодумством и рационализмом, у мелкой буржуазии или атеистического или религиозного, но вневероисповедного. Оригинальность, несмотря на английское влияние, и блеск этого буржуазного течения в духовной культуре были беспримерны и до сих пор поражают наш ум и наше воображение. И здесь буржуазный протест против старого порядка и буржуазные революционные положительные идеалы достигли классической законченности, заставляющей эстетически любоваться собою. Сила и напряженность их были прямо пропорциональны силе старого порядка во Франции.

В Германии, Пруссии, Австрии, Италии, особенно Испании, буржуазно-демократическая революция экономически подготовлена была еще позднее. И опять-таки здесь прошлое властно сказалось: нам известно, что это были страны отсталого феодализма, и что если некоторые из них, как Испания, в период дворянской революции и выдвинулись вперед, то это передовое положение не было длительным, в большинстве же этих стран и того не было: отсталость сохранялась постоянно. И в свое время мы отмечали, что эта отсталость имела свои выгоды — давала возможность отсталым странам снимать сливки с культурных достижений передовых стран и потому смягчать отношения, отсрочивать взрывы, миновать некоторые первоначальные этапы, ускоренно проходить другие и т. д. Правящие классы и их правительства могли принимать предупредительные меры, делать частичные уступки.

И потому в этих отсталых странах социальная и политическая подготовка революции достигла большей зрелости, новые социальные и государственные порядки внедрялись в старое общество сильнее и шире и потому глубже его волновали, не изменяя в корне, до революции. А в духовной культуре было взято все лучшее у Франции

и идеологически и психологически двинуто далеко вперед, более пропитано духом научности, рализма, социальной организованности.

Подготовка революции — первый момент развития ее как исторического или социологического процесса. Вторым моментом революции, как процесса, является революция, как ряд бурных событий. Этот ряд имеет, как мы видели, тоже свою закономерность.

Первый закон, который ясно дает о себе знать, сводится к тому, что во всех странах без исключения буржуазно-демократическая революция в начале опирается на широкую социальную базу, объединяет все оппозиционные и революционные силы. Это и дает революционным буре и натиску победу в этот момент над силами старого порядка. Но широкая социальная база, широкое объединение оппозиционных и революционных общественных сил вовсе не означает, что все эти силы оказываются тожественными по значению и настроению. Напротив, каждый класс и в этой коалиции сохраняет свое собственное лицо, и в особенности это надо сказать о правой революции—крупной буржуазии, наиболее сознательной и организованной в этот момент. Поэтому и максимум выгод, результатов революционной победы в этот первый момент бурного течения революции достается на долю именно правой. Мы не напоминаем здесь фактов, сюда относящихся, потому что они все были приведены в предыдущих главах, выделены в них в особые параграфы, и читатель сам может легко возобновить их в памяти, перелистывая соответствующие страницы. Кажется, что уже при первом чтении этих страниц, выводы, сейчас сделанные, напрашиваются сами собой.

Затем наступает в бурном течении событий момент, когда начинают сознавать глубже и яснее свои классовые интересы другие революционные силы—центр и левая. И под влиянием этого происходит их первый конфликт с революционной правой, пока господствующей в революции. Конфликт этот пока не является решающим и большею частью не определяет собою окончательного разрыва революционных сил, носит временный характер и кончается до времени соглашением, компромиссом. Таковы были первые столкновения индепендентской

армии с пресвитерианским долгим парламентом в 1648 году, закончившееся соглашением, и расстрел национальной гвардией 17 июля 1791 г. республиканской манифестации на Марсовом поле, также не приведший к окончательному разрыву. Сюда же относятся в немецкой революции восстание Геккера, Струве и Гервега в апреле 1848 г. в Бадене и на Рейне, выступление мелкой буржуазии, студентов и рабочих в Вене 14 и 15 мая 1848 г. и баррикады 26 мая, кончившиеся уступкой правительства по спорным вопросам, наконец, в Берлине демонстрация 20 апреля 1848 г. В итальянской революции таково было майское восстание республиканцев в Неаполе и первые проявления республиканской агитации Маццини в разных частях Италии. Республиканские и рабочие движения в Барселоне и северо-восточных провинциях Испании в 1856 году были таким же первым конфликтом революционных сил в испанской революции.

Третье проявление закономерности в развитии революционных бурных событий наблюдается тогда, когда эти события достигают высшего пункта своего напряжения, когда революция развертывается во всю свою ширь. Здесь важно, какая революционная сила окончательно побеждает, и какова ее социальная природа.

В английской революции окончательная победа досталась революционному центру—индепендентам-джентльменам, мелкому дворянству (джентри), переродившемуся в сельскохозяйственную буржуазию. Левее этого революция в Англии не пошла. Почему? Потому что остальные силы революции—мелкобуржуазные, интеллигентские и пролетарские,—левеллерские и диггерские, были слишком слабы вследствие раннего характера английской революции, а правая революции—пресвитериане—имела характер главным образом торгово-капиталистический, т.-е. была еще слишком связана с прошлым и отчасти только она имела характер промышленно-капиталистический, но время промышленного капитализма в Англии еще не наступило, было впереди.

В великой французской революции победила левая—якобинцы, низы городской мелкой буржуазии и рабочие, пока последние не порвали с первыми: здесь сказался более поздний сравнительно с английской характер

французской революции. Сначала, правда, и во Франции у власти оказался революционный центр—жирондисты, которые, впрочем (это характерно), сразу были вынуждены делить власть с якобинской левой. Целый ряд причин привел, однако, в конце-концов к власти одних якобинцев: во-первых, только они могли удовлетворить крестьян, жаждавших получить освобождение от феодальных повинностей без выкупа; во-вторых, только они стояли за таксы и максимум, что было в интересах городских масс; в третьих, они решительными мерами удержали на терпимом уровне финансы революции; в четвертых, только якобинцы могли справиться с внешней интервенцией и внутренней контр-революцией. Но для всего этого нужна была энергия, решительность и организованность, возможные только для класса многочисленного и сильного. Поэтому все указанные причины, давшие победу якобинцам, являются производными от одной основной общей причины,—от силы мелкой буржуазии в соединении с пролетариатом, а эта сила объясняется всецело тем уровнем экономического развития революционной Франции, о котором у нас шла речь выше.

Германия, Пруссия и Австрия в их революционную эпоху экономически ушли значительно дальше вперед революционной Франции. Мелкая буржуазия была поэтому сжата и обессилена и справа—буржуазией крупной—и слева—начинавшим уже организоваться более или менее самостоятельно пролетариатом. Ей не хватало силы, организованности и решительности якобинцев,—энергия ее была не выше жирондистской, а численность гораздо ниже. С другой стороны, и рабочие были еще слабы, плохо организованы и классово мало сознательны. Поэтому победа во всей Германии, Пруссии и Австрии—и то неполная—досталась только крупной и средней буржуазии.

В Италии крупная и средняя буржуазия победила—и притом сразу прочно—в Сардинском королевстве и непрочно в королевстве обеих Сицилий. Республиканская мелкая буржуазия в соединении с рабочими на минуту в историческом смысле этого слова восторжествовала в средней Италии и в Венеции. Таково было разнообразное соотношение общественных сил вследствие разно-

образных хозяйственных условий в отдельных частях страны.

Наконец, в Испании 1854—56 годов у власти держалась мелкая буржуазия только в союзе с крупной: одна она господствовать не могла.

Ни одна из рассмотренных нами революций не кончилась в первом бурном ее проявлении непосредственным и прочным успехом,—все они потерпели крушение, разгром: вот еще один из законов бурного момента буржуазных революций. Очевидно, между дальнейшим развитием производительных сил вновь образующегося общества,—общества буржуазно-капиталистического,—и теми порядками, какие непосредственно насаждала торжествующая революция, существовало противоречие, имелась несогласованность. Эта основная объективная причина имела обыкновенно ряд причин производных, которые здесь также необходимо указать.

Индепендентская республика в ее идеале,—демократическом, всенародном, с неограниченной свободой личности, с идеалом имущественного равенства у левеллеров, была не по времени и не по плечу идущей к власти буржуазии, грозила развалом и анархией, в левеллерской уравнительности была совершенной утопией. Поэтому она в ее действительном, чистом, неподдельном виде сохраниться не могла.

Не могла сохраниться и якобинская диктатура, прежде и больше всего потому, что утопический идеал имущественного равенства при сохранении частной собственности в их воззрениях и практической политике выражен был гораздо яснее и последовательнее, чем у левеллеров. Затем и в связи с этим они не могли твердо поставить хозяйство и финансы. Наконец,—опять в той же связи—якобинцы Робеспьера и Сен-Жюста порвали с рабочими и тем себя в большой мере ослабили.

Окончательный разрыв революционных сил—центра и левой—с правой повел к тому, что реакция разбила их по частям и в Вене, и в Берлине, и во Франкфурте на Майне. Победу реакции в Венгрии облегчило не только иностранное вмешательство, но и внутренние раздоры революционной левой во главе с Кошутом и правой, предводительствуемой Гергеем.

На печальный исход итальянской революции 1848 г. ближайшим образом повлияло иностранное воздействие— больше всего австрийское, частично французское и испанское (в Риме), но, конечно, слабость и расхождение революционных сил были важнейшими непосредственными, конкретными причинами поражения итальянской революции. Там, где результаты революции вполне соответствовали развитию производительных сил буржуазно-капиталистического общества, интересам крупной буржуазии, и революция не пошла далее,—а это случилось в Сардинском королевстве,—революция разгрома не потерпела.

Конфликт и окончательный разрыв революционных сил привел, наконец, к крушению и испанскую революцию 50-х годов XIX века.

Но, как показывает изучение революций, результаты которого изложены в предшествующих главах настоящего тома, не везде крушение революции сопровождалось немедленным торжеством реакции, возвратом к старому порядку, хотя бы и с поправками к нему, с частичным сохранением новшеств: в двух случаях—в революции английской и в великой французской революции—полному торжеству реакции предшествовала военная или цезаристская диктатура. В чем причина этой особенности?

Так как это—особенность, оригинальная черта только двух революций, то очевидно, что, во-первых, в этих обеих революциях были обстоятельства, им свойственные, но не свойственные другим революциям, во-вторых, эти обстоятельства были одинаковы или приблизительно сходны в обеих названных революциях.

Пересматривая конкретный фактический материал, сюда относящийся и выше изложенный, мы можем открыть эти обстоятельства. Первым из них был вопрос о владении землей епископов и эмигрантов в Англии, церкви и эмигрантов во Франции: все эти земли в обеих странах были конфискованы революционной властью и попали в руки новых владельцев из буржуазии, городской и сельской. Новые владельцы были существенно заинтересованы в сохранении за ними приобретенных земель, следовательно, не хотели реакции, но в то же время они

уже не хотели и революции, так как достигли желаемого. Отсюда и вышла военная или цезаристская диктатура. Но то была лишь одна причина диктатуры. Существовала и другая: английская крупная буржуазия XVII века была заинтересована в победе над своим торговым конкурентом—нидерландской буржуазией, в том, чтобы занять ее место на морях; французская индустриальная, промышленная буржуазия конца XVIII и начала XIX века заинтересована была в том, чтобы заменить английскую монополию по сбыту фабрикатов на материке Европы собственной своей монополией. Потребности английской буржуазии удовлетворил Кромвель, французской—Наполеон.

Такова механика бурного момента революции, второго момента в развитии революции, как процесса.

После его окончания наступает третий момент—реакция.

Природа реакции двоякая: с одной стороны, это—попытка повернуть назад колесо истории, утопическое стремление вернуть утраченное, одушевляющее тех, кто ничего не забыл и ничему не научился, откуда происходят неистовства и эксцессы; с другой—это органический процесс окончательного, хотя и постепенного, вростания достижений революции в жизнь, приспособления этих достижений к окружающей среде, приспособления этой среды к революционным достижениям, перерождения всего живого в старом дворянском обществе в новую буржуазию, наконец, окончательного усвоения буржуазией высших результатов дворянской культуры, всего, что в этой культуре было ценно, объективно, общечеловечески важно. Последнее выражается в духовной культуре революционной эпохи.

Наконец, четвертый момент буржуазно-демократической революции—это вторая революция, вторичная, заключительная буря. Как показывают факты, этот момент отличается в разных революциях значительным своеобразием, и изучение закономерности его хода представляет поэтому весьма большой интерес.

Напомним относящиеся сюда факты.

В Англии вторая революция совершилась чрезвычайно легко, бескровно: точно созревший вполне плод

сам по себе свалился без всяких усилий и толчков. Старый порядок после его возврата оказался чрезвычайно слаб.

Во Франции понадобился крайний реакционный эксцесс и сила сопротивления старого порядка была настолько велика, что пришлось при его окончательном ниспровержении пролить немало крови и, хотя и в миниатюре проделать бурную революцию, в значительной мере напоминающую, хотя и с отклонениями, первую революционную бурю. Опять движение началось на широкой социальной базе, но при большей классовой сознательности и организованности отдельных революционных сил, особенно правой и центра. Инициатива и главная тяжесть всего собственно революционного действия легла на плечи масс. Затем произошел конфликт революционных сил—главным образом крупной буржуазии и республиканской и рабочей демократии. Далее имел место окончательный разрыв средней и мелкой буржуазии центра с крупно-буржуазной правой, и правая, став контрреволюционной, победила революцию, опираясь на контрреволюционное и проникнутое насквозь собственническим инстинктом крестьянство. Силы, созданные первой революцией и развитые органической эпохой реакции, за ней последовавшей, закончили вторую революцию в свою пользу, не дав ей разгореться, не освободив энергии мелкой буржуазии, к тому времени уже ослабленной процессом капиталистического развития, и рабочего класса, недостаточно еще сознательного и организованного, так как невысоко еще развитый капитализм не успел пока совершить невольную свою работу организации и пробуждения классового сознания трудящихся.

Таким образом, механизм совершавшейся революции был сложнее, потому что сложнее была, чем в Англии, социальная структура вследствие некоторой запоздалости революции.

В Германии, Австрии, Пруссии вторая революция была заменена войнами, т.-е. стоила еще больше крови, чем во Франции. Но не было зато почти внутренних потрясений или они были сведены к ничтожному минимуму. Правящая крупная буржуазия обнаружила здесь большую политическую мудрость и очень углубленную

классовую сознательность и организованность, чтобы сделать своевременные и серьезные уступки. Этим она предотвратила внутренний кризис и без гражданской войны создала буржуазную государственность. То же, mutatis mutandis, с той оговоркой, что путь здесь намечен был раньше буржуазией Пьемонта, можно сказать об Италии.

Весьма своеобразен и заслуживает большого внимания и пристального изучения заключительный момент буржуазно-демократической революции в Испании—революция 1868—1874 годов.

Бакунинское течение первого Интернационала организовало рабочие массы Испании и пропитало их утопическим анархизмом, но вместе с тем вследствие организованности увеличило их удельный вес. Кроме того, в Испании были еще полуанархические - полусоциалистические элементы, главным вождем которых являлся Пи-и-Маргаль. Поэтому, хотя революция, как обычно, началась на широкой социальной базе и утвердила сначала конституционную монархию, которая при Амедее Аостском отлилась в правильные буржуазно-парламентарные формы, но республиканцы-социалисты и анархисты оказались настолько сильными, чтобы провозгласить республику и поставить во главе ее Пи-и-Маргаля. Но „непримиримость“ бакунистов привела их к восстанию в пользу утопического анархического строя. Поднятая ими гражданская война заставила уйти и Пи-и-Маргаля, и Сальмерана и передала диктаторские полномочия республикански-буржуазной правой во главе с Кастеларом. Эта правая вышла победительницей из борьбы с бакунистами, но она одна, без социалистов и бакунистов, была слишком слаба, и восторжествовала буржуазная монархия Альфонса XII и Канаваса дель-Кастильо. Болезненность заключительного момента испанской революции объясняется ее запоздалостью сравнительно со всеми предыдущими революциями; из этой запоздалости произошла самостоятельная организация рабочих масс; в то же время, однако, испанский, как и вообще романский, капитализм стоял на все еще сравнительно невысоком уровне, при котором бакунизм владеет сознанием широких масс сильнее марксизма; отсюда проистекал бакунистский утопизм, выражавшийся и про-

граммно и тактически, а это в конечном счете повело к поражению рабочего класса, к огромным его жертвам к падению социалистической власти и к торжеству буржуазии. Круг получился широкий, и движение оказалось сложным, но исход его был таков же, как в других западно-европейских странах.

На основании всего сказанного в VIII томе нашего труда, можно теперь формулировать общие выводы, основные тезисы, касающиеся социологической закономерности буржуазно-демократических революций:

1. Буржуазно-демократическая революция, как процесс, слагается из четырех основных моментов: первый из них—подготовка революции, второй—первый бурный ее момент, третий—реакция, четвертый—вторая революция или заменяющие ее войны. В некоторых революциях между вторым и третьим моментами имеет место еще военная или цезаристская диктатура.

2. Буржуазно-демократическая революция в разных странах наступает не в одинаковой момент, не на одинаковой ступени их развития: в странах издавна передовых она наступает раньше, чем в странах отсталых.

3. Нормальным является начало буржуазно-демократической революции тогда, когда и в сельском хозяйстве и в индустрии появляются первые элементы буржуазного предпринимательства, производственного (не только торгового) капитализма. Но в более передовых странах революция начинается раньше,—когда элементы производственного капитализма возникают только или почти только в сельском хозяйстве, а в странах отсталых позднее,—когда и в сельском хозяйстве и в индустрии развитие капитализма сделало уже несколько шагов вперед.

4. Соответственно этому и в обществе появляются, умножаются и усиливаются как подготовка революции буржуазные группы и классы, более узкие и слабые в передовых странах и более широкие в отсталых; то же надо сказать о внедрении новых государственных учреждений и порядков и о разрушении старых.

5. Психологическая, идеологическая, вообще духовно-культурная подготовка революции носит в самых передовых странах религиозную окраску, в нормальных

вольнодумную, рационалистическую, только отчасти религиозную, но не вероисповедную, в отсталых странах совершенно светскую, научную и философскую, с редкой и поверхностной примесью религиозности.

6. Бурный момент революции всегда и везде начинается на широкой социальной базе, на основе коалиции всех революционных сил, дающей им несомненную победу над силами старого порядка.

7. Инициатива и главная революционная активность в буржуазно-демократической революции вообще, и в первый момент бурного течения революционных событий в частности, везде и всегда принадлежит трудящимся массам.

8. Несмотря на коалицию революционных сил, каждая из них с первого момента относится к революции по-своему, соответственно своим классовым интересам. Максимум классовой сознательности с самого начала революции проявляет крупная буржуазия; сознательность и организованность других революционных сил—мелкой буржуазии, пролетариата — определяются и слагаются постепенно, в самом ходе революции, причем степень достижения зависит от степени развития капиталистических элементов в стране ко времени революции.

9. В дальнейшем развитии событий бурного момента революции наступает, по мере увеличения классовой сознательности и организованности, первый конфликт революционных сил обыкновенно нерешительный, кончающийся компромиссом.

10. В нормальном, классическом типе буржуазно-демократической революции победа на высшем пункте развития бурных событий достается низам мелкой буржуазии с примыкающим к ней и подчиненным ей пролетариатом: диктатура этих сил — кульминационный пункт революции. В более ранних революциях победоносная сила правее: это—средняя сельскохозяйственная буржуазия. В революциях поздних такое положение занимает обычно крупная и средняя буржуазия, сельскохозяйственная и промышленная, изредка, при особо благоприятных условиях, мелкая буржуазия вместе с пролетариатом, социалистически и республикански настроенные. Все эти комбинации определяются строго и точно

уровнем экономического развития революционных стран или их отдельных частей.

11. Бурный момент в развитии буржуазно-демократических революций неизменно кончается разгромом, крушением революции; основной причиной этого является несоответствие создаваемых победоносной революционной силой порядков развитию производительных сил буржуазно-капиталистического общества. В ряду причин, производных от этой основной причины, первенствующее значение принадлежит революционному утопизму и розни, разрыву революционных сил.

12. В некоторых революциях промежуточным моментом между высшей степенью подъема революционной бури и крушением революции бывает военная или цезаристская диктатура; она создается специальными причинами: потребностью новых владельцев конфискованной у сторонников старого порядка земли, в охране этой земли от притязаний на нее старых владельцев и жаждой внешних рынков, свойственной победившей в революции крупной буржуазии.

13. Наступающая после бурного момента революционных событий реакция и реставрация характеризуется не только неистовствами и эксцессами, погоней за прошлым, попытками повернуть назад колесо истории, но и органическим процессом взаимного приспособления достижений революции и всего живого, способного к развитию и перерождению в старом обществе. В частности ярким проявлением такого приспособления является духовная культура, где происходит синтез всего ценного в старой дворянской культуре, с новыми романтическими и реалистическими настроениями буржуазии.

14. Последний момент процесса буржуазно-демократической революции протекает в разных странах, при различном уровне экономического развития различно: в очень ранних революциях крупная буржуазия очень легко делает последнее усилие, чтобы окончательно встать у руля; в революциях нормальных она тоже быстро занимает властное положение, не дав развернуться другим революционным силам, уже ослабленным (мелкая буржуазия) или еще недостаточно сильным (пролетариат), но все же в этом случае совершается ряд

бурных событий, подходящий, с некоторыми изменениями, под схему первой революционной бури; в поздних революциях или войны и связанные с ними формально-демократические уступки крупной буржуазии решают дело, или происходит сильнейшее революционное потрясение, в котором впервые выступают социалистически и особенно анархически настроенные массы, добиваются временно победы, но утрачивают ее, вследствие анархического утопизма в программе и тактике, и тем расчищают дорогу конечному торжеству крупной капиталистической буржуазии.

200-00

